

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Бегинин В. И., Тадтаев Х. Б.** Идеи примордиализма и конструктивизма в работах П. А. Сорокина 5
- Климов В. А.** П. А. Флоренский о значении генеалогии в общественной жизни 9
- Кравченко Н. Ю.** Основания средневековой западно-европейской гражданской идентичности 13
- Ситникова С. В.** Социальные зоны толерантности в молодежной среде 16
- Покатов Д. В.** Политический рекрутинг в России (XX – начало XXI века): опыт сравнительного социологического анализа 19
- Немерюк Е. Е., Аникин Л. С.** Теоретические подходы к исследованию причин миграции 23
- Калинникова М. В.** Социологические парадигмы рискогенных общественных систем в трудах русских социологов XIX–XX веков 29
- Иванова И. Н., Шарова О. Л.** Практика внедрения прикладного бакалавриата в систему СПО 32
- Ставропольский Ю. В.** Азиатские связи японской социологии 36
- Шабанов В. Л.** Динамика уровня жизни и неравенства в городе и селе: оценки с использованием данных бюджетных обследований домашних хозяйств 43
- Сунарчина М. М.** Социально-экономическое назначение и роль профсоюзов в условиях рыночной экономики 49
- Петрова Ж. В.** Возможности карьерного роста для представителей третьего возраста: реалии и перспективы 51

Слово молодым социологам

- Восканян Э. С.** Открытое общество: между проектом и идеалом (политико-философский анализ) 55
- Шавров А. В.** Социокультурные особенности малого предпринимательства в России 60
- Монтаев А. Б.** Гендерные характеристики трудовой мобильности вузовских выпускников Казахстана 63

Политология

- Вилков А. А.** Политические перспективы Союзного государства России и Республики Беларусь в контексте многовекторности их отношений 66
- Шестов Н. И.** «Евразийство» и «континентальная рациональность» 71
- Айтчисон Б.** От «латентности» к «мобилизации»: малый и средний бизнес и кампания в поддержку инспекционной реформы в России в 1998–2008 гг. 75
- Казаков А. А., Савинов А. В., Шестов Б. Н.** Функциональная теория анализа текстов масс-медиа В. Бенонита: возможности и ограничения (на примере статей «Российской газеты» о президентских выборах 2012 г.) 80
- Носаненко Г. Ю.** Взаимодействие НКО и власти в городе Набережные Челны (по материалам эмпирического исследования) 86

Слово молодым политологам

- Каминченко Д. И.** Флэшмоб как политическое явление: теоретические аспекты 91
- Кушнир В. В.** Роль органов местного самоуправления в восстановлении украинской государственности 95
- Шитова Е. Н.** «Демократии с прилагательными» в политологическом дискурсе 98
- Красанцов Е. С.** Развитие альтернативной энергетики в Китае 103
- Виноградова Е. А.** Страны АЛБА и сирийский кризис: итоги межрегионального сотрудничества 107

Приложения

Хроника

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия»
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 21.09.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,02 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 45.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в раздел Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozropolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozropolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Beginin V. I., Tadtayev H. B.** Ideas of Primordialism and Constructivism in the Works of P. A. Sorokin 5
- Klimov V. A.** P. A. Florensky on the Importance of Genealogy in Social Life 9
- Kravchenko N. U.** Bases of Medieval West European Civil Identity 13
- Sitnikova S. V.** Social Zones of Tolerance in Youth Community 16
- Pokatov D. V.** Political Recruitment in Russia (XX – the Beginning of the XXI Century): Experience of Comparative Sociological Analysis 19
- Nemeryuk E. E., Anikin L. S.** Theoretical Approaches to Research of Migration Causes 23
- Kalinnikova M. V.** Sociological Paradigm of Risk Society Systems in Russian Sociological Literature of XIX–XX Centuries 29
- Ivanova I. N., Sharova O. L.** Introduction Practice of Applied Baccalaureate AP into the System of Secondary Professional Education 32
- Stavropolsky Yu. V.** Asian Connections of the Japanese Sociology 36
- Shabanov V. L.** Dynamics of the Living Standard and Inequality in Urban and Rural Areas: Assessments with the Use of the Data from Household Budget Surveys 43
- Sunarchina M. M.** Social-economic Purpose and Role of Trade Unions in Market Economy 49
- Petrova G. V.** Career Opportunities for Representatives of the Old Age: Realities and Prospects 51

A Word to Young Sociological Scientists

- Voskanyan E. S.** The Open Society: Between Project and Ideal (Political-philosophical Analysis) 55
- Shavrov A. V.** Socio-cultural Characteristics of Small Business in Russia 60
- Montaev A. B.** Gender Characteristics of Labor Mobility of High School Graduates of Kazakhstan 63

Politology

- Vilkov A. A.** Political Prospects of the Union State of Russia and Belarus within the Context of Multi-vector Nature of Their Relations 66
- Shestov N. I.** «Eurasianism» and «Continental Rationality» 71
- Aitichison B.** From «Latency» to «Mobilization»: SMEs and the Campaign for Inspection Reform in Russia 1998-2008 75
- Kazakov A. A., Savinov A. V., Shestov B. N.** W. Benoit's Functional Theory of Mass Media Stories' Analysis: Capabilities and Limitations (as Exemplified by Articles of «Rossiyskaya Gazeta» about Presidential Campaign–2012) 80
- Nosanenko G. Yu.** Interaction Between NGOS and the Authorities in the City of Naberezhnye Chelny (Based on Empirical Studies) 86

A Word to Young Politological Scientists

- Kaminchenko D. I.** Flash Mob is as a Political Phenomenon: Theoretical Aspects 91
- Kushnir V. V.** Role of Local Government in Restoring of the Ukrainian Statehood 95
- Shitova E. N.** Democracy with Adjectives' in the Discourse of the Political Science 98
- Krasantcov E. S.** Alternative Energy Sector Development in China 103
- Vinogradova E. A.** ALBA Countries and the Syrian Crisis: Results of Interregional Cooperation 108

Appendices

- Chronicle** 112

- Information about the Authors** 120

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

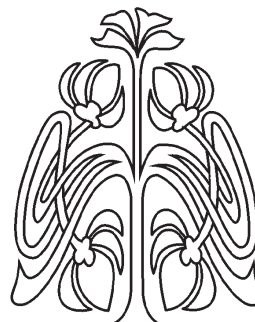
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

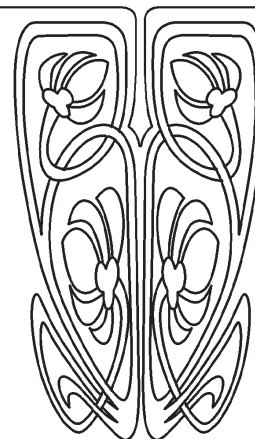
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

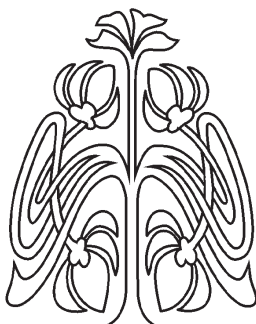
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

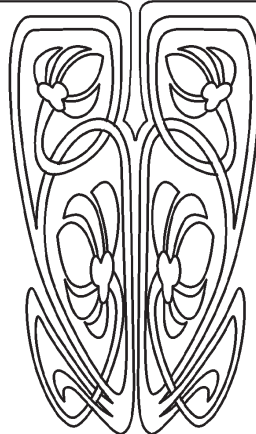

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.344.3

ИДЕИ ПРИМОРДИАЛИЗМА И КОНСТРУКТИВИЗМА В РАБОТАХ П. А. СОРОКИНА

В. И. Бегинин, Х. Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, Tadtaew@yandex.ru

При анализе национально-этнических проблем обращение к идеям П. А. Сорокина столетней давности представляется оправданным и необходимым. Отвергая биологический подход к анализу этнонации, он не отвергает ее объективного бытия. Определение этнонации предполагает указание наиболее существенных признаков, но отсутствие одного или нескольких признаков не лишает понятия «этнонация» смысла в конкретных исторических и географических условиях.

Ключевые слова: этнос, нация, этнонация, раса, примордиализм, конструктивизм.

Ideas of Primordialism and Constructivism in the Works of P. A. Sorokin

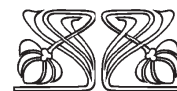
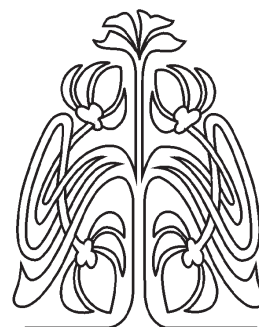
V. I. Beginin, H. B. Tadtaev

When analyzing national and ethnic problems our appeal to P. Sorokin's ideas of a hundred years ago seems to be justified and necessary. Rejecting biological approach to the analysis of ethnic nation, it does not reject its objective existence. Definition of ethnic nation suggests enumeration of its most essential features, but lack of one or several features does not deprive the concept of «ethnic nation» of its meaning in specific historical and geographical background.

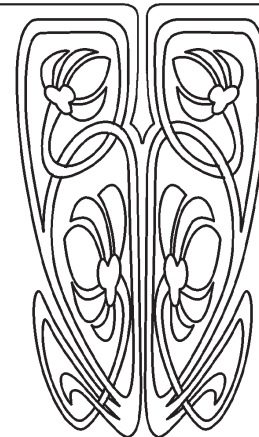
Key words: ethnicity, nation, ethnic nation, race, primordialism, constructivism.

Работы и идеи П. Сорокина в последние два десятилетия не просто востребованы в России, но и подвергаются определенной «фетишизации». Родина как бы искупает вину перед великим мыслителем за вынужденную пожизненную эмиграцию и замалчивание его работ в течение многих десятилетий. Это замечательное явление, но чрезмерно однолинейное, поскольку, обращаясь к работам мыслителя чаще, отмечается их «раритетный» характер и редко (или чрезмерно редко) показывается их современная актуальность в функциональном плане. Между тем идеи П. Сорокина могут иметь огромное методологическое значение и в наше время. Это относится, в частности, к национально-этнической проблематике. Отечественные (и не только отечественные) исследователи данной проблематики в последние два десятилетия дифференцировались на две парадигмы: эссенциалисты (примордиалисты) и конструктивисты (постмодернисты). Наличие различных точек зрения – факт, несомненно, позитивный, но тревогу вызывает то, что эффективность многих талантливых исследований снижается вследствие многих факторов. И главным в этом ряду представляется, прежде всего, непримиримая позиция исследователей. Дискуссия последних лет при анализе этнических проблем часто напоминает судебный процесс, где оппоненту даются самые негативные, а порой оскорбительные характеристики: отсутствие патриотизма и принципиальности, научная недееспособность и т. д. С углублением дискуссии точки зрения не только не сближаются, но становятся все более непримиримыми, а позитивный сдвиг в обозримом будущем представляется маловероятным.

Очень большой резонанс (положительный у эссенциалистов и, вполне естественно, отрицательный у конструктивистов) получила работа С. Е. Рыбакова «Философия этноса»¹. Он уверен, что отдель-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ные характеристики, какими бы существенными они не представлялись, не исчерпывают сущности этноса. С. Е. Рыбакова не удовлетворяет, прежде всего, ставшее в отечественной науке хрестоматийным определение этноса. Согласно этому определению, «этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, но сознают как свою общность, так и своё отличие от членов других таких же этнических групп»². Он уверен, что этническое нельзя зафиксировать исключительно через язык, культуру, психологию и другие внешние эмпирически данные маркеры. «Главное, – утверждает С. Е. Рыбаков, – что члены этноса считают себя родственниками, чувствуют себя родственниками и ведут себя как родственники, в чем и заключается феномен этничности – результат субъективного (бессознательного и сознательного) усвоения в течение жизни каждым членом этноса объективной примордиальной данности аргіогі»³. Слабая аргументированность подобного вывода более чем очевидна. Однако мифичность «кровного» родства и невозможность биологизаторского истолкования этноса не может служить основанием для отрицания объективного бытия этноса.

Волевое стремление к отрицанию объективного бытия этноса конструктивистами, наряду со множеством других факторов, на наш взгляд, объясняется «запалом» противостояния примордиализму, неприятием биологизаторского истолкования этноса. Большой интерес в этой связи вызвала фундаментальная работа В. А. Тишкова «Реквием по этносу». Исследование В. А. Тишкова, несомненно, является новым важным шагом в осмыслении кризисных процессов, происходящих не только в России, но и в мире в целом. Хотя, вопреки наименованию работы «Реквием по этносу», в некоторых разделах исследования провозглашается «За здравие» этносу⁴, но в конечном итоге утверждается, что этносов в реальности нет и быть не может.

Мифологизация и мистификация различных сфер этничности неприемлемы, но однозначно неприемлемо и отрицание этничности. В этой связи весьма уместно обратиться к идеям П. Сорокина столетней давности, но не потерявших своей актуальности и научной новизны. Он категорически отвергал биологизаторство этнонации: «В наше время чистота крови сохраняется разве только на конских заводах, выводящих “чистокровных” жеребцов, да и в хлевах йоркширских свиней, да и там, кажется, не этим “расовым” признаком обуславливается “симпатия” одного коня к другому. В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен»⁵. Отвергая биологизаторский подход к этнонации, П. Сорокин не отвергает объективного бытия этнонации, т. е. не

становится конструктивистом. На вопрос, существуют ли в реальности этнонации, он отвечает однозначно: «...да, конечно, существуют, но связь, объединяющая их, или язык, или религия, или общие исторические воспоминания и т. д., то есть одна из вышеуказанных связей, сама по себе не достаточна для установления и кристаллизации национальности»⁶. П. Сорокин при определении этнонации занимает гибкую, реалистическую позицию.

При определении этнонации возникает необходимость в указании наиболее существенных признаков, необходимых для формирования этнонациональной общности. Однако отсутствие одного или нескольких признаков, какими бы существенными они не представлялись, не лишает понятия «этнонация» смысла. Значимость различных признаков весьма относительно исторически и географически.

Анализ отечественной литературы как советского, так и постсоветского периода показывает, что при определении этнической общности одним из главных факторов считается общность языка. Значимость данного фактора очевидна, но не всегда убедительна. Немцы и большинство швейцарцев (65%), австрийцы и люксембуржцы говорят на немецком языке, но принадлежат к различным этносам. Нельзя не согласиться с утверждением П. Сорокина, что «на почве одного языка нельзя построить здание национальности»⁷. Общность языка не всегда означает принадлежность к одному этносу.

С другой стороны, как это ни парадоксально, внутри одного этноса могут функционировать несколько языков (именно языков, а не наречий).

Наличие нескольких языков внутри одного этноса – хотя и не распространенное, но и не редкое исключение. Так, наряду с ирландским этносом многоязычие присуще и грузинскому этносу. Вместе с литературным грузинским языком и множеством диалектов и наречий функционируют также бесписьменные языки: мегрельский (мингрельский, иверский), распадающийся в свою очередь на два диалекта – зугдидско-самурзаканский и сенакский, и сванский. Все они относятся к картвельской группе кавказских (иберийско-кавказских) языков, но, тем не менее, речь идет о различных самостоятельных языках. Несмотря на языковые различия, мегрелы и сваны, как и другие этнические группы грузин, однозначно причисляют себя к грузинскому этносу. Наличие различных языков не препятствует самоидентификации этнической общности.

Можно ли на основании приведенных примеров сделать вывод, что общность языка не является необходимым фактором при определении этнической общности? Такой вывод вряд ли можно назвать аргументированным на основании отдельных примеров. Для большинства наций наличие общего языка характерно. Поли-

язычность этноса – исключение, но не правило. Однако перечисленные примеры все же дают возможность для следующего заключения: общность языка – одно из важнейших условий этнической общности, но не всегда главный или даже один из главных факторов.

Тем не менее в отечественной научной и публицистической литературе при определении этнонации общность языка часто ставится на первое место. Так, Д. Павлычко, анализируя проблемы государственного языка и духовного творчества народа, писал, что «народ объединяет физическая территория и духовное пространство. Утратив территорию, он все же может сохраниться как общность. Потеряв язык, свою духовную землю, народ перестает существовать, он распадается. Агония может длиться десятилетиями, наполняя атмосферу миазмами аморальности, вырождения духовности, отравляя все окружающее»⁸. Автор употребляет весьма сильные выражения, рисуя почти апокалиптическую картину. Нельзя не согласиться с Д. Павлычко в том смысле, что потеря языка большей частью связана с изменением этнической принадлежности.

Однако история помнит и ситуации противоположного характера, когда потеря национального языка не порождала этнической переориентации. В XII в. началось завоевание Ирландии Англией, и к XVII в. Ирландия была полностью порабощена. Английский язык насаждался среди населения, и хотя ирландцы упорно отстаивали свою национальную культуру и язык, английский язык завоевал господствующее положение в стране. С приобретением Ирландией независимости (1937 г.) ирландский язык наряду с английским объявляется государственным, но все же большинство населения им не владеет. Родным языком большинства ирландцев является английский. Однако незнание ирландского языка не стало помехой четкому ощущению и осознанию своей принадлежности к ирландскому этносу.

Пример ирландцев, когда потеря родного языка не ведет к этнической переориентации, не является крайне редким исключением. Так, согласно Всероссийской переписи населения, в России 230 тыс. граждан объявили себя принадлежащими к еврейскому этносу, хотя еврейскими языками (идиш или иврит) владели лишь 14,2%. Подавляющее число евреев СССР (83,7%) не владели еврейскими языками, но самоидентифицировали себя с еврейским этносом, для них критерием принадлежности к этносу язык не является. Почти аналогичное положение сложилось и у греков, населявших бывший СССР: из 344 тыс. греков родным языком владели лишь 38%, но и остальные греки также сохранили свое национальное самосознание.

На наш взгляд, не стоит преуменьшать фактор языка при определении этноса. И все же при анализе отечественной и зарубежной литературы по данной проблеме создается впечатление, что в

первом случае фактору языка придается большее значение, чем во втором. Объяснить подобную традицию трудно, если вообще возможно. Здесь придется обратиться к множеству исторических факторов.

В формировании данной традиции, когда общность языка рассматривается как главный признак при определении этнонации, не последнюю роль сыграла работа И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Эта работа впервые была напечатана в журнале «Просвещение» за 1913 г. и с тех пор переиздавалась десятки раз. В нашу задачу не входит анализ достоинств и недостатков работы И. В. Сталина, но необходимо отметить, что еще до прихода к власти автора она считалась непревзойденной.

И. В. Сталин писал: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁹. В 1960-х гг., когда основополагающие теоретические работы бывшего вождя подвергались «дружной» критике, изменилось отношение и к «Марксизму и национальному вопросу». Но, критикуя отдельные положения данной работы, истинность основных признаков нации не подвергалась сомнению. Определение нации, данное И. В. Сталиным, стало в отечественной литературе классическим, общепринятым.

Анализируя соотношение различных признаков нации, И. В. Сталин отмечал, что «не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе»¹⁰. Декларируя равнозначность и необходимость одновременного наличия всех признаков, вместе с тем язык всегда ставят на первое место. То есть язык рассматривается как самое существенное из всех «равных» признаков. И такое отношение к значимости языка стало традицией в отечественной литературе. Ни в коем случае не подвергая сомнению значение языка для этноса, отметим, что имеются реальные факты, когда этнос существует без общности языка. Такое утверждение, на первый взгляд, кажется несуразным, но не потому, что противоречит реальности, а потому, что противоречит сложившейся научно-литературной традиции.

При определенных условиях, как было сказано выше, двуязычие (ирландцы) и даже полиязычие (евреи, греки, грузины) не являются препятствием для этнической общности.

Итак, наличие общего национального языка не всегда является обязательным условием этнической общности. Но общность языка также не всегда предполагает этническую общность.

С началом «этнического ренессанса» и пробуждением национального самосознания, пересмотром сложившихся стереотипов в конце 1980-х гг. в бывшем СССР пробуждается стремление по-новому оценить сущность этнонации. При этом в процессе анализа диалектики различных признаков этноса часто доминирующим признается значимость особенностей характера, хотя и не отрицается роль других факторов.

Так, доктор исторических наук В. П. Ступишин писал, что «народ с национальным характером – это и есть нация, которая наследует от первобытных и последующих промежуточных состояний язык, обычаи, духовный склад, экономическое единство и, конечно же, территорию – ведь на ней только и может осуществляться его способность стать нацией, т. е. народом, организованным в государство»¹¹. Единственным признаком этнонации в данном случае признается характер, все остальные рассматриваются как условия развития этноса, а не как необходимые признаки этноса. В определенном смысле В. П. Ступишин возвращается к точке зрения О. Бауэра, против которой так категорично выступил И. В. Сталин. Насколько такая позиция соответствует реальному процессу развития национально-этнических общностей? Действительно ли определяющим признаком общности этноса является характер, как утверждает Ступишин, или общность языка, согласно утверждению Павлычко? Вряд ли – за отсутствием четких, общепризнанных критериев – на подобные вопросы можно дать однозначный ответ.

Значимость таких этнических признаков, как язык, культура, национальный характер, варьируется в зависимости от конкретных исторических и общественно-политических условий. Причем в одних условиях доминирует значение языка, в других – черт характера, в третьих – культуры и т. д.

При анализе проблем этноса возникает вопрос: является ли этническая принадлежность фактором антропологическим, врожденным или же формируется в процессе становления личности в зависимости от окружающей социальной действительности? В отечественной научной литературе мнения по данной проблеме часто диаметрально расходятся. Так, А. Г. Здравомыслов при анализе этничности отмечает, что «национальную (этническую. – *Авт.*) принадлежность не выбирают, она дается человеку вместе с рождением, и, следовательно, нет оснований ни стыдиться своей национальной принадлежности, ни гордиться ею»¹². С утверждением, что национально-этническую принадлежность не выбирают, невозможно не согласиться. Младенец не выбирает, в какое время и в какой этнической среде родиться. Однако этническая принадлежность его родителей не всегда предопределяет его будущую этническую принадлежность. Формирование этничности зависит всегда

от конкретной и всегда специфической особенности социальной среды. Достаточно внимательно проанализировать данные последней (2002 г.) Всероссийской переписи населения, чтобы убедиться – дети, родившиеся некогда в моноэтнической семье, часто не наследуют этническую принадлежность своих родителей. Мы сознательно игнорируем в данном случае акты усыновления, когда приемные родители принадлежат к другому этносу. У ребенка «в процессе социализации, – пишет Ю. И. Семенов, – формируется не просто даже сознание, а чувство этнической принадлежности. А чувства, как известно, возникнув, уже не зависят от сознания и воли людей, хотя со временем могут меняться»¹³.

Этничность невозможно объяснить кровной или генной общностью. Этническая принадлежность – не антропологический фактор. Однако, сформировавшись в определенных социальных условиях, личность не может в будущем произвольно менять этническую самоидентификацию. Этническая переориентация не исключается, но это долгий и сложный процесс.

Значимость этнической идентичности среди других форм идентификации (религия, гражданская принадлежность, социальный класс, раса, профессия и т. д.) может существенно варьироваться в зависимости от конкретных социально-исторических реальностей. В определенных условиях она может быть даже доминирующей. В этой связи нам представляется некорректной постановка вопроса В. А. Тишковым: «... если этническая принадлежность столь фундаментальна, формируется почти в младенчестве и сама по себе не должна подвергаться воздействиям, кроме признания и уважения, тогда почему подавляющее большинство людей в мире и значительная часть россиян не знают, что такое “национальность” в ее этническом смысле?»¹⁴. Как известно, чай с сахаром пьют во всем мире, но большинство людей не имеют представления о химической формуле сахара, хотя знают, что такое сахар. Наряду и одновременно с научным познанием существует вненаучное обыденное практическое познание, и они не тождественны. Неспособность большинства людей дать точную дефиницию этнонации не лишает их определенной этнической принадлежности и не является признаком деэтнизации или исчезновения этносов.

Наличие этносов предполагает этническое самосознание, осознание своей принадлежности к определенному этносу и восприятие, осознание других этносов как чужих (именно чужих, а не враждебных). Этническая самоидентификация является важным фактором, но в исключительных случаях оказывается не востребуемой. У конкретного человека в определенных условиях этническая самоидентификация может расщепляться между «несколькими конкурирующими этническими идентификациями»¹⁵. Такое явление характерно для людей, имеющих родителей,

принадлежащих к разным этносам или формирующихся в этнической среде, к которой не принадлежат их родители. Не является редкостью определенное «равновесие» между осознанием принадлежности к этносу или субэтносу.

Невозможно представить этнос без определенного этнонима – названия этноса, которое воспринимается всеми или большинством представителей данного этноса. Однако и этот фактор не всегда востребован. Так, самоназвание грузин – картвели, однако в узком смысле картвели – это этноним лишь части грузин – картлийцев, но не гурийцев, хевсуров, мингрельцев и т. д. В данном случае этноним одного субэтноса стал этнонимом всего этноса (или становится таковым). Невозможно игнорировать тот факт, что самоназвание этноса часто не совпадает с названиями, которыми его наделяют другие этносы. Самоназвание грузин – картвели, но русские именуют их грузинами, осетины – гуырдзиаг, англичане – georgians и т. д.

В любом случае этнос невозможно определить через перечень объективных и субъективных факторов, какими бы существенными они ни представлялись. Такая попытка означает надевание «смирительной рубашки» на процесс этногенеза и на сами этнонации. С содержательной точки зрения формирование любого этноса уникально и неповторимо. В то же время уникальность и неповторимость не исключает, а предполагает выявление того типичного, характерного, что присуще всем или большинству этносов.

УДК 316.334+929.5

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ О ЗНАЧЕНИИ ГЕНЕАЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В. А. Климов

Саратовский государственный университет
E-mail: Klimov-VA1946@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды П. А. Флоренского (1882–1937) на роль генеалогии в жизни общества. Особое внимание уделяется воспитательной функции генеалогии.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, генеалогия, традиция, семья, воспитание.

P. A. Florensky on the Importance of Genealogy in Social Life

V. A. Klimov

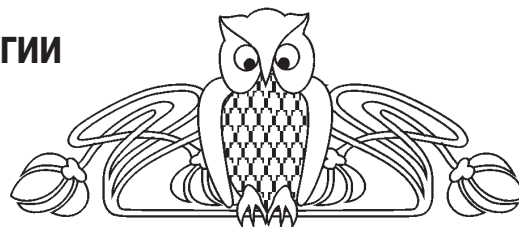
The article deals with P. A. Florensky's (1882–1937) views on the role of genealogy in society. The educative function of genealogy is paid peculiar attention.

Key words: P. A. Florensky, genealogy, tradition, family, upbringing and education.

Начало XX в. в России – это эпоха необычайного духовного подъема, творческих исканий

Примечания

- 1 Рыбаков С. Е. *Философия этноса*. М., 2001.
- 2 Чебоксаров Н. Н. *Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины*. М., 1997. С. 29.
- 3 Рыбаков С. Е. *Этничность и этнос // Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. С. 20.
- 4 Тишков В. А. *Реквием по этносу*. М., 2003. С. 60.
- 5 Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация, общество*. М., 1992. С. 245.
- 6 Там же. С. 248.
- 7 Там же. С. 247.
- 8 Павлычко Д. *Государственный язык и духовное творчество народа // Дружба народов*. 1989. № 6. С. 222.
- 9 Сталин И. В. *Соч.* : в 16 т. Т. 2. М., 1954. С. 296.
- 10 Там же. С. 301.
- 11 Ступишин В. П. *Самоопределение народов : традиции и действующее право // Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 110.
- 12 Здравомыслов А. Г. *Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Б. Олкотт, И. Семенова ; Московский центр Карнеги*. М., 2001. С. 41.
- 13 Семенов Ю. И. *Торопиться с зауспокойной молитвой по этносу вряд ли стоит // Философия и общество*. 2006. № 2. С. 101.
- 14 Тишков В. А. *О культурном многообразии // Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 5.
- 15 Семенов Ю. И. *Указ. соч.* С. 100.

и открытый в философии, литературе, искусстве. Н. А. Бердяев с полным основанием назвал эту эпоху «настоящим культурным ренессансом». «Только жившие в это время, – писал он, – знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое веяние духа охватило русские души. Россия пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряженные религиозные искания, мистические и оккультные настроения»¹. Все эти веяния и настроения отразились в творчестве Павла Александровича Флоренского (1882–1937) – ученого, философа, священнослужителя.

Личность Флоренского, писал историк русской философии Н. О. Лосский, поражает разнообразием дарований. В своей творческой деятельности Флоренский «проявляет сверхчеловеческую эрудицию: не только в области богословия и философии он у себя дома; на помощь

своему философствованию он привлекает знания и литературу из самых разнообразных областей – медицины, психо-патологии, фольклора; но особенно охотно он обращается к лингвистике...»². Кроме того, Флоренский – поэт-символист, друг Андрея Белого, автор сборника стихов; искусствовед, тонкий знаток живописи и музыки; выдающийся математик, физик, астроном, инженер-изобретатель, внесший немалый вклад в электрификацию России.

Но была еще одна сфера социального знания, особая сфера, в которой органично совмещались и научные интересы, и личные, интимные устремления, переживания ученого. Это – генеалогия, в которой Флоренский видел на сухую и скучную дисциплину, а интересную, творческую, перспективную науку, открывающую огромные возможности для более глубокого познания человека и человеческой истории.

Сущность и значение генеалогических идей Флоренского еще недостаточно раскрыты в работах, посвященных анализу его творческого наследия. Между тем эти идеи, безусловно, являются органической частью мировоззрения ученого, гармонично вписываются в систему его философских, исторических и социологических взглядов. Умственный взор философа был всегда обращен к традиционным ценностям, к глубинным основам исторической жизни народа. В связи с этим можно привести мнение видного русского философа В. В. Зеньковского, который отмечал преклонение Флоренского перед «цельной жизнью» народа, его последовательное обращение к опыту «цельной народной души»³. Стремление постигнуть сущность души народа и его исторического бытия сближало взгляды Флоренского со взглядами одного из выдающихся мыслителей начала XX в. – В. В. Розанова. В письме Розанову (26 окт. 1915 г.) Флоренский так определяет общие черты их творческих исканий: «Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному, и, скажу определенно, к *корню* – к корню личности, истории, бытия, знания... И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подъедает, что хочет расти не на корне, а “само по себе”»⁴.

Таким образом, здесь речь идет не просто о научном интересе, но и об особом состоянии души мыслителя, уму и сердцу которого была близка и дорога та «корневая основа» народной культуры, та глубина народной души, которая обозначается понятием «традиция». Именно генеалогия является типичной, показательной формой традиции, воплощающей неумирающую память о предках. Трудно найти другую форму исторической памяти, которая так же глубоко и полно отражает органическую связь прошлого и настоящего, присутствие прошлого в жизни современного человека, как генеалогия.

Проблема сохранения исторической памяти актуализируется в эпохи общественных пере-

мен. Это ясно осознавал Флоренский. «Мы живем в такое время и среди такой полосы назревающих событий, – писал он в 1919 г., – когда с охранением памяти прошлого воистину надо быть на страже»⁵.

Обращение Флоренского к генеалогии объясняется прежде всего заботой о сохранении культурного наследия. Но не только. Были и личные мотивы, которые побудили его заняться генеалогическими изысканиями – столь далекими, казалось бы, от его научных и философских интересов. Увлечение генеалогией пришло к Флоренскому на определенном этапе его жизненного пути. Объясняется оно особенностями его воспитания и духовного развития. Его детство прошло в обстановке религиозной индифферентности и почти полной отрешенности от родового прошлого. Родители Флоренского были типичными представителями разночинной интеллигенции XIX в. В семейной атмосфере царили трудолюбие, моральная чистота, высокие культурные запросы, скромность в материальных потребностях, отвращение к «условностям», показной мишуре и фальшивому блеску. Но это была семья без родословной, ветвь, оторванная от генеалогического древа. Обобщая свои детские впечатления, Флоренский писал: «Наша жизнь была жизнью “в себе”, хотя едва ли “для себя”, – существованием, отрезанным от общественной среды и от прошлого. И в пространстве и во времени были мы “новым родом”, новым поколением – сами по себе... Мы, дети, почти не знали прошлого своей семьи, не говоря уже о нашем роде. На настоящее и, главным образом, на будущее смотрели глаза моих родителей. А прошлое... прошлое теоретически отрицалось, фактически не было известно или почти не было известно... Отец мой и мать моя выпали из своих родов: и понятно, что нить живого предания выпала из рук их, а отчасти и была просто выпущена...»⁶. Флоренский подчеркивал, что не может в этом обвинять своих родителей: они по-своему были «подвижниками и праведниками», но их сознание таило в себе «яд нигилизма», воспринятый из окружающей среды в годы их молодости. «Была такая ужасная полоса русской истории, – писал он, – и сколько душ искалечено ею, сколько чистых сердец сделалось несчастными и бесприютными!»⁷

Речь идет о 60–70-х гг. XIX в. – эпохе стремительного обновления всех сфер жизни, великих (объективно необходимых!) реформ и в то же время – эпохе, положившей начало катастрофическому разрыву исторической традиции, отрицанию многих важнейших традиционных ценностей. В. О. Ключевский рассматривал эту эпоху как «первый антиисторический момент в русском общественном сознании...»⁸. Не случайно знаковым явлением эпохи стал конфликт «отцов и детей», отраженный в знаменитом романе Тургенева. «Героем» этого времени стал

нигилист Базаров, беспощадно осуждавший и отвергавший духовный и нравственный опыт предшествующих поколений. Флоренский так оценивал амбициозные устремления людей, подобных Базарову: «Они тогда знать не хотели ничего, кроме себя... Все хотели – не принять как дар Божий, а создать... Думалось лишь об одном, как из себя все заново построить... Поэтому отцов они, семидесятники, не признавали... Сами они хотели быть отцами. Но они не умели и не желали быть сынами. Сами себе они были и отцами, и царями, и богами»⁹. Эта оценка показывает отношение Флоренского к претензиям радикальной части русской интеллигенции писать историю «с чистого листа», отвергая и искореняя традиционные ценности.

По мере взросления Флоренский все глубже осознавал, что «жить с пустотою в прошлом скучно и некультурно»¹⁰. В его душе рождалось стремление преодолеть отчужденность от родовых корней. Впоследствии он писал о своих мыслях и переживаниях в тот период: «Быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории. А мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира – я, конечно, в лице своих предков. Этого-то знания я лишен был, хотя всегда чувствовал, сам не знаю почему, что род наш очень древний и что возможность такого исторического самоопределения для нас, Флоренских, не исключена по существу»¹¹.

В дореволюционной России практически каждый дворянин знал свою родословную и мог подтвердить ее документально. Дворянские усадьбы с их библиотеками и архивами, переходящими от отца к сыну, с портретами предков на стенах, хранили в себе эту память о прошлом. Ничего этого не было в семье разночинцев Флоренских. Поиск сведений о родовых связях приходилось начинать с нуля. Флоренский собирал их путем расспросов, архивных и книжных разысканий. «Эти знания мои, – писал он, – не были знаниями, всосанными с молоком матери, не были жизненными, навек неотделимым от ума моего впечатлением, но были археологической реставрацией прошлого, научной работой, подобной всякой другой научной работе»¹².

Поражает тот энтузиазм, с которым молодой Флоренский погрузился в генеалогические изыскания. На протяжении четверти века, вплоть до своего ареста и ссылки в 1933 г., наряду со своими богословными, философскими и научно-техническими исследованиями, он занимается упорной и настойчивой работой по восстановлению прошлого своего рода. В 1915 г. Флоренский пишет Розанову: «Я копаюсь, копаюсь, можно сказать, в вещах, которые никогда не будут достоянием печати и самое большее будут сообщены друзьям. Копаюсь в *роде* своем. Собираю

имена предков, устанавливаю соотношение ветвей рода, с любовью вглядываюсь в то немногое, что можно узнать о каждом имени в отдельности; это стоит больших усилий, непрестанной переписки, перелистывания десятков томов и папок, расспросов, поездок даже. Найти какой-нибудь год или имя – целое открытие; получить документ или выписку – большая радость»¹³.

Мы видим, что Флоренский отдавался трудной работе по сбору и систематизации генеалогических сведений с подлинной страстью, считая это своей важнейшей жизненной задачей. В 1919 г. он писал своей тетке З. И. Флоренской-Струковской: «Не любопытство говорит во мне, когда спрашиваю я вас, и когда хочется мне запечатлеть каждую малейшую черточку прошлого, столь для меня утерянного. Нет – это чувство ответственности перед будущим, исполнение долга и почтение к прошлому, исполнение заповеди о почитании предков. И мне мучительно, знаете – как бывает мучительно и тоскливо до тошноты, мучительно думать, как утеривались и утериваются сведения о нашем прошлом, наши портреты, наши документы <...> Мне дорог всякий клочок, всякая строчка, ибо и малое бросает иногда неожиданный свет на самое важное, да наконец просто дороги и милы самые мелочи»¹⁴. Флоренский остро переживает потерю семейных документов – ведь в них «жизнь, жизнь прошлого, дорогого, последние материальные следы его на земле, и думать о гибели таких следов, и притом гибели по моей беспечности или вялости – мне почти как думать о гибели дорогих людей, прямо нож острый»¹⁵.

Следует подчеркнуть, что интересы Флоренского не ограничивались лишь историей его семьи. Он поставил перед собой масштабную задачу: восстановить генеалогию всего рода Флоренских, собрать как можно больше сведений об их родственных связях. Решение этой задачи в полном объеме по силам, пожалуй, целому коллективу исследователей. Но Флоренский и в одиночку сумел достигнуть определенных результатов. Ему удалось выяснить, что Флоренские, которые первоначально именовались Флоринскими или Флиоринскими, появились в Малороссии в XVIII в. и затем разделились на несколько ветвей, потерявших связь друг с другом. И ученый пытался выяснить, в каком соотношении между собой находятся отдельные ветви рода, как его представители попали в Слободскую Украину, потом переселились далее – на север, причем одни ветви стали светскими, другие – духовными. Особенно ревностно Флоренский восстанавливал костромскую линию своих пращуров, настойчиво искал сведения об их родственных связях с семействами Соловьевых, Ушаковых, Ивановых, Сапаровых и др. Он находил среди своих предков и родственников, близких и дальних, людей разных сословий, характеров, судеб. В родословной у него, отмечал

Флоренский в письме В. В. Розанову, «пестрота невероятная, начиная от мещан и до графов Разумовских, бывших почти на престоле, от бедных дьячков и до знаменитого епископа, от забытых судьбою сирот и до владетельных царьков... Однако костромские дьячки одни только всецело привлекают мое внимание, и сердцем я именно с ними»¹⁶.

Таким образом, продвигаясь по пути генеалогических изысканий, Флоренский все более последовательно выдвигал на первый план понятие «род», рассматривая его как «основную историческую категорию»¹⁷. Он видел в нем целостный, динамичный общественный элемент, история которого не сводится к истории отдельных семей и ветвей. Принципиальное значение имеет тезис Флоренского: «Род – целое, а не сумма последовательных поколений»¹⁸. Структура рода представляет «сложную мозаику». По законам генетики, отмечал Флоренский, комплекс наследственных качеств передается от родителей к детям, усложняясь с каждым новым поколением. «Но генеалогия имеет в виду нечто большее – не только биологическую наследственность, но и всю сумму качеств, унаследованных от предков, будь то путем биологическим, или педагогическим, или нравственным, духовным и т. д. У каждого рода есть свои привычки, свои традиции, свои нравственные особенности, свои вкусы, своя нить культуры, связи с историей...»¹⁹ Эти характерные родовые черты, утверждает Флоренский, «властными и бессознательно воспринимаемыми штрихами» определяют душу каждого члена рода и своеобразно проявляются в каждом поколении.

Поиск своих родовых корней, изучение истории предков – это, по мысли Флоренского, самые надежные пути самопознания личности, а следовательно – нравственного роста и самосовершенствования человека. В своих философских трудах, в письмах из Соловецкого лагеря он настойчиво подчеркивал воспитательное значение генеалогии. Эту проблему он затрагивал и в одной из лекций, прочитанных в Московской духовной академии в 1916–1917 учебном году. «Почему надо заниматься генеалогией?» – ставит вопрос Флоренский. И отвечает: «Чувство связи с родом, долг перед предками, перед родителями, обязывает знать их, а не отворачиваться. Последнее и есть *хамство* – “знать вас не знаю, как родителей, предков”...»²⁰. Знание своей генеалогии дает возможность человеку чувствовать себя не затерявшимся в мире, пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным, иметь точки опоры, знать свое место в мире. «Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину, – говорил Флоренский. – У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма... Чем больше связей, чем глубже вросла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем она культурнее...»²¹

Флоренский говорил о культурном значении генеалогической традиции накануне «великих потрясений», коренным образом изменивших жизнь страны. И сам Флоренский, и его слушатели вскоре стали свидетелями воплощения в жизнь нигилистических идей, разработанных бунтарями и анархистами XIX в. Лозунг построения нового «справедливого» общества обернулся беспощадным искоренением национальных традиций. Настойчивая борьба с «духовным наследием царизма», последовательная дискредитация «старорежимной морали» – все это неизбежно разрушало историческое сознание народа. Выросли поколения людей, в сознании которых история оказалась сплошь усеянной белыми пятнами. Особенно это касалось истории рода, семьи. Многие люди сейчас ничего не знают о жизни и делах своих предков, некоторые не могут вспомнить имена своих прадедов. Поэтому в современных условиях особенно актуален призыв Флоренского: «Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого – познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою – как члена рода, как органа высшего целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества...»²²

П. А. Флоренскому не удалось полностью воплотить в жизнь свои замыслы в сфере генеалогических исследований, но то, что он успел сделать, имеет непреходящую научную и духовно-нравственную ценность. Он разработал новые методологические подходы, раскрывающие этический, воспитательный потенциал генеалогического знания. Умелое, творческое использование этого потенциала – эффективный способ противодействия «атомизации» общества, обезличиванию и распаду человеческих связей. Генеалогическая традиция, о значении которой так ярко и вдохновенно говорил великий мыслитель, относится к числу тех ценностей, которые не подлежат переоценке и поэтому помогают человеку XXI в. обрести нравственную и социальную опору в полном тревог и конфликтов современном мире.

Примечания

- ¹ О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 237
- ² Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994. С. 190, 193
- ³ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 2, ч. 2. Л., 1991. С. 185–186.

- ⁴ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 280.
- ⁵ Там же. С. 11–12.
- ⁶ Там же. С. 25–26.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Ключевский В. О. Избранные произведения. М., 1983. С. 182.
- ⁹ Флоренский Павел, священник. Детям моим... С. 323.
- ¹⁰ Там же. С. 437.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 281–282.
- ¹⁴ Там же. С. 11–12.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 282.
- ¹⁷ Там же. С. 120.
- ¹⁸ Там же. С. 419.
- ¹⁹ Флоренский П. А., священник. Соч. : в 4 т. Т. 3(2). М., 1999. С. 35.
- ²⁰ Там же. С. 29.
- ²¹ Там же.
- ²² Флоренский П. А. Время и пространство // Социс. 1988. № 1. С. 113.

УДК 316.3

ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье анализируются различные процессы формирования гражданской идентичности в Средние века. Выявляется специфика средневековой западно-европейской гражданской идентичности на основании триады: «рациональное», «психическое» и «телесное».

Ключевые слова: западно-европейская гражданская идентичность, средневековый индивид.

Bases of Medieval West European Civil Identity

N. U. Kravchenko

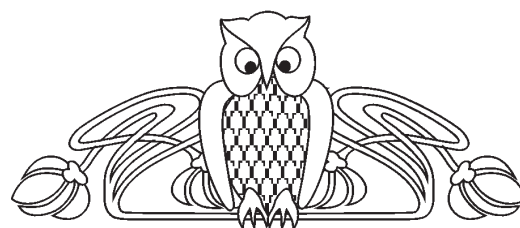
In this article author analyses different process of civil identity forming in the Middle ages. In the article specifics come to light of the Medieval West European Civil Identity. It is conducted on the «rational», «psychological», «bodily» triad basis.

Key words: West European civil identity, medieval individual.

Традиционно Средневековьем считают период с V по XV в. Окончательно же средневековое мировоззрение уходит в прошлое только после Реформации (конец XV – XVII в.).

Раннее Средневековье (время варварских королевств) – это время отсутствия стабильности, государственной власти, постоянных набегов, эпидемий, делавших жизнь человека крайне тяжелой и опасной. Главным очагом стабильности, культуры, надежды в этих условиях стала церковь, объединявшая людей. Именно в этот период зарождается и противостояние церкви и государству, характерное для эпохи Средних веков.

В раннесредневековых государствах (примерно V–IX вв.) общественные связи, будучи прежде всего межличностными, носили главным образом природный, органический и патриар-

хальный характер и включали в себя племенные, родовые, семейные связи, отношения между родственниками и т. п. Поведение же индивидов в варварских обществах полностью определялось их принадлежностью к социальному разряду или общественному слою.

При этом, как отмечает А. Я. Гуревич, становление индивидуальности на протяжении Средних веков шло не «эволюционно-плавно», а «толчками, с прорывами вперед и отступлениями»¹.

В средневековой правовой концепции права индивида определялись его заслугами и занимаемым местом, а положение основывалось на его службе. Во главе иерархической лестницы стоял Богом установленный монарх. Основой средневекового права было не согласие, а послушание и верность граждан. Этику полисной государственности античных цивилизаций сменила феодальная этика личного служения. По выражению французского медиевиста Ле Гоффа, «античный человек должен был быть справедливым, средневековый же верным»².

Феодальное общество являлось, прежде всего, сословным, жестко иерархичным обществом, а специфической чертой социального уклада было осознание неизбежности иерархии.

Однако для средневековой эпохи, изобиловавшей многочисленными социальными катаклизмами, нужны были более мощные естественные регуляторы психологической стабильности, новые способы эмоциональной разрядки, избавления от ощущений страха, вины и пр. В Западной Европе таким регулятором стало христианство. Римская католическая церковь во главе с Папой противопоставила свою строгую централизованную систему контроля над умами и душами людей разрозненному феодальному госу-

дарствам. Первопричиной и первоосновой мира были объявлены Бог, Его сущность, что составило суть средневековой философии теоцентризма.

Для раннего Средневековья была характерна двучленная модель с двумя частными схемами-парами. Важнейшая из них – оппозиция «клирик ↔ мирянин». Такая схема отражала социальную реальность общества, во всех сферах которого полностью господствовала религия, а духовенство являлось его важнейшим элементом. Другая схема-пара отражала мирскую линию осмысления социального расслоения общества и выражалась оппозицией «могущественный (имеющий власть) ↔ бедный (зависимый)» или «сюзерен ↔ вассал». По мере развития экономических отношений и превращения богатства в важнейший источник и следствие могущества и власти эта формула трансформировалась в схему «богатый ↔ бедный».

В дальнейшем (X–XI вв.) эта модель приобретает трехчастный характер, становясь классической для всего Средневековья схемой, согласно которой феодальное общество состояло из трех функциональных категорий-классов (сословий): молящиеся (*oratores*), сражающиеся (*bellatores*) и трудящиеся (*laboratores*).

Индивидов феодального общества характеризовал прежде всего их правовой статус, который был неотделим от них. О средневековых сословных и правовых категориях населения нельзя говорить как о застывших закрытых кастах, где запрещались переходы из одной группы в другую. Несмотря на всю статичность и жесткую иерархичность феодального общества, оно обладало довольно большой социально-правовой мобильностью. При этом правовой статус, который наследовался или приобретался, всегда был связан с внутренней природой индивида, определяя его сущность. В развитом феодальном обществе межличностные связи уже не носили природного характера, как в варварских королевствах. Вассально-сеньорные связи становились чисто социальными, но, в отличие от коллективных связей варварского общества, они строились на индивидуальной основе. При этом каждый член феодального общества был тесно связан с другими членами своей группы³.

Феодальное общество – прежде всего корпоративное общество. Объединения, союзы рыцарей, монахов, бюргеров, купцов, ремесленников, членов семей в форме различных орденов, братий и братств, коммун, гильдий, цехов, общин, землячеств, патриархальных и индивидуально-родственных групп и даже религиозных сект – все они сплачивали людей Средневековья в тесные микромиры, которые обеспечивали им защиту и помощь и строились на основе взаимности. Уставы, статуты, кодексы поведения, обязательные для выполнения, жестко регламентировали поведение членов феодальных корпораций. Средневековый человек «не столь-

ко утверждался, – считает Ле Гофф, – сколько полностью растворялся в этих общностях»⁴.

Безусловно, корпоративность феодального общества препятствовала развитию индивидуальности ее членов, сковывала их инициативу, подчиняя личное сознание коллективному. Средневековые корпорации закрепляли и консервировали сложившиеся общественно-экономические отношения.

Положительная же сторона такой упорядоченности феодальной жизни заключалась в том, что неравноправные между собой средневековые объединения основывались на принципах равенства своих членов. Корпорации объединяли людей не только одной профессии (занятий), но и равного социального и правового статуса. В рамках таких групп отсутствовали вертикальные отношения господства и подчинения – сеньора с вассалом, поскольку и тот, и другой входили в разные группы. Социальные связи внутри феодальных корпораций, а следовательно, и идентификация их членов осуществлялись не «по вертикали», а по «горизонтали». Подчиняя себе, жестко регламентируя поведение и навязывая одинаковый образ жизни и мыслей, феодальные корпорации одновременно воспитывали своих членов в духе равенства и солидарности друг с другом, взаимного уважения прав, спланивали их в защите этих прав и общих интересов от внешних посягательств со стороны чужих – членов других корпораций.

Свобода как социально-правовая категория при феодализме также обладала особым содержанием, отличным от других эпох. Средневековое общество было обществом так или иначе зависимых людей. Крестьянин подчинялся феодалу, который являлся вассалом более крупного сеньора. Мелкие рыцари служили у крупных сюзеренов, у служителей культа тоже была своя иерархия. Над рядовым ремесленником стоял цеховой мастер и т. д.

Сочетание феодальных прав и вассальных обязанностей характеризовали каждого члена этой феодальной иерархии – от земледельца до государя, который мог быть вассалом императора, Папы Римского или Господа Бога. Полный абсолютный суверенитет был незнаком средневековому обществу. Абсолютный суверенитет в Средние века был только у Бога. Свобода человека Средневековья не исключала его зависимости, так же как и его зависимость не означала полного отсутствия прав. При феодализме существовал широкий диапазон градаций свободы и зависимости.

Средневековое общество являлось обществом с четко распределенными и фиксированными обычаями или законами, различными социальными ролями. Каждый его индивид был тесно связан со своей ролью, выполнение которой давало ему возможность осуществлять соответствующие этой роли права. Сама индивидуальность гражданина средневекового госу-

дарства в значительной степени определялась этой ролью.

Сословно-корпоративный строй феодального общества накладывал свой отпечаток не только на права, но и на саму внутреннюю природу, структуру сознания и способы поведения своих граждан. Житель Средневековья был, прежде всего, рыцарем, священником, крестьянином или ремесленником, а не индивидом, занимавшимся военной, религиозной, сельскохозяйственной или производственной деятельностью. При этом такой общественный порядок воспринимался как установленный Богом, естественный и неизменяемый. Для средневекового человека его социальная роль являлась его призванием (*vocatio*), предназначением, а Богом он был призван выполнять это предназначение и всецело соответствовать своей роли.

Основное значение периода Средневековья в развитии самосознания человека заключается в выделении внутреннего мира, интимного чувственного «Я», отличного от ранее привычного «Мы». Этот процесс индивидуализации и обнаружения самооценности человека как личности не был одномоментным, он происходил на протяжении всей истории Средних веков. При этом обретение человеком Средневековья своего внутреннего «Я» явилось непосредственным следствием иррациональной и во многом противоречивой картины христианского мира.

Расцвет городов, углубляющееся общественное разделение труда, усложнение производства и социальной структуры вели к разрушению трехчленной модели средневекового общества, которое становится многоликим и в сословном, и в профессиональном отношении. Этому способствовал и подъем городского населения, его торговой прослойки.

Появляется новая концепция общественной модели: священная королевская власть, возвышающаяся над тремя неравными друг другу сословиями – рыцарством, духовенством и бюргерством.

В развитом Средневековье с ростом городов значительно повышается престиж сословия «трудящихся». Сами они становятся неотъемлемым элементом общества, а их труд признается общественно ценным.

Если сеньориально-вассальные отношения спланировали рыцарей в *ordo* привилегированных, одновременно обособляя их от остальной массы общества, то бюргеры, будь то ремесленники или торговцы, не вели столь обособленного образа жизни. Средневековые горожане были включены в сложную сеть социальных связей и многоликих общественных групп. В существовавшей в городах плотной и сложной системе человеческих отношений на первый план выдвигались «горизонтальные» связи.

Потребность горожан в тесном единении с себе подобными приводила к созданию не толь-

ко цехов – профессиональных объединений, но и так называемых братств. В средневековых городах была целая сеть этих братств, даже небольшой город мог иметь несколько десятков подобных союзов. В рамках такого микросоциума «собратья» оказывали друг другу всякого рода помощь и содействие и одновременно осуществляли контроль над поведением лиц, входивших в братство⁵.

И. Б. Фан отмечает, что ментальной «основой» этих институтов служили чувства коммунальной, квартальной, приходской солидарности и ответственности. Ядро правового и политического сознания общины составляла солидарность граждан города (своих) и неприятие чужих. Собственное управление (господство) коммуны носило корпоративный, правовой, договорный и относительный характер⁶.

Процесс идентификации в Средние века шел снизу от коммуны, и государство выступало лишь инструментальной, вспомогательной формой. Именно средневековое городское общество было наиболее индивидуализированным, открытым для новых влияний и способным к многосторонним социальным и духовным контактам. Средневековые бюргеры идентифицировали себя не только со своими организациями, но, как в античном обществе, с городом и его окрестностями, гомогенность которых определялась общностью языка и единством гражданской культуры.

Если в античном полисе можно было наблюдать синкретизм города и деревни, то в Средневековье деревня выпадала из числа акторов, задающих параметры идентификационной матрицы, в том числе из процесса формирования гражданской идентичности, данные параметры задавал город. Гражданская идентичность являлась продуктом варьирования архаической гражданской идентичности.

Оппозиция корпорация ↔ индивид – главный источник становления личности в Средние века. Феномен средневекового горожанина был рожден в процессе динамичного взаимодействия его ментальности, сочетающей христианские, корпоративные и личностные ценности и нормы с институтами городского самоуправления⁷.

Составляющие идентификационного фундамента в Средние века, таким образом, меняются местами: на первый план выходит религия (психологическое), а рациональное (материальное и статусное) отодвигает телесное, доминировавшее в античную эпоху. Обретая статус, средневековый человек утрачивал телесность.

Таким образом, средневековый индивид представлял собой сословную личность, ищущую интеграции в своей корпорации, сообразующейся с ее стандартами, ценностями и идеалами и идентифицирующей себя прежде всего в ней.

Основой средневекового идентификационного фундамента являлась религия. Античная телесность, господствовавшая в Древней Греции и Древнем Риме, была отодвинута также и рацио-

нальным, выразившимся в корпоративности и статусности средневекового общества, основной принцип которого составляло служение. Служение Богу было доминантой духовной жизни, служение вассалов своим сеньорам – социальной.

В основе идентификационной матрицы средневековых людей находились идентичность верующих и идентичность членов корпоративных объединений, союзов и т. п.

Хотя корпоративные рамки феодальных объединений-корпораций существенно ограничивали идентификацию их участников, идентичность средневековых граждан формировалась прежде всего в них. В целом же общее увеличение гражданского населения за счет появления новых категорий граждан расширяло поле для идентификации в средневековом обществе.

УДК 316.75

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗОНЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня толерантности молодежи г. Саратова. Определены факторы и социальные зоны проявления различных типов толерантности. Кроме того, дисперсионный анализ позволил выявить степень согласованности мнений молодежи по ряду индикаторных позиций терпимости.

Ключевые слова: толерантность, терпимость.

Social Zones of Tolerance in Youth Community

S. V. Sitnikova

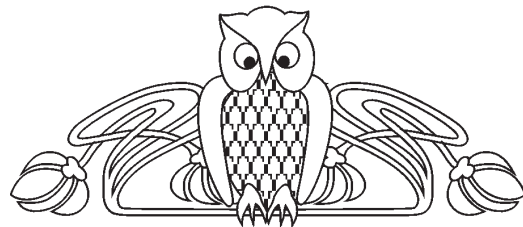
The article presents the results of empiric research of tolerance level among young people in Saratov. The factors and social zones of manifestation of different tolerance types are defined. Moreover, the analysis of variance helped to show the degree of consistency of young people's opinions according to the range of tolerance indicating points.

Key words: tolerance, patience.

Под толерантностью в социологии принято понимать терпимость, снисходительность к кому-либо, в обществе – терпимое отношение индивида, социальной группы или общества в целом к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам других людей или сообществ. Толерантность способствует достижению взаимного понимания и согласованию самых разных мотивов, установок и ориентаций без насилия и подавления достоинства других людей. В развитых обществах толерантность выступает как культурная норма и моральная ценность. Первые про-

Примечания

- 1 Гуревич А. Я. Словарь средневековой культуры. М. : РОССПЭН, 2007. С. 261.
- 2 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс-Академия, 1992. С. 33.
- 3 См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. С. 168–169.
- 4 Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 162.
- 5 См.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М. : РОССПЭН, 2009. С. 155–156.
- 6 Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2010. С. 25.
- 7 Там же. С. 26–27.

явления толерантности в истории человечества были связаны с урегулированием религиозной напряженности и выступали как веротерпимость. В условиях глобализации современного мира необходимость перехода к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности, становится очевидной. Толерантность начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента современного понимания свободы, являющейся высшей человеческой ценностью¹.

Одной из задач нашего эмпирического исследования², посвященного изучению ценностных приоритетов молодежи, было выявление границ толерантности современных молодых людей. Что касается религиозной толерантности, самый высокий уровень готовности принять человека иной веры продемонстрирован для туриста нашей страны (58,7%) и близкого друга (57,8%). 52,2% из опрошенных молодых людей готовы всегда принять человека другой веры в качестве коллеги по работе, 50,8% – соседа по дому, 49,5% – гражданина страны, 44,7% – матери или отца своих детей и 41,1% – супруга, супруги (табл. 1). Представленные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне религиозной толерантности современной саратовской молодежи, причем даже в рамках социального микропространства человека.

Общий уровень национальной толерантности также достаточно высок. Существенным отличием от показателей религиозной толерантно-

Таблица 1

Качества принятия человека другой веры, % по строке

Качества	Соглашусь всегда	В каких-то случаях	Никогда	Затрудняюсь ответить
Гостя, туриста в нашей стране	58,7	26,5	7,1	6,0
Гражданина нашей страны	49,5	35,5	7,5	5,8
Коллеги по работе	52,2	33,8	7,7	4,9
Соседа по дому	50,8	32,1	9,2	6,2
Близкого друга	57,8	24,8	9,9	5,8
Матери или отца ваших детей	44,7	25,7	19,9	8,3
Вашего супруга/супруги	41,1	27,8	20,6	8,8

сти выступает мнение относительно роли матери или отца своих детей. Представителя другой национальности в этом качестве всегда готовы принять лишь 14,3% опрошенной молодежи, 16,5% – не готовы ни при каких обстоятельствах (табл. 2). Однако при этом почти треть респон-

дентов не столь категорична. В некоторых случаях предполагают и такую возможность. Данные свидетельствуют о наименьшей согласованности мнений молодых людей относительно человека другой национальности в качестве родителя своих детей.

Таблица 2

Качества принятия человека другой национальности, % по строке

Качества	Соглашусь всегда	В каких-то случаях	Никогда	Затрудняюсь ответить
Гостя, туриста в нашей стране	52,7	33,2	7,1	5,3
Гражданина нашей страны	41,1	41,5	10,3	5,8
Коллеги по работе	48,6	36,4	8,3	5,1
Соседа по дому	48,4	33,8	10,1	5,8
Близкого друга	56,5	28,9	8,3	4,3
Матери или отца ваших детей	14,3	28,7	16,5	6,9
Вашего супруга/супруги	44,8	27,0	18,2	8,1

Наша теоретическая модель предполагала раскрытие специфики культурной и языковой толерантности. В качестве индикатора было предложено суждение, по которому респондентам необходимо было выразить меру своего согласия. «Проникновение другой культуры и языка вредит населению России»: с этим согласилось большинство опрошенных (53,1% в той или иной степени согласных), 36,4% данную позицию не разделяют (табл. 3). Уровень по данному типу толерантности можно условно назвать средним относительно высокой национальной и религиозной терпимости. Кроме того, подтверждением высокого уровня национальной толерантности является позиция большинства опрошенных (47,8%), что

российское государство должно делать больше для защиты прав национальных меньшинств. Таким образом, российская молодежь легко принимает в свое общество представителей другой национальности и веры, готова к соблюдению и защите их прав, однако не готова к проникновению иной культуры и языка в свою ментальную среду.

Одной из наиболее частых причин нетерпимости российской молодежи выступает сексуальная ориентация. Наше исследование подтверждает этот факт. Именно сексуальная толерантность имеет самый низкий уровень среди саратовской молодежи. Более трети всех опрошенных молодых людей ни в каких ситуациях

Таблица 3

«Проникновение другой культуры и языка вредит населению России»

Степень согласия	Частота	Процент
Полностью согласен	148	27,8
Скорее согласен	135	25,3
Скорее не согласен	113	21,2
Абсолютно не согласен	81	15,2
Затрудняюсь ответить	4	0,8
Нет ответа	52	9,8
Итого	533	100,0

не готовы принять человека другой сексуальной ориентации даже в качестве гостя, туриста нашей страны или гражданина. В ближайший социальный круг не готовы принять такого человека более 50% опрошенной молодежи (табл. 4).

Дисперсионный анализ ряда высказываний, характеризующих как уровень гражданственности, так и уровень толерантности, выявил некоторые особенности в согласованности мнений молодежи. Так, наибольшая степень согласия и согласованности во мнениях проявлена в отношении позиций: «Проникновение другой культуры вредит населению России», «Россия должна быть страной для русских», «Национальность всегда будет разъединять людей». Уровень разброса в степени согласованности по ряду этих позиций самый низкий (850–860). Чуть меньший уровень согласованности продемонстрирован по позициям: «Для сохранения военной мощи России можно пойти на снижение уровня жизни людей», «Западные страны ставят целью ослабить Россию». Показатель дисперсии равен 1000. Наименее согласованно мнение молодежи по позициям «Российское государство должно делать больше, чтобы защищать права национальных

меньшинств» и «Ради сохранения порядка и безопасности в стране можно пойти на нарушение Конституции» (Q = 1300). Различия в согласованности не очень велики, однако свидетельствуют о том, что позиции, характеризующие национальную идентичность и толерантность, сформированы и более типичны для российской молодежи. Также одним из проявлений нетерпимости современной молодежи является отношение к западным странам. Так, около 60% опрошенных согласились с тем, что западные страны ставят своей целью ослабить Россию. Опрос проводился в 2012 г. при отсутствии явной напряженности в отношениях с этими странами. Вероятно, на сегодняшний день, в связи с обстановкой в Украине, уровень нетерпимости в отношении «Запада» значительно повысился. Дальнейший факторный анализ позволил выявить гендерную специфику по индикаторным позициям толерантности. В отношении влияния западных стран, вреда проникновения другой культуры и национальности как разъединяющем людей факторе юноши более категоричны, чем девушки. Абсолютно согласных юношей с данными позициями в среднем на 10% больше, чем девушек (табл. 5).

Таблица 4

Качества принятия человека другой сексуальной ориентации, % по строке

Качества	Соглашусь всегда	В каких-то случаях	Никогда	Затрудняюсь ответить
Гостя, туриста в нашей стране	30,6	25,0	35,3	8,1
Гражданина нашей страны	27,2	24,8	39,0	8,1
Коллеги по работе	25,1	25,3	41,7	6,8
Соседа по дому	21,8	25,9	42,8	8,3
Близкого друга	23,8	20,5	45,0	9,4
Матери или отца ваших детей	13,7	18,0	55,7	11,6
Вашего супруга/супруги	15,8	14,3	55,9	13,1

Таблица 5

Гендерный аспект толерантности, %

Абсолютное согласие с позициями	Мужчины	Женщины
Западные страны ставят целью ослабить Россию	34,2	23,7
Проникновение другой культуры и языка вредит населению России	33,1	22,6
Национальность всегда будет разъединять людей	22,4	17,0

Таким образом, одним из самых высоких уровней нетерпимости саратовской молодежи проявлен в отношении людей иной сексуальной ориентации. По этому типу толерантности также выявлены гендерные особенности. Девушки, как показал анализ, обладают большей терпимостью, чем юноши в отношении представителей иной сексуальной ориентации. Но при всем этом терпимость девушек имеет четкие социальные границы. Так, согласных всегда принять человека иной сексуальной ориентации в качестве туриста, гражданина своей страны, коллеги по работе

среди опрошенных девушек в 3 раза больше, чем среди юношей. В качестве соседа и друга – среди девушек в 2 раза больше, чем среди юношей. Принять человека иной сексуальной ориентации в качестве мужа/жены или отца/матери своих детей готовы не более 15% респондентов как мужского, так и женского пола (табл. 6). Таким образом, уровень толерантности девушек тем ниже, чем уже социальное пространство допустимости³.

Иных факторов, имеющих статистическое доказательство влияния на уровень толерантности молодежи, наш анализ не выявил.

Таблица 6

Гендерная специфика сексуальной толерантности молодежи, %

Качества	Мужчины	Женщины	Значение по VКрамеру	Значимость по VКрамеру
Гостя, туриста в нашей стране	17	43	0,38	0,000
Гражданина нашей страны	14	39	0,38	0,000
Коллеги по работе	13	36	0,41	0,000
Соседа по дому	13	30	0,37	0,000
Близкого друга	15	32	0,34	0,000
Матери или отца ваших детей	12	15	Связь отсутствует	Связь отсутствует
Вашего супруга/супруги	15	15	Связь отсутствует	Связь отсутствует

Примечания

- 1 См.: Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003. С. 660–661.
- 2 Исследование методом опроса было проведено Центром региональных социологических исследований

Саратовского государственного университета при участии автора в 2012 г. Объем репрезентативной квотно-стратифицированной выборки составил 533 человека: 49,3% – мужчины, 50,7% – женщины.

- 3 Наличие статистической зависимости доказано значением коэффициента VКрамера в диапазоне (0,41–0,34) при значимости 0,000.

УДК 316.334.3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕКРУТИНГ В РОССИИ (XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА): ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье дается сравнительный анализ принципов и форм рекрутирования политико-административной элиты современной России и правящего класса бывшего СССР, рассматриваются факторы, детерминирующие рекрутинг элитных групп.

Ключевые слова: политический рекрутинг, политическая элита, правящий класс, политическая карьера, модели.

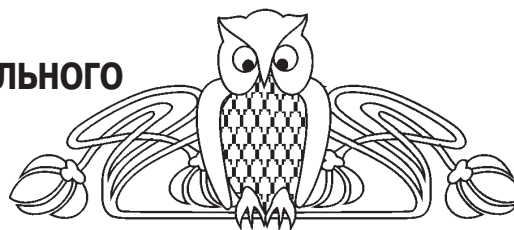
Political Recruitment in Russia (XX – the Beginning of the XXI Century): Experience of Comparative Sociological Analysis

D. V. Pokatov

The article deals with the comparative analysis of principles and forms recruitment of political-administrative elite in modern Russia and the ruling class of the former USSR, studies the factors determining recruiting the elite groups.

Key words: political recruitment, political elite, ruling class, political career, models.

Продолжающийся в России процесс трансформации различных сторон общественной жизни по-прежнему свидетельствует об усилении влияния на них элитных групп, и прежде всего политической элиты. От того, каким потенциалом обладают данные группы, во многом зависят как эффективность их функционирования, так и векторы общественного развития в целом.

В условиях осуществляющихся в современном российском обществе модернизационных процессов продолжают значительные изменения не только характерных признаков и функций политической элиты, но и форм и моделей ее рекрутирования.

Традиционно рекрутирование элит (от франц. *recruiter* – вербовать) рассматривается в научной литературе как процесс формирования элит, пополнение их новыми членами¹ либо как особый механизм отбора на руководящие должности в государстве и партии новых членов².

Однако, думается, политический рекрутинг нельзя сводить только к принципам и формам отбора кандидатов в состав политической элиты как особой относительно небольшой социальной группы, объединяющей выходцев из различных социальных слоев, профессионально занимающихся политической деятельностью и располагающих как статусными, так и иными возможностями для воздействия на общество. Рекрутинг элиты сегодня представляет собой более сложное и комплексное явление, которое предполагает и учет того, каким образом кандидаты в элиту вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие посты, и взаимосвязь самой системы отбора кандидатов, ее принципов и механизмов

и детерминируемых ими карьерных траекторий политиков.

В этой связи в данном исследовании под политическим рекрутингом понимаются исторически сложившиеся практики и способ взаимодействия людей, связанные с изменением их властно-политического статуса, и одновременно форма их профессионально-политического карьерного роста. Таким образом, важным здесь является не только процесс отбора кандидатов в элиту, его принципы и механизмы, достаточно хорошо рассмотренные сегодня в ряде исследований по элите, но и сравнительно слабо представленные в них особенности и модели карьерного роста политических деятелей. Относительно советского периода это вполне объяснимо, поскольку само слово «карьера» воспринималось негативно, стремление индивидов (в том числе и политических деятелей) изменить свой статус рассматривалось как карьеризм, характерный только для западных обществ. В настоящее время само восприятие карьеры более нейтрально. Она рассматривается как объективно возникший и развивающийся показатель человеческого роста. Существует достаточно много определений понятия «карьера». Согласимся с Ю. В. Астаховым, что карьера (в том числе и политическая) – это общая система процессов развития человека (специалиста) и его профессиональные достижения в определенной сфере деятельности³. По сути, политическая карьера – это особая разновидность профессиональной карьеры, которая может идти как по линии специализации (совершенствование и углубление в основном выбранной в начале пути профессиональной линии (траектории)), так и по пути транспрофессионализации (овладения другими профессиями и областями опыта)⁴.

Таким образом, сам процесс рекрутирования элиты, включающий в том числе формирование и развитие профессионально-политических карьерных траекторий, достаточно сложен и многогранен. На него оказывает влияние ряд объективных и субъективных факторов, к числу которых, без сомнения, относится цивилизационный фактор, особенности развития различных общественных систем.

С. Г. Кирдина, во многом основываясь на анализе различных типов цивилизаций, данным С. Хантингтоном, отмечала, что путь эволюции многих обществ определяется типом институциональной матрицы, по-разному проявляющей себя в восточной и западной моделях общественной организации⁵. При этом западная модель основана на рыночной экономике, федеративно-субсидиарной (пропагандирующей ценности личности, ее права и свободы) политической системе. Для восточной модели (куда можно отнести и Россию) характерными становились нерыночная экономика, унитарно-централизованная политическая система и доминирование коллективных ценностей⁶.

Основываясь на данном подходе, можно говорить о том, что типы матриц во многом определяют как тип господствующих в обществе норм и ценностей, так и саму систему власти и политического рекрутинга.

Так, в восточной модели закрепляется традиционализм с присущими ему доминирующими традициями, нравами, обычаями, особым типом властных отношений, названных М. Вебером традиционным господством, отличающимся верой в священность существующих продолжительный период порядков и властей.

В отличие от восточной, западная, легитимно-инновационная, модель, в которой отвергались традиционные ценности, способствовала формированию совершенно иного типа властных отношений и господства, во многом тяготевавшего к формально-рациональным процедурам и установлениям, деловой компетенции. Если в восточной модели доминирующее влияние на политику оказывали вождь, получивший власть по наследству, и особая социальная организация, то в западной – избранный в соответствии с легальными процедурами лидер, обладающий какими-либо харизматическими чертами.

Господствовавшая в советский период модель рекрутинга правящего класса, которую условно можно определить как легально-номенклатурную, являясь, по существу, промежуточной между традиционалистской, присущей восточным обществам, и легитимно-инновационной, характерной для западных стран, отличалась ярко выраженным закрытым, недемократическим характером формирования, узким кругом селектора, из которого отбирались претенденты на высшие руководящие посты.

Отличительной ее особенностью было наличие многочисленных формальных требований, предъявляемых к кандидатам (в том числе учет социального происхождения, партийности, стажа административной деятельности). Многие из них стали формироваться в России сразу после Октябрьской революции 1917 г. и сохранялись в видоизмененном состоянии до распада СССР в 1991 г. Так, еще в феврале 1922 г. руководитель Советского правительства В. И. Ленин в письме к будущему Председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову рекомендовал при проведении работы по организации и учету партийных кадров составлять карточки на несколько сот крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, агитаторов, преподавателей с отзывами об их работе. Они, по его мнению, должны были содержать сведения о 5-летнем стаже с указанием последних должностей и подписаны как минимум четвертьмя и более (до шести) руководителями. Несколько позднее Ленин настоятельно требовал, чтобы при отборе кандидата на руководящий пост обязательно учитывались: его добросовестность, политические позиции, знание дела и административные способности⁷.

Помимо многочисленных формальных требований, в рамках легально-номенклатурной системы обязательным было прохождение всех номенклатурных ступеней, что делало долгим и трудным путь номенклатурного работника к вершинам власти. Все господствовавшие в советский период механизмы и принципы рекрутинга во многом предопределяли и тип, и траекторию карьерного пути номенклатурного руководителя.

В ряде западных стран, где доминирующей была ориентация на права и свободы личности, отсутствовали жесткая регламентация и комплекс устойчивых формальных требований к кандидатам, по сути, закреплялись два типа политической карьеры. Первый в некоторых исследованиях обозначается как бюрократический. Он начинается, как правило, с занятия скромного административного поста в общегосударственных или муниципальных органах, и в середине карьерного пути осуществляется переход к политической деятельности. Второй путь – собственно политический, обычно начинается в культурной, научной, педагогической или юридической областях и сочетается, как правило, с активной деятельностью в разных общественных организациях. Продвижение в элиту происходит в данном случае не столько в профессиональной, сколько в общественной сфере⁸.

В целом, удивительная на Западе модель политической карьеры элиты во многом закрепляет ее естественный тип, который должен включать все необходимые ступени процесса подъема политика на верхние ступени политической иерархии, начиная от ранней социализации и закрепления политических ценностей, норм, и ролей, до так называемого этапа селекции (высшими элементами которого выступают получение квалификации и профессиональная ориентация) и вхождения в элиту⁹.

В отличие от западной модели, в советской легально-номенклатурной системе утвердились совершенно иные формы политических карьерных траекторий. Можно согласиться с Ю. В. Согомоновым, что для советской системы политического рекрутинга был характерен особый тип личности, который в условиях существовавшей дисциплинарной культуры выстраивал свою социальность и идентичность по принципу строгой самодисциплины и соответствия утвердившимся нормам¹⁰.

В условиях действовавших в СССР достаточно жестких правил отбора кандидатов в состав правящего класса сложились близкие, по сути, формы карьерной траектории, различающиеся только по ряду параметров, в том числе по способам социализации.

Одна из таких форм символизировала классический тип карьерного пути советского руководителя, поднявшегося с самых низов, прошедшего армию (войну), работу в трудовых коллективах на рядовых должностях, получив-

шего образование в большинстве случаев в заочной или вечерней форме обучения либо благодаря системе высших партийных школ. Для другой формы был характерен в основном непрерывный цикл обучения – «школа – (училище или техникум) – вуз», а затем сразу деятельность на руководящих должностях или в качестве специалистов¹¹.

Обе эти формы объединяло, прежде всего, то, что они не являлись чисто политическими, а в большей степени знаменовали собой путь администратора. Об этом говорил и характер полученного образования. Так, по данным В. П. Мохова, к середине 70-х гг. прошлого века более 70% секретарей ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС и 60% секретарей горкомов и райкомов КПСС имели в основном техническое и сельскохозяйственное образование, к концу 1987 г. этот показатель возрос соответственно до 84,5 и 68,8 %¹². Даже в настоящее время, несмотря на ряд изменений механизмов и принципов рекрутирования элит, он остается достаточно высоким. Инженерно-техническое образование имеют 50% представителей политической элиты и только 18,7% – гуманитарное¹³.

Таким образом, действовавшая в бывшем СССР система рекрутинга кандидатов в состав правящего класса, по сути, воспроизводила закрытую административную траекторию.

В отличие от нее, в современной России произошел ряд важных изменений, способствовавших трансформации как господствовавшей ранее системы отбора кандидатов в элиту, так и форм профессионально-политической карьеры современных политических деятелей. Так, если в прежней, легально-номенклатурной, модели обязательной была принадлежность к определенному социальному слою, то в настоящее время появились возможности для рекрутинга в элиту лиц, принадлежащих к различным социальным слоям и группам. Значительно уменьшилось число формальных требований к претендентам, а некоторые из них (в том числе социальное происхождение, наличие значительного опыта административно-политической деятельности и др.) перестали быть доминирующими (хотя и не исчезли совсем). В составе различных групп политической элиты (как парламентской, так и элиты, представляющей исполнительную власть) появляются политики моложе 30 лет. При этом средний возраст депутатов Государственной думы составляет сегодня 51 год, а членов Правительства РФ – 48 лет¹⁴. На региональном уровне (в частности, в Саратовской области) средний возраст политических деятелей, принадлежащих к различным сегментам политической элиты, равен 49 годам¹⁵.

Также в составе современной политической элиты наблюдаются и частые персональные мобилизационные переходы как внутри элиты, так

и между элитными группами, существенно меняющие ее облик.

Данные изменения во многом стали возможны благодаря трансформации ряда механизмов рекрутирования элиты, прежде всего, широкому распространению выборной практики, хотя и имеющей некоторые недостатки, но, несомненно, придававшей больше легитимности функционированию элиты в целом и во многом изменившей роль личностного начала. Если в прежней системе, где действовала строгая самодисциплина, от политического деятеля требовалось четкое соответствие установившимся принципам, то в новой системе, утверждавшей некоторую толерантность отбора кандидатов в элиту, стал формироваться новый тип элитной личности, готовой и способной к постоянной мобильности и построению индивидуальной профессиональной карьеры.

В этих условиях, по сути, доминировавший административный карьерный тип стал существенно трансформироваться и дополняться новыми, выступившими основой для появления двух моделей политической карьеры современной политической элиты. Условно, вслед за американским советологом К. Фармером, рассматривавшим в своих работах формы рекрутирования элит, их можно определить как «естественные» и «искусственные»¹⁶. В первом случае процесс вхождения в политическую элиту связан во многом с имеющимся у кандидатов личностным потенциалом и проходит в условиях неконтролируемой конкуренции, во втором – представители элиты повышают свой статус независимо от имеющихся у них способностей.

Первая, естественная, модель карьеры современного элитного деятеля включает в себя такие формы, как профессионально-личностная и административная. Вторая, искусственная, модель концентрирует командный и аутсайдерский (неспециализированный) тип.

Профессионально-личностный тип, характерный для естественной модели, сравнительно недавно стал распространяться в отечественной системе рекрутирования элиты. В большинстве своем он характерен для представителей молодежных возрастных когорт. В современной политической элите они не столь многочисленны. Так, в составе современной парламентской элиты к ним можно отнести только 14,6% от общего числа депутатов¹⁷. Для многих представителей данной группы типичным является начало политической карьеры сразу после окончания вуза, первоначально на низовых должностях в политических партиях либо общественных организациях.

Более типичной формой карьеры, относящейся также к естественной модели, является административная. В отличие от советского периода она несколько модифицировалась. Типичным для современных политиков (особенно пред-

ставляющих региональный уровень) становится первоначально занятие какой-либо незначительной административно-управленческой должности, затем переход на более высокие позиции, вплоть до руководящих (директора предприятия, руководителя организации или учреждения) и, наконец, вхождение в состав административной и затем собственно политической элиты.

В отличие от естественной, в искусственной модели путь политика в элиту характеризуется значительной вариативностью, отсутствием последовательных этапов, резкими, во многом скачкообразными карьерными траекториями, в большинстве случаев (особенно в аутсайдерском типе) не связанными с собственно политической сферой.

Для командного типа характерна зависимость карьеры политика от поддержки влиятельного покровителя, члена или одного из руководителей «команды». Как правило, такой политик проводит значительную часть времени вне сферы политической деятельности и попадает в нее благодаря влиятельной протекции сверху.

Аутсайдерский (неспециализированный) тип также отличается тем, что политический деятель проводит значительную часть своей жизни вне чисто политической сферы и попадает в нее во многом случайно, благодаря собственным усилиям, создавшимся обстоятельствам либо чьей-то протекции. Как правило, не имея специального политического образования и опыта, такие политики, в силу имеющего у них опыта руководства другими отраслями (науки, образования, корпоративных структур, масс-медиа и т. д.), полагают, что являются вполне подготовленными и способными работать в любой общественной сфере, в том числе и в политике. На современном этапе численность таких категорий политиков достаточно велика и составляет 13% выходцев из корпоративных структур и 24,9% различных прослоек интеллигенции¹⁸.

Подводя итог, еще раз отметим, что сложившаяся в современной России система политического рекрутинга по сравнению с действовавшей в СССР является более открытой и динамичной. Формирующиеся типы политических карьер представляют нередко индивидуальные, персонифицированные карьерные модели. Вместе с тем говорить о полной и значительной трансформации всей системы политического рекрутинга пока нельзя вследствие сохраняющегося значительного влияния предшествующих политических практик, многих принципов подбора и расстановки управленческих кадров. Изменить создавшееся положение может только существенная трансформация социализационных, образовательных, кадровых и иных механизмов, оказывающих значительное влияние как на потенциал элиты, так и на развитие всего общества.

Примечания

- ¹ См.: Политическая энциклопедия : в 2 т. / науч. ред. Г. Ю. Семигин. М., 1999. Т. 2. С. 340.
- ² См.: *Погорелый Е. Д., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю.* Политологический словарь-справочник. Ростов н/Д, 2010. С. 318.
- ³ См.: *Астахов Ю. В.* Планирование деловой карьеры персонала как эффективная кадровая технология // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 15.
- ⁴ См.: Управление персоналом организации / под ред. П. Э. Шлендера. М., 2010. С. 229.
- ⁵ См.: *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 5.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1965–1980. Т. 53. С. 97.
- ⁸ См.: *Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М.* Основы политической элитологии. М., 1999. С. 222.
- ⁹ См.: *Endruweit G.* Elite und Entwicklung : Theorie und Empirie zum Einfluß von Eliten auf Entwicklungsprozesse. F. a/M. ; Bern ; N.Y., 1986. S. 280.
- ¹⁰ См.: *Согомонов А. Ю.* Тусобщество // Аспекты социальной теории и современного общества. М., 1999. С. 59.
- ¹¹ См.: *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь, 2003. С. 190.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78; Рос. газ. 2012. 22 мая; Совет Федерации : [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2014). Всего проанализировано 645 биографий, в том числе 450 депутатов Государственной думы, 166 сенаторов, 29 министров.
- ¹⁴ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78; Рос. газ. 2012. 22 мая.
- ¹⁵ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных: Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2014); Саратовская областная дума : [сайт]. URL : <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.04.2014).
- ¹⁶ См.: *Farmer K.* The Soviet Administrative Elite. N. J., 1994. P. 3.
- ¹⁷ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78.
- ¹⁸ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78; Рос. газ. 2012. 22 мая; Совет Федерации : [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2014).

УДК 303.01; 314.72

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРИЧИН МИГРАЦИИ

Е. Е. Немерюк, Л. С. Аникин

Саратовский государственный университет
E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru, anikinls@rambler.ru

В статье рассматриваются основные теоретические аспекты исследования причин миграции населения, способных оказать заметное влияние на динамику и направление миграции. Обращается внимание на то, что многообразие причин миграции необходимо рассматривать в рамках таких укрупненных групп, как природно-климатические, демографические, политические, экономические, социальные.

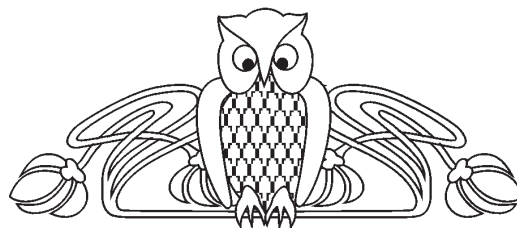
Ключевые слова: миграция населения, причина миграции, мигрант, конфликт, рабочая сила, человеческий капитал.

Theoretical Approaches to Research of Migration Causes

E. E. Nemeryuk, L. S. Anikin

This article discusses the basic theoretical aspects of research on the causes of migration, which can influence significantly dynamics and direction of migration. Attention is paid to the fact that it is necessary to discuss the variety of migration causes in the limits of such integrated groups as natural-climatic, demographic, political, economic, social.

Key words: population migration, migration causes, migrant, conflict, labor, human capital.

Миграция представляет собой пространственное перемещение населения, вызываемое изменениями в политической, экономической, социальной сферах, экологическими бедствиями, а также изменениями в развитии и размещении производства, условиях существования индивидуума. В трактовке перемещений этой части населения нередко используется два основных подхода: один – весьма широкий и общий, при котором миграция совпадает, по существу, с пространственным движением рабочей силы; другой – значительно более узкий и специальный, при котором миграция ограничена определенными видами пространственного движения. Второй подход отвечает первоначальному смыслу слова *migratio* («перемещение», «передвижение»).

Следует отметить, что существенное значение имеет изучение непосредственных причин миграции. Под причинами миграции понимают, как правило, сочетание объективных и субъективных условий, взаимосвязь и взаимодействие, которые вызывают перемещения рабочей силы¹.

Первое теоретическое объяснение причин миграции в основном связывается с именем английского географа Э. Г. Равенштейна², который на примере миграций в Великобритании и Северной Америке в 1885 г. сформулировал миграционные законы или правила (Ravenstein's Laws of Migration), на которых базируются многие современные западные концепции в области миграционной теории³.

Э. Г. Равенштейн утверждал: интенсивность миграционных потоков между двумя географическими пунктами обратно пропорциональна расстоянию между ними; мигранты, перемещающиеся на значительные расстояния, вероятнее всего, стремятся в большие города с развитой торговлей и промышленностью; процесс миграции имеет ступенчатый характер, который предполагает перемещение людей сначала в географически ближайшие, затем – в наиболее быстрорастущие города; каждый сколько-нибудь значительный миграционный поток порождает компенсирующий его «противопоток», относительно снижающий показатели нетто-миграции; по мере технологического прогресса и развития коммуникаций миграция населения должна усиливаться; важнейшими факторами миграции являются экономические⁴. Следует отметить, что так называемые «Законы Равенштейна» на длительное время определили последующее развитие научных исследований по проблемам миграции. В соответствии с этими законами, мигранты, покидая территории с ограниченными возможностями, перемещаются в регионы с большими возможностями. В выборе новых мест большую роль играет расстояние, поскольку мигранты стремятся перемещаться в близлежащие регионы. Каждый поток сельско-городской миграции создает противоположный поток возвратной миграции в сельскую местность. Э. Г. Равенштейн предположил, что городские жители менее подвижны, чем сельские, и что миграция усиливается в результате развития транспорта и коммуникаций, расширения торговли и роста промышленности. Им было подмечено, что соответствующий уровень различий между странами может оказывать стимулирующее влияние на размеры и направление миграционных потоков. При этом следует отметить, что экономические причины предопределяют международную миграцию⁵.

Классическая теория структурных миграционных построений «притяжение-выталкивание» или «тяги-толкай» (pull/push) была разработана в 1960 г. и представляет собой моделирование миграционных потоков. Данная концепция⁶ на микроуровне рассматривает миграцию как функцию некоей привлекательности стран выезда и въезда, а наличие препятствий, возрастающих с увеличением расстояния между этими странами, – в качестве естественных ограничителей миграционных процессов.

В странах эмиграции, как правило, выделяется роль «выталкивающих» факторов, а в

странах иммиграции, наоборот, подобная роль отводится «привлекающим» факторам. Следует обратить внимание и на факт, имеющий место при использовании рассматриваемой концепции, – одновременно с факторами притяжения и выталкивания действуют привходящие обстоятельства, такие как транспортные издержки, недостаток или асимметрия информации о предполагаемом регионе, растущие с увеличением расстояния между регионами, выступающими в качестве ограничения миграционных потоков. В зависимости от конкретных условий решающее значение могут иметь или факторы притяжения, или факторы выталкивания, либо их чередование. Важную роль эта концепция играет в объяснении механизма крупных межрегиональных потоков, поскольку в процессе социально-экономического развития меняется характер различий между районами. Последнее представляется актуальным не только для государств с обширными территориями, но и для международной миграции, в процессе эволюции которой меняются страны притяжения и выхода мигрантов.

С конца прошлого века данные законы неоднократно проверялись и корректировались исследователями. Особое внимание уделялось причинам миграции с точки зрения притяжения и выталкивания мигрантов.

Концепция «притяжения-выталкивания» миграции оказала существенное влияние на исследование селективности миграции, т. е. особенностей состава мигрантов, отличающих их от немигрантов как в районах выхода, так и в районах вселения, а также классификацию факторов миграции.

Существуют самые различные взгляды на причины миграции. Исторически первым был мальтузианский взгляд, согласно которому причины миграции увязывают с демографической ситуацией (численностью населения). Таким образом, страны с «избыточным населением» являются источником миграции. В связи с этим предлагается обратить особое внимание на страны с высокой рождаемостью как на потенциальные источники миграции.

В отличие от мальтузианского взгляда на причины миграции, марксизм основную причину ее видит в неравномерном развитии производительных сил и производственных отношений. Постоянная потребность капитала в рабочей силе вызывает постоянный же перелив рабочей силы из одного пункта капиталистического накопления в другой.

Следует отметить, что авторы по-разному интерпретировали причины миграций. Так, например, Г. С. Вечканов считал, что основной причиной миграции является несоответствие между потребностью общественного производства районов в рабочей силе и ее предложением, поскольку «возможность миграции создает уже сам факт наличия в каком-либо районе вакант-

ных рабочих мест, причем соблюдается следующий экономический механизм: как только поток мигрантов начинает превышать потребности производства, население, продолжающее прибывать в этот район, попадает в менее благоприятные условия, что приводит к уменьшению его притока»⁷. В. Г. Костаков полагал, что «наличие свободных рабочих мест в том или ином районе в конечном счете определяет при прочих равных условиях масштабы и направления миграционных потоков»⁸.

Выводы указанных авторов были, безусловно, верны для того времени, когда писались эти работы. Ими вполне можно было руководствоваться при регулировании миграционных потоков в тоталитарном обществе. На протяжении долгого времени в СССР существовала высокая занятость трудоспособного населения, причем она была обусловлена не столько нуждами производства, сколько необходимостью гарантированного труда даже тем, кто своей низкой квалификацией не приносил заметной пользы.

Миграция как сложный социально-экономический процесс определяется сложной совокупностью объективных и субъективных причин. В научной литературе существуют различные подходы к их определению и классификации факторов миграции населения, широко представлены их группировки и структура. Специалисты выделяют следующие факторы, влияющие на принятие решения о миграции⁹: возраст, семейное положение, моральные издержки, качество информации о новом месте (в большинстве случаев чем меньше информации, тем ниже вероятность миграции), уровень безработицы, институциональные барьеры (миграционная политика, лицензирование занятости). Определение влияния той или иной группы факторов на перемещения населения представляется довольно сложным, поскольку они оказывают неоднозначное воздействие на процессы миграции.

Наиболее типичными причинами миграции являются резкие изменения в региональном размещении производства (например, в поселении господствует какой-то один вид производства, свертывание которого создает огромную проблему для всех в нем проживающих); возможность реализовать свои профессиональные ориентации, получить работу на лучших условиях оплаты в другом месте жительства, по специальности и в желаемой должности; стремление к лучшим условиям и качеству жизни; состояние здоровья и необходимость изменения климатических условий жизни и работы; семейно-брачные обстоятельства, воссоединение с семьей, родными; потребность в обновлении образа жизни, определенной культуре и познании; необходимость и возможность улучшения жилищных условий; социальные и этнические конфликты, трудовые конфликты и конфликты в семье; случайные обстоятельства. На миграцию населения ока-

зывают влияние, с одной стороны, изменения в материальных условиях жизни общества, развитию способа производства, а с другой – явления социального, психологического, этнического характера.

Отметим то обстоятельство, что одни причины носят групповой и массовый характер, другие – индивидуальный. Существуют также причины типичные и особенные, объективные и субъективные. Неодинаковы причины миграции в разных ее межпоселенческих потоках (село – малый город, село – большой город, малый город – малый город, большой город – большой город, село – село). По-разному соотносятся экономические и социальные причины миграции.

В науке существуют самые разнообразные классификации причин миграции. Предпринимались попытки классифицировать эти причины по самым различным признакам: по сфере их проявления (территориальные, отраслевые и производственные), масштабам воздействия, на объективные и субъективные¹⁰. Недостатком подобных классификаций является то, что в них, как правило, не просматриваются возможности регулирования миграционных процессов. Т. И. Заславской¹¹ и Л. Л. Рыбаковским¹² была осуществлена классификация причин с позиции рассмотрения их в качестве инструментов управления миграциями. Классификация причин миграции имеет особое значение при анализе взаимосвязи миграции населения с рынком труда.

С учетом разработок этих ученых О. В. Скрипко предлагает следующую классификацию факторов миграции. Субъективные факторы находятся на «стороне человека», а объективные на «стороне мира». Независимые факторы подразумевают под собой климатические условия, географическое положение. Под косвенно регулируемые факторами понимают демографические, этнические, социально-психологические. В качестве факторов-регуляторов рассматриваются такие, параметры которых непосредственно планируются и изменяются государством, – социально-экономические факторы, и прежде всего капитальные вложения и заработная плата¹³.

Вообще же все многообразие причин миграции необходимо рассматривать в рамках таких укрупненных групп, как природно-климатические, демографические, политические, экономические, социальные¹⁴.

Под природно-климатическими причинами миграции понимают влияние окружающей среды. Существенная причина современной миграции – неблагоприятные экологические условия и экологические катастрофы (например авария на Чернобыльской АЭС). Демографические причины связаны с территориальными различиями в структуре населения по полу, возрасту, брачно-семейному положению.

Под этническими причинами миграции понимают влияние национальных традиций, обыча-

ев, специфики материальной и духовной культуры различных народов на уровень подвижности, структуру и направление перемещений. К этой же группе относят влияние на миграцию межэтнических конфликтов, создающих в современном мире огромные потоки вынужденных переселенцев и беженцев.

Социально-политические перемены, произошедшие на территории бывшего СССР в конце XX в., способствовали возникновению новых интенсивных миграционных тенденций и явлений перемещения населения, вызванных совокупностью традиционных и весьма специфических политических причин: распадом СССР, радикальными изменениями в политической системе на постсоветском пространстве, изменениями в международных отношениях, обострением межэтнических отношений, порождением межэтнических конфликтов и войны, авторитарным типом политической власти, с легкостью прибегавшей к массовым депортациям людей по социальному и этническому признакам, появлением беженцев и вынужденных переселенцев¹⁵.

Миграционная подвижность населения в России в 1990-е гг. стала в значительной мере политическим феноменом и определялась влиянием двух противоречивых групп факторов – деструктивных и конструктивных. К деструктивным следует отнести распад СССР и сопровождающие его вооруженные этнические конфликты, подъем национализма, политическую нестабильность, экономический кризис. Эти факторы обусловили резкое падение мобильности населения и изменили природу миграций, придав им в значительной мере вынужденный характер, спровоцировав массовые потоки беженцев, репатриантов, процессы этнического размежевания. Параллельно с деструктивными действовали новые конструктивные факторы, такие как переход к политике открытых дверей, включение постсоветских стран в систему международных миграций, трансформация их экономики на рыночной основе. Эти факторы стали важнейшим амортизатором дестабилизирующего влияния деструктивных факторов¹⁶.

Анализ особенностей миграций населения в России 1990-х гг. вскрывает, наряду с сохранением традиционных характеристик, интенсификацию миграционных процессов, обозначившихся в 1970-е гг., возникновение совершенно новых явлений. Масштабная миграция русского и русскоязычного населения из бывших национальных республик СССР и некоторых национальных республик современной Российской Федерации в значительной степени была вызвана социально-политическими причинами и носила вынужденный характер¹⁷.

Политические процессы способны провоцировать возникновение мощных миграционных потоков. Зачастую мы наблюдаем негативную сторону миграций, вызванных какими-либо

политическими изменениями. Примером стали беженцы и вынужденные переселенцы, появившиеся в основном в силу политических кризисов, приведших к конфликтогенным ситуациям. Явные и скрытые конфликты, вызванные политическими противоречиями, определяют потоки вынужденной миграции. Миграция с постсоветского пространства до сих пор имеет явно вынужденный характер. Причиной ее во многих случаях является политика руководителей бывших союзных республик по отношению к русскоязычному населению¹⁸.

Политические факторы неразрывно связаны с факторами правовыми. Миграции, возникающие как следствие политических процессов, порой требуют особого подхода в рамках правового регулирования. Вместе с тем миграционные процессы сами могут менять политическую ситуацию в стране и ее регионах, вызывая необходимость корректировки всей нормативно-правовой системы принимающего государства¹⁹.

К группе наиболее заметных внешних факторов относится политическая ситуация, в которой пребывают потенциальные мигранты. Так, революция 1917 г. в России стала основанием появления у многих эмигрантов политических мотивов переселения. Политическая ситуация может выступать и как причина индивидуальной миграции тех, кого не устраивает правящий режим. Как правило, политический фактор обуславливает миграцию межгосударственную. В мотивационной структуре многих сегодняшних вынужденных мигрантов мы наблюдаем преобладание политических мотивов. Порой политические мотивы в миграции оказываются сильнее всех остальных. Индивид готов испытывать лишения, лишь бы остаться верным своим политическим убеждениям. Таких примеров история знает довольно много²⁰.

При всей важности отмеченных выше причин, способных оказать заметное влияние на динамику и направление миграции, решающую роль, однако, играют социальные и экономические факторы. Следует также отметить, что в районы вселения мигрантов привлекают возможности трудоустройства, содержание и характер труда, размер заработной платы, перспективы получения образования, создания семьи. В современных условиях значительна роль жилья.

Для миграции важны не только ближайшие результаты (в первые годы вероятны различного рода потери, вызванные безработицей, ухудшение жилищных условий), но и более или менее четкие перспективы возможных изменений в будущем. Различия в условиях жизни, особенно в странах с большой территорией, формируют существенные по величине и интенсивности миграционные потоки. Чем больше такие различия между районами, тем значительнее миграция. Изменение соотношения в условиях жизни между регионами способно коренным образом повлиять на на-

правление и результативность движения рабочей силы. Повышение уровня жизни сельского населения ослабляет его стремление к перемещениям в города, стимулирует переезд городских жителей в сельскую местность.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что специфика социальных причин заключается в тесном сплетении с экономическими. Одним из существенных показателей уровня жизни является величина заработной платы, которая в свою очередь представляет собой форму проявления экономического закона стоимости рабочей силы. Таким образом, в условиях перехода к рынку рабочей силы в нашей стране воздействие динамики заработной платы, ее региональной дифференциации на механизм миграции рабочей силы будет увеличено. Именно экономические причины оказывают наиболее сильное влияние на миграционные потоки.

Воздействие экономической подсистемы общественного устройства на миграцию населения и трудовых ресурсов сложно и многоаспектно. Как бы ни был самостоятелен человек в принятии своего решения о смене места жительства, он вынужден считаться с окружающей его экономической реальностью. В связи с чем в структуре экономических причин миграции специалисты выделяют²¹:

1) наличие рабочих мест, привлекательных для потенциальных мигрантов. Реальная возможность трудоустройства во многом определяется экономической ситуацией и инвестиционным климатом в городе или районе;

2) существенные различия в уровне жизни между регионами страны. Это подталкивает значительное число граждан к принятию решения о переезде;

3) развитую социальную инфраструктуру в большинстве крупнейших городов страны, которая активизирует миграцию в них молодежи. Это связано со стремлением получить профессиональное образование и повысить собственный социальный статус.

Безусловно, названные экономические причины миграции могут быть отнесены к субъективным факторам, стимулирующим миграционную активность отдельных людей.

По мнению Л. Л. Рыбаковского и В. Шапиро, «между социальными и экономическими факторами трудно установить сколько-нибудь четкое различие и вычленив их в чистом виде. Поэтому их целесообразно объединить вместе под общим названием “социально-экономические факторы”»²². Следует обратить внимание и на другой подход, имеющий место в исследовании данной группы факторов, заключающийся в анализе влияния на миграцию социальных и экономических факторов раздельно, т. е. дифференцированно²³.

Подводя итог вышесказанному о причинах миграции, хотелось бы отметить, что наиболее приемлемым нам представляется мнение о том,

что социальные и экономические факторы, взаимодействуя, образуют сложный комплекс условий, содержание которого оказывает целостное влияние на миграционные перемещения населения. Под условиями мы понимаем обстоятельства, от которых что-нибудь зависит²⁴.

Ряд теорий и концепций, разработанных в настоящее время и объясняющих причинно-следственные взаимосвязи миграции, предлагают рассматривать их на двух уровнях: на макро- и микроуровне. На макроуровне происходит определенное совмещение масштабов, направлений, интенсивности миграционных потоков между различными регионами с параметрами социально-экономического развития самих этих регионов (величиной заработной платы, уровнем занятости, наличием жилищных условий, числом незанятых рабочих мест, экологической и этнонациональной ситуацией). Думается, что выявление характера таких взаимосвязей в зависимости от состава мигрантов (их возраста, пола, уровня образовательной и профессиональной подготовки) представляет собой существенный момент любого исследования миграции. В условиях плановой экономики преобладала концепция планомерной миграции рабочей силы, в соответствии с которой главным фактором, обуславливающим миграционный процесс на макроуровне, является планомерное размещение производства. Миграция рассматривалась в первую очередь как инструмент распределения и планомерного перераспределения трудовых ресурсов между регионами. Игнорирование материальных стимулов мигрантов предопределяло огромное влияние организационного механизма функционирования и регулирования миграции²⁵.

На микроуровне осуществляется изучение миграционной реакции отдельных индивидов, семей или домохозяйств на изменение тех или иных показателей, условий жизни, важных с точки зрения принятия решения о миграции. Такой подход необходим для исследования закономерностей миграционного поведения. В целом разработанные теории и концепции являются основой построения различного класса моделей и гипотез, важных при прогнозировании миграции. Среди концепций, объясняющих миграционное поведение на микроуровне, широкое распространение получила теория человеческого капитала Гарри Беккера²⁶, ставшая основой различных подходов в моделировании территориальной подвижности населения и рабочей силы. В соответствии с этой концепцией решение о перемещении мигранта основано на рациональном сравнении имеющегося уровня жизни с возможным его изменением в районе предполагаемого вселения и оценке ожидаемой выгоды от такого перемещения.

Естественно, что мигрант, сделав определенные затраты и понеся определенные потери, предполагает достичь на новом месте более высокого уровня благосостояния, чем

на прежнем. Такая ориентация мигранта предполагает помимо рационального его поведения определенную информированность, возможность сравнивать уровень жизни, оценивать ожидаемые выгоды. Таким образом, миграция способствует в определенном смысле переносу деятельности в те сферы, где цена человеческого капитала выше.

Итак, на протяжении многих десятилетий исследователи обычно только фиксировали явления в миграции, например наличие и остроту миграционных проблем, ареал их распространения, но недостаточно глубоко и всесторонне их осмысливали. Под причинами миграции понимался повод, а последствия данного процесса оценивались с позиций прошлого или настоящего, но не будущего. Последнее тем более важно, что нынешняя миграционная ситуация, обусловленная комплексом причин социально-политического, экономического, этнического, демографического характера, во многом сформировалась под воздействием происходящих в прошлые годы миграционных процессов. В современных исследованиях процессов миграции необходимо, по-видимому, применять концепцию «притяжения-выталкивания», которой принадлежит сегодня главная роль при изучении отдельных аспектов перемещения населения, связанного с изменениями в социально-экономическом развитии разных регионов. Данная концепция наиболее адекватно отражает современную ситуацию в российском обществе.

Примечания

- ¹ См.: Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. М., 1996. С. 110.
- ² См.: *Ravenstein E. G.* The Laws of Migration // J. of the Statistical of London. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–227; The Laws of Migration // Ibid. 1889. Vol. 52, № 2. P. 241–301.
- ³ См.: *Ravenstein E. G.* The Laws of Migration // Ibid. 1885. № 48. P. 167–227.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ См.: *Ионцев В. А.* Международная миграция населения : теория и история изучения. М., 1999. Вып. 3. С. 73.

- ⁶ См.: *Lee E.* A Theory of migration // Demography. 1996. № 1. P. 47–57.
- ⁷ *Вечканов Г. С.* Миграция трудовых ресурсов в СССР. Политико-экономический аспект. Л., 1981. С. 38.
- ⁸ *Костаков В. Г.* Прогноз занятости населения : Методологические основы. М., 1979. С. 165.
- ⁹ См.: *Белокрылова О. С., Михалкина Е. В.* Экономика труда. Ростов н/Д, 2002. С. 157.
- ¹⁰ См. подробнее: *Оникиенко В. В., Поповкин В. А.* Комплексное исследование миграционных процессов. М., 1973. С. 9–10; *Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. М., 1975. С. 106–107; *Корель Л. В.* Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 163.
- ¹¹ См.: Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. М., 1970. С. 56–61.
- ¹² См.: *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграции. М., 1973. С. 76–77.
- ¹³ См.: *Скрипко О. В.* Миграция населения как элемент регулирования регионального рынка труда : дис. ... канд. экон. наук. М., 1999. С. 42.
- ¹⁴ См.: Экономика труда и социально-трудовые отношения. С. 112.
- ¹⁵ См.: *Петров В. Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004. С. 69.
- ¹⁶ Там же. С. 71.
- ¹⁷ Там же. С. 101.
- ¹⁸ См.: *Романов И. А.* Миграционные процессы в современной России : вопросы теории и практики регулирования. М., 2005. С. 21.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 40.
- ²¹ См.: Рынок труда / под ред. В. С. Буланова, Н. А. Волгина. М., 2000. С. 234.
- ²² *Рыбаковский Л. Л., Шаниро В.* Факторы межрайонной миграции населения // Куда и зачем едут люди. Народонаселение. М., 1979. С. 31.
- ²³ См.: Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978. С. 33.
- ²⁴ См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 746.
- ²⁵ См.: *Моисеев В. М., Чудиновских О. С.* Теория человеческого капитала и миграция в России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 131.
- ²⁶ См.: *Becker G. S.* The Human Capital. Chicago, 1964.

УДК 316.334.5

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ РИСКОГЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В ТРУДАХ РУССКИХ СОЦИОЛОГОВ XIX–XX ВЕКОВ

М. В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

В статье рассмотрены основные свойства социальной реальности, такие как системность, субстанциональность, человеческое начало, влияющие на формирование социологического мышления личности. Показано, что в современном, открытом, необратимом мире человек находится в состоянии постоянного выбора и поиска оптимального решения, что связано с производством, накоплением и распределением социальных рисков. Рискогенные общественные системы рассмотрены с точки зрения субъективной социологии Н. К. Михайловского и закона взаимной помощи П. А. Кропоткина.

Ключевые слова: системность, субстанциональность, человеческое начало, общество риска, позитивистские парадигмы.

Sociological Paradigm of Risk Society Systems in Russian Sociological Literature of XIX–XX Centuries

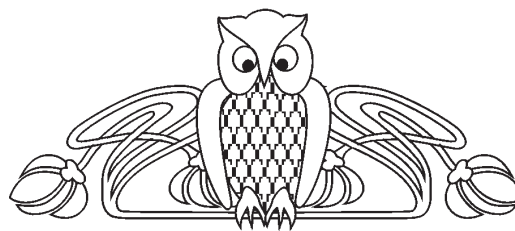
M. V. Kalinnikova

In article had been described such properties of social reality as systemness, substantiality, humanness, which form sociological thinking person. We had been proved that in modern, open and irreversible world human always stay in state of permanent choosing and searching of optimal solutions. And it related with production, accumulation and distribution of social risks. Risk social systems we had been considered point of view of subjective sociology of N. K. Mikhailovsky and mutual assistance law of P. A. Kropotkin.

Key words: systemness, substantiality, humanness, risk society, positivist paradigm.

При рассмотрении различных социологических парадигм общества как социального целого обратимся к анализу рискогенных факторов социальной реальности, исходя из выдвижения на первый план проблемы социального. Социальное, взятое в своей всеобщности, обладает рядом свойств, выражающих стремление всего человечества к самосохранению и саморазвитию в окружающем природном мире, таких как системность, субстанциональность, человеческое начало.

Системность – свойство социального, которое обнаруживает способность общественных процессов и явлений в ходе взаимодействия образовывать социальные системы и сохранять их системное строение. К числу предельно общих элементов общественной жизни относятся: «человек», «деятельность», «отношение», «общественный разум».

Разные типы взаимодействия и связи основных элементов создают различные формы системной организации социальной реальности: социоприродную, экономическую, социально-бытовую, национальную, политическую, духовную. Образуются социальные оболочки, в которых человек как общественный индивид действует в социальном и природном окружении, опредмечивает живую деятельность в вещах, нормах, санкциях, социальных институтах.

Устойчивые оболочки социального чаще всего выражаются в основных сферах общественной жизни. Каждая сфера общества отличается конкретным способом жизни людей, преобладанием определенного вида человеческой деятельности, закрепленного в устойчивых общественных отношениях и социальных институтах. Общественный разум реализуется в общественных идеях, ценностях, нормах, наполняющих сферу общественной жизни своим духовным содержанием.

Обобщающее понятие «сферы общества» вскрывает определенное единообразие структурных элементов общества, указывает на родовую общность различных форм проявления социального. На каждом новом историческом витке общество вновь и вновь воспроизводит основные сферы своей жизнедеятельности, где присутствует свой механизм самосохранения человека как родового существа. При анализе строения основных сфер общественной жизни удается выявить устойчивый тип связи между ними, проследить горизонтальную и вертикальную структуры социального.

Сферы общественной жизни – понятия весьма удобные для выяснения интеграционных качеств социального, но они не дают возможности выявить источники становления системных социальных качеств, проследить пространственное взаимодействие социальных систем. Социальное пространство жизни людей очерчивается в социологии посредством понятия социальной организации.

В предельно широком смысловом значении социальная организация выражает пространственные способы взаимодействия и консолидации людей, посредством которых достигается их адаптация к различным социальным изменениям и выстраиваются основы социального порядка в обществе. Важнейшими признаками социальной

организации являются следующие: сложившаяся иерархия связей между членами сообщества; способы регулирования групповых форм деятельности; социальное назначение.

Понятие социальной организации в единстве с понятием общественной сферы образуют в социологии научную парадигму исследования системности общества.

Субстанциональность – другое важнейшее свойство социального, которое присутствует в различных видах деятельности людей. Человеческая деятельность, воплощаясь в производственных, социальных и информационных технологиях, непрерывно воспроизводит материальные и духовные компоненты социума – систему хозяйства, государственные (шире – социальные) институты, формы общественного сознания и предстает определяющим фактором развития общества как социального целого.

Различное социологическое обоснование сущности (субстанции) общества в XIX в. неизбежно вело к созданию разных социологических моделей общества. Для социологических школ XX в. обоснование общественной сущности (субстанции) остается важнейшим условием приобретения собственного научного статуса в мировом социологическом сообществе.

Человеческое начало – еще одно глубинное свойство социума, при котором социальное предстает как человеческое, реализованное в общественной жизни. В социологии человеческое начало выражает типичные человеческие качества людей, выработанные под влиянием определенных общественных отношений. Социологическое осмысление человеческого начала достижимо под углом зрения целостной социальной системы.

В современном открытом необратимом мире, где будущее не может быть с точностью предопределено, а настоящее имеет несколько потенциальных линий развития, человек находится в состоянии постоянного выбора, поиска наиболее оптимального решения в соответствии с изменяющимися условиями¹.

Социологические парадигмы рискогенных общественных систем основываются на понимании взаимоотношений мира и человека исходя из процесса глобализации и модернизации, который разрушает общество индустриальное и строит контуры нового социального образования, приходящего ему на смену, так называемого общества риска. «Парадигма общества риска» – это новая парадигма теоретической социологии. Ее суть состоит в утверждении, что господствовавшая в индустриальном обществе «логика позитива» – производство, накопление и распределение материальных ценностей – перекрывается и вытесняется «логикой негатива» – производством, накоплением и распределением рисков. Риск, по Ульриху Беку, может быть определен как систематическое взаимодействие общества

с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. Риски – это производство рисков, производство легитимное и осуществляемое во всех основных сферах жизни общества².

Возникновение и заразительность социальных рисков мы можем исследовать посредством созданной Н. К. Михайловским теории подражания. Опираясь на позитивизм О. Конта, Г. Спенсера, ученый ставит во главу угла исследования человека как мыслящей, чувствующей и желающей личности.

В субъективной социологии Н. К. Михайловского социология и этика неразрывно связаны между собой: «Скажите мне каковы ваши социальные связи, и я скажу, как вы смотрите на мир»³. В своем творчестве Михайловский исследовал роль личности в истории и место толпы в обществе.

О роли масс в современном мире весьма подробно пишет французский исследователь С. Москвичи в книге «Век толпы». Для него масса – «это социальное животное, сорвавшееся с цепи <...> Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий»⁴. Массы выступают не просто как продукт разложения старого строя, а как эмблема цивилизации XX столетия. Объяснение «тревожных симптомов, терзающих нашу цивилизацию», надо искать в той роли, которую играют массы в жизни общества.

С этих позиций исследование факторов риска в соответствии с теорией подражания Н. Михайловского подразумевает, прежде всего, возможность выбора и ответственность за принимаемые решения, как на уровне отдельного индивида, так и общества в целом. Критически мыслящие личности с их более или менее яркими индивидуальностями являются главными действующими лицами в обществе, определяют развитие его культуры и переход к высшим формам общественного устройства. Иногда такие люди становятся героями или вождями и у них находят подражатели и поклонники. По мнению Н. Михайловского, «одиноким человеком и человеком в толпе – это два совсем разных существа. Когда личность оказывается под влиянием энергетического примера толпы, то в этом случае может возникнуть стремление к подражанию, что воспроизводит риски как для здоровья и жизни самого индивида, так и для окружающих. В истории много примеров когда преступление, обратившее на себя усиленное внимание общества чудовищностью своих подробностей или самой своей сущностью, вызывает нередко целый ряд подражателей»⁵.

Сосредоточив усилия на защите индивидуальности, Н. К. Михайловский указывал на прогресс общества и прогресс личности. В «формуле прогресса» ученого зафиксировано, что в основе

общества лежат не биологические, а социальные процессы, в том числе разделение труда, борьба нового уклада общественной жизни со старым, передовых и реакционных идей и общественных идеалов. Ни один из этих видов прогресса не должен осуществляться за счет другого.

Со становлением общества риска человек теряет контроль над природными процессами. Следовательно, необходимо обеспечить интеграцию различных способов освоения мира и тем самым увеличить творческий потенциал человека для свободных и осмысленных действий, целостного и открытого восприятия и осознания мира. Этим требованиям в известной степени отвечает закон взаимной помощи, обоснованный русским социологом П. А. Кропоткиным. Ему удалось доказать влияние природной среды на развитие и прогресс человеческого разума, им предложены механизмы формирования нравственности, включающие в себя справедливость, взаимопомощь, солидарность, и доказана необходимость формирования новой этики в отношении человека к природе.

В своей книге «Этика: Происхождение и развитие нравственности» Петр Кропоткин одним из первых раскрыл историческую ценность природных условий существования человека и показал трансформации этих ценностей на разных ступенях цивилизации. Кропоткин пишет: «...современная наука достигла двойной цели. С одной стороны, она дала человеку очень ценный урок скромности. Она учит его считать себя лишь бесконечно малою частичкою вселенной. Она выбила его из узкой эгоистической обособленности и рассеяла его самомнение, в силу которого он считал себя центром мироздания и предметом особой заботливости Создателя. Она учит его понимать, что без великого целого наше “Я” ничто; что “Я” не может даже определить себя без некоторого “Ты”. И в то же время наука показала, как могуче человечество в своем прогрессивном развитии, если оно умело пользуется безгранично энергией природы»⁶.

П. Кропоткин считал, что все живое обладает нравственностью, и животным присущи многие качества, которые имеет человек. В доказательство он приводит пример: «Увидев, как во всем животном мире мать рискует жизнью, чтобы защитить своих детей, увидев, как сами стадные животные дружно отбиваются от хищников, как они собираются в громадные стада для перекочевков и как первобытные дикари воспринимают от животных уроки нравственного, наши ученые поняли бы, откуда происходит то, чем так кичатся наши духовные учителя, считающие себя ставленниками божества. И вместо того чтобы повторять, что «природа безнравственна», они поняли бы, что, каковы бы ни были их понятия о добре и зле, эти понятия не что иное, как выражение того, что дала сперва природа, а затем медленный процесс развития человечества»⁷. За-

кон взаимной помощи распространяется как на животный мир, так и на человеческое общество. В общине, рабочем союзе, местном самоуправлении ученый видел социальные практики взаимопомощи, рассматривая их как основной фактор социального прогресса. Поэтому обоснованные им принципы толерантности и взаимопомощи способны минимизировать риски социального противоборства.

Социоприродные качества человека раскрываются в особых общностях – этносах, демографических и территориальных (поселенческих) группах. Влияние природного фактора преломляется в расовых, этнических, половозрастных, национальных признаках и свойствах индивидов. Природные свойства человеческого начала наиболее устойчивы, и их резкое нарушение сотрясает всю общественную систему. Резкое изменение климата, неожиданные землетрясения, наводнения, эпидемии расстраивают самые надежные общественные структуры и порой оказывают влияние на судьбы многих поколений.

Социальные качества человека как субъекта социальных структур раскрываются в больших и малых социальных группах. Большие социальные группы, включая классовые, профессиональные, религиозные образования, в процессе жизнедеятельности кристаллизуют групповые формы поведения людей в соответствии с основными элементами и функциями общества. Такие группы и их институты выражают системные социальные свойства человека. Человеческое начало здесь до предела социализировано, лишено персонификации. Социальную автономию человек приобретает в малой группе. Межличностное общение в формальной или неформальной группе, построенное на достижении личной или групповой цели, непрерывно порождает конкретные человеческие качества на личностном уровне. Форма человеческого начала личностна, а содержание социальное.

Мы живем в мире, полном неустойчивостей, когда малое возмущение может разрастаться в макроструктуры. Применительно к обществу это означает, что в моменты неустойчивости каждый отдельный человек должен осознать огромную ответственность за судьбу всей системы. Каждая конкретная ситуация заставляет возвращаться к характеристике общества как социального целого, к рассмотрению различных рискогенных факторов жизнедеятельности общества и их оценке.

Примечания

- ¹ См. Трубецков Д. И. Колебания и волны для гуманитариев : учеб. пособие для вузов // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 1997. Т. 5, № 4. С. 120–134.
- ² См. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. М., 2001.

- ³ Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1896–1897. С. 405.
⁴ Москвичи С. Век толпы. М., 1998. С. 449–450.
⁵ Михайловский Н. К. Герои и толпа // Социология в России XIX – начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни / под ред. В. И. Добренькова. М., 2001. С. 348.
⁶ Кропотин П. А. Этика: Происхождение и развитие нравственности. С. 3. URL: // <http://log-in.ru/books/etika-kropotkin-p-a-filosofiya> (дата обращения: 05.01.2014).
⁷ Кропотин П. А. Справедливость и нравственность. С. 4. URL: // <http://pagan.ru/lib/books//wera/kropotkin1.php> (дата обращения: 05.01.2014).

УДК 316.4

ПРАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ ПРИКЛАДНОГО БАКАЛАВРИАТА В СИСТЕМУ СПО

И. Н. Иванова, О. Л. Шарова

Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю. А.
E-mail: irinaivan@list.ru, olga_sharova_sar@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы внедрения прикладного бакалавриата в систему среднего профессионального образования Российской Федерации. Особое внимание уделено результатам эмпирического исследования по данному вопросу, выполненного авторами среди студентов и преподавателей в учреждениях СПО Саратовской области.

Ключевые слова: прикладной бакалавриат, реформирование, среднее профессиональное образования, студенты, преподаватели.

Introduction Practice of Applied Baccalaureate AP into the System of Secondary Professional Education

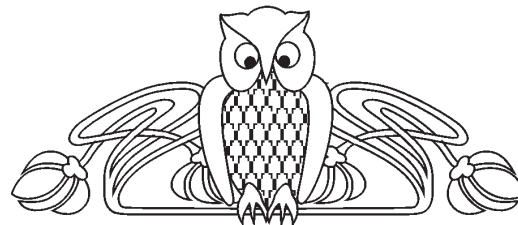
I. N. Ivanova, O. L. Sharova

The problems of introduction of Applied Baccalaureate (AB) into the system of secondary professional education in the Russian Federation are reviewed in this article. The results of empirical analysis done by the authors among students and teachers in the institutions of secondary professional education in Saratov region are of special emphasis.

Key words: Applied Baccalaureate (AB), reformation, secondary professional education, students, teachers.

Развитие системы среднего профессионального образования и создание базы квалифицированных рабочих кадров являются одними из приоритетов реформирования современной системы российского образования. В связи с возрастающим притоком неквалифицированной рабочей силы из Средней Азии лишь повышение качества выпускников системы среднего профессионального образования может создать возможности для реализации поставленных задач. Модернизация системы среднего профессионального образования (СПО) должна в ближайшее время стать основой национальной образовательной системы. Перед колледжами и техникумами поставлена задача создания новой рабочей интеллигенции, которая примет активное участие в модернизации экономики и развитии общества.

Среди направлений преобразования системы подготовки профессиональных кадров сред-

него звена наиболее актуальными, на наш взгляд, являются два – вхождение учреждений СПО в состав высших учебных заведений и введение прикладного бакалавриата. Эти направления являются инновационными и способны при соответствующей реализации повысить значимость данной системы в глазах российского общества.

Процесс вхождения учреждений СПО в систему высшего профессионального образования (ВПО) в нашей стране начался в 90-х гг. XX в. В последующие годы была проведена определенная работа по модернизации и совершенствованию системы профессионального образования¹. При этом все чаще система СПО рассматривалась не как отдельная образовательная подструктура, а в сочетании с системой ВПО. Возобновление действий по включению СПО в систему ВПО произошло в 2010 г., когда началась структурная перестройка системы среднего профессионального образования и большая часть учреждений СПО перешла в ведение учреждений ВПО.

Параллельно с этим процессом в структуре СПО проводится еще один эксперимент – открытие программ прикладного бакалавриата, обусловленный требованиями, предъявляемыми к выпускникам современным производством². Современные выпускники должны обладать не только суммой знаний и умений, но и иметь профессиональные компетенции, т. е. не только выполнять профессиональные операции, но и адекватно воспринимать инновации и быть готовыми и способными в течение профессиональной жизни к совершенствованию своих профессиональных навыков. Однако состояние, в котором находится система СПО в настоящее время, не способствует реализации данной задачи. Уровень подготовки специалистов среднего профессионального образования в России не соответствует требованиям производства, поэтому внедрение прикладного бакалавриата – насущная необходимость, продиктованная увеличивающимся спросом со стороны

работодателей на комбинацию практических навыков и теоретических знаний у выпускников учреждений профобразования. Именно прикладные бакалавры должны обладать достаточной технологической культурой и достаточной мотивацией к работе на тех рабочих местах квалифицированных исполнителей, которые предприятия сегодня частично заполняют выпускниками вузов. Рассмотрим более подробно новое для российской системы образования понятие – «прикладной бакалавриат»³.

Введение эксперимента по внедрению прикладного бакалавриата началось в 2009 г.⁴ Основная цель введения бакалавриата – тестирование инновационных программ обучения, организация взаимодействия учебных заведений и работодателей, что должно в конечном итоге привести к повышению качества подготовки выпускников профессиональных заведений для рынка труда. Эксперимент продлится до 1 ноября 2014 г., и по его итогам планируется до 50% программ СПО преобразовать в программы прикладного бакалавриата. Об этом говорится в итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года (Стратегия-2020)⁵.

В настоящее время принято рассматривать прикладной бакалавриат не как ступень развития системы СПО, приближения ее к потребностям работодателя, а как адаптацию высшего профессионального образования к рынку труда. В. Мау полагает, что введение прикладного бакалавриата поможет «смягчить давление на университетское образование со стороны массового спроса»⁶. После принятия нового Закона об образовании⁷ прикладной бакалавриат становится частью вузовской программы, студенты могут определить вектор своего развития в профессии и перспективы повышения образования. Вопрос в другом: соответствует ли современная структура образования России требованиям, которые предъявляются к прикладному бакалавриату?

По Международной стандартной классификации образования (МСКО) ЮНЕСКО программы прикладного бакалавриата соответствуют уровню 5 В, который описан в МСКО как практикоориентированные программы первого этапа третичного образования со сроком обучения от двух до четырех лет. В Европе прикладной бакалавриат распространен в колледжах профессионального образования Великобритании, Fachhochschulen Германии, государственных колледжах Норвегии, политехниках Финляндии и иных подобных учебных заведениях, в Японии успешно функционируют технические колледжи «KOSEN»⁸.

Очевидно, что прикладной бакалавриат дает возможность реализовать образовательные программы подготовки для приоритетных направлений модернизации и технологического развития

экономики России. Однако до сих пор широкой общественности не предоставлена информация о результатах проведения эксперимента по внедрению прикладного бакалавриата в СПО. Несмотря на отсутствие информации об итогах слияния учреждений СПО с вузами и реализации программ прикладного бакалавриата, эти направления реализуются. Одной из целей нашего эмпирического исследования стало как раз изучение вопроса о том, насколько понимают и принимают студенты и преподаватели системы СПО происходящие в образовательных учреждениях процессы модернизации.

Исследование проводилось в 2012 г. в учреждениях СПО Саратовской области. Формировалась выборка на основании статистических данных, представленных Областным управлением статистики по Саратовской области. В опросе участвовали студенты и преподаватели как государственных, так и негосударственных учебных заведений. В целом репрезентативная выборка соответствует генеральной. Опрос был случайным, в нем участвовали более 300 студентов колледжей, техникумов и училищ Саратовской области и 112 работников системы СПО. Проанализируем полученные нами результаты.

Важным, на наш взгляд, является вопрос о том, где обучались студенты СПО ранее, поскольку современные абитуриенты – это как раз та категория населения, которая прочувствовала на себе все модернизационные мероприятия, реализованные в ПНП «Образование». Так, по данным П. Н. Осипова, Д. Л. Константиновского, Г. А. Ключарева, абитуриентами и студентами среднего профессионального образования являются выпускники общеобразовательных школ⁹. Результаты нашего исследования подтверждают эту точку зрения: 80% опрошенных учились до момента поступления в СПО в общеобразовательных школах, что вполне предсказуемо, так как именно общеобразовательные школы являются основными «поставщиками студентов» для системы СПО. Только 2% респондентов – выпускники профессиональных лицеев или профессиональных училищ. Выпускников лицеев (в прошлом профессиональных училищ начального профессионального образования) становится с каждым годом все меньше. Этот факт говорит, с одной стороны, об уменьшении престижа системы СПО для выпускников НПО, а с другой стороны, что по новому Закону об образовании системы начальной профессиональной подготовки в нашей стране больше нет. Выпускники гимназий и школ с углубленным изучением ряда предметов составляют 18% респондентов. Это студенты из областного центра и крупных городов области, живущие в полных семьях и имеющие материальное благополучие, намеренные после окончания СПО учиться в вузе. Полученные нами данные аналогичны

показателям в целом по учебным заведениям и распределению поступления выпускников после окончания школы¹⁰.

Среди сотрудников учреждений СПО, принявших участие в опросе, женщины составляют 76%, мужчины – 24%; 32,4% респондентов имеют стаж работы в системе СПО более 15 лет, 27% – до 10 лет. По 20,3% – сотрудники со стажем до 5 лет и от 10 до 15 лет. В целом такие данные соответствуют общероссийским показателям и подтверждают мнение о феминизации и старении педагогических коллективов учреждений СПО. Администрация образовательных учреждений состоит в основном из женщин, проработавших более 15 лет. Педагогический стаж свыше этого срока имеют 39%, стаж до десяти лет – 21,6%, свыше 15 лет – 20,3% и стаж до 5 лет имеют 18,9% опрошенных. Полученные нами результаты демонстрируют, что ротация педагогических кадров СПО происходит, как правило, за счет работников системы НПО и гораздо реже – ВПО.

Одним из основных был вопрос о причинах, побудивших выпускников основной и полной школы выбрать для продолжения образования структуру СПО. Ответы распределились следующим образом. Почти половина опрошенных (49%) указывают, что хотели и планировали учиться именно в СПО; 21% выбрали учреждения СПО, надеясь на то, что это позволит им в будущем устроиться на работу по приобретаемой профессии; 11% (это респонденты из числа выпускников 11-го класса) – абитуриенты, не поступившие в вуз на бюджетное отделение. Среди других причин, выбранных респондентами, были: за компанию с друзьями (7%), не хотели сдавать ЕГЭ (6%), расположено близко к дому (4%). Наименьший процент респондентов набрал вариант «Поступил в учебное заведение по совету родителей» – 2%. Полученные результаты подтверждают российскую тенденцию о самостоятельном выборе СПО для продолжения образования, описанную ранее М. Горшковым и Э. Шереги, П. Осиповым. По мнению этих авторов, 47,8% респондентов самостоятельно и сознательно выбрали профессию и, что самое важное, место обучения и тип учебного заведения¹¹.

Анализ интервью сотрудников учреждений СПО также подтверждает факт возрастающего интереса абитуриентов-выпускников основной школы к обучению в колледжах и техникумах. Но причины интереса, по мнению экспертов из числа сотрудников системы СПО, находятся в плоскости социальных проблем. В частности, преподаватели ряда учреждений СПО Саратовской области говорили о новой проблеме – **адаптации к обучению**. В результате проводимых в средней школе реформ определенное количество учащихся было лишено возможности получить полноценное образование и исполнять роль уче-

ника. Педагоги утверждают, что вследствие нерегулярной учебы, обусловленной рядом объективных причин, а именно транспортной проблемой в сельской местности, слиянием малокомплектных школ, ориентацией школы на сдачу ЕГЭ, сформировался «слабо адаптированный к социуму тип личности». В учреждениях СПО, стараясь сохранить контингент обучающихся, стали организовывать группы адаптации к обучению и выравниванию базовых знаний, руководят которыми, как правило, социальные педагоги, психологи и кураторы групп. Подобный педагогический процесс, учитывающий индивидуальные потребности личности, организованный в стенах СПО, а также наличие кадров, способных помочь молодому человеку компенсировать упущенное, позволяет юноше или девушке стать более социализированным, а значит, и конкурентоспособным, предоставляет дальнейшую возможность повысить свой образовательный уровень, и это в конечном счете привлекает абитуриентов.

Наши данные о популярности учреждений СПО подтверждаются данными исследования рынка профессий Саратовской области, проведенного под руководством А. Н. Кочетова. Так, в своей работе автор утверждает, что вопреки распространенному мнению о ненужности и невостребованности среднего профессионального образования в период роста престижности высшего профессионального образования с 1990 по 2008 г. оно, по крайней мере в Саратовской области, утратило свои позиции незначительно и резкого сокращения набора в учреждения СПО не произошло даже на фоне демографического спада. Учреждения СПО и НПО в связи с утратой своего назначения по воспроизводству кадров соответствующего профиля стали функционировать как «социальная база пополнения высшего образования»¹².

По данным нашего опроса, продолжить образование в вузе планируют 65% респондентов, остальные или не решились (20%), или не хотят учиться дальше (15%). Среди тех, кто планирует дальнейшее обучение, – студенты выпускных курсов. Не планируют продолжать учиться студенты из областного центра и жители крупных городов, в основном юноши. Эти данные подтверждают мнение о феминизации высшего образования и постепенном понимании того, что оно не является гарантией трудоустройства. Юноши, тем более те, для кого неактуальна отсрочка от службы в рядах Российской армии, начинают относиться к образованию прагматично. Наши данные соответствуют общероссийской тенденции выбора учреждения СПО как промежуточного звена в получении высшего образования. По словам И. В. Абанкиной, для многих студентов училищ, колледжей и техникумов рассматриваемая нами ступень образования лишь «трамплин в вуз»: «И половина ребят, окончивших учреждения среднего профессионального образования, не

выходят сразу на рынок труда. Минус ЕГЭ, они поступают на второй, а иногда и на третий курс в вуз. Сейчас их становится все больше». Многие родители в маленьких городах и селах отправляют детей учиться в техникумы и училища, чтобы они уезжали в крупные города, где находятся университеты, не в 17 лет, а после 20¹³.

Поскольку процесс вхождения учреждений СПО в состав вузов уже завершен и некоторые учреждения СПО уже несколько лет работают в их составе, мы попросили студентов высказать свое мнение по этому вопросу. Положительно высказались 35,5%. Это студенты из малых городов и областного центра, основная часть опрошенных – те, кто выбрал вариант обучения в системе СПО для получения специальности: *«Конечно, хорошо, нам гарантировано поступление в вуз...» (студентка СПО, 19 лет, обл. центр)*. Отрицательно относящихся к вхождению СПО в состав вузов 20% – это студенты из сел и деревень: *«Отношусь отрицательно, зачем вузам мы нужны? Будут ли у нас льготы или нет, еще неизвестно» (студентка СПО, 17 лет, обл. центр)*. Не определившихся по этому вопросу 30%.

Сравним мнение студентов с мнением преподавателей системы СПО. Те, кто противится вхождению учреждений СПО в состав вузов (40,5% опрошенных), объясняют это, например, следующим: *«К нам пришли, когда мы присоединялись, комиссия из университета и говорят, а зачем вам мастерские, у нас в университете их нет. Мы говорим, что нам без мастерских никак нельзя, у нас другое, мы учим большие руками работать. Да эти мастерские сдали в аренду, что-то там теперь производит кто-то. Нам чуть-чуть оставили помещений и оборудования для ознакомительной учебной практики» (преподаватель, муж., 62 года, обл. центр)*. Объяснения этой позиции практически одинаковы – представители вузов не в полной мере понимают специфику обучения в СПО, кроме того, преподавателей «пугает неизвестность», касающаяся будущего учебного заведения. В этой группе – практически все члены администрации и преподаватели с большим педагогическим стажем.

Положительно относятся к присоединению учреждений СПО к вузам 27%, не определились 32,5% респондентов. Среди тех, кто приветствует присоединение к вузу, – сотрудники со стажем работы в СПО менее 10 лет. Очевидно, что данная группа опрошенных еще не имеет устоявшегося мнения, открыта реформам и изменениям. Мы сравнили мнения студентов и преподавателей по этому вопросу и выяснили, что в целом студенты относятся более положительно к вхождению СПО в состав вуза, чем преподаватели.

В связи с реформированием системы профессионального образования в нашем опросе речь шла и о введении прикладного бакалавриата. Мы задали студентам СПО вопрос: «Является ли введение прикладного бакалавриата возможностью

для СПО стать конкурентоспособной структурой на рынке образования?». Полученные данные говорят, что 44% не знают, что это такое (в том числе это и студенты того образовательного учреждения, где реализуется программа прикладного бакалавриата); 22% ответили, что прикладной бакалавриат является возможностью повысить престиж образования в СПО.

Среди тех, кто положительно относится к введению бакалавриата, – респонденты, надеющиеся после окончания СПО устроиться на работу. Наибольшее количество пропущенных ответов дали опрошенные, выбравшие учебу в СПО за компанию с друзьями. Отрицательное отношение к бакалавриату демонстрируют те, кто «хотел учиться именно в СПО». Сторонниками прикладного бакалавриата являются юноши в возрасте от 18 до 20 лет, которые оценивают материальное положение своих семей как высокое. Интересен факт, что среди тех, кто не знает, что такое прикладной бакалавриат, в основном девушки в возрасте от 15 до 17 лет.

Неоднозначно относятся к идее введения в СПО прикладного бакалавриата и сотрудники системы СПО Саратовской области. Получены следующие данные: прикладной бакалавриат поможет СПО стать конкурентоспособной структурой на рынке труда – 41,9%; отрицательно относятся к введению бакалавриата на базе СПО 29% опрошенных нами сотрудников СПО; не определились по этому вопросу 29,1 %.

Среди тех, кто «за» прикладной бакалавриат, – преподаватели, проработавшие не более 10 лет в учреждениях СПО, имеющие высшее и послевузовское образование. Среди активных противников – администрация и проработавшие более 15 лет преподаватели, а их в образовательных учреждениях подавляющее большинство. В целом сотрудники более осведомлены о том, что такое прикладной бакалавриат, но мнения и у студентов, и у тех, кто их обучает, распределились примерно поровну между отрицанием и принятием. Таким образом, процесс введения прикладного бакалавриата будет тормозиться сверху и снизу.

Итак, данные нашего исследования соответствуют российской тенденции, аналогичны результатам социологического исследования, проведенного в ряде областей Центрального Черноземья. Исследование было направлено на выявление противоречий в ходе реализации инновационной деятельности, и один из выводов, сделанных исследователями, состоит как раз в том, что многие сотрудники и студенты не понимают того, для чего нужны инновации, а прикладной бакалавриат и включение учреждений СПО в систему ВПО, безусловно, являются таковыми¹⁴. В результате непонимания сути инициированных правительством процессов на местах при реализации поставленных задач произошла подмена понятий, при которой инновации, ори-

ентированные на экономический или социальный эффект, не воспринимаются как значимые для человека, требующие осмысления, принятия и руководства к действию для каждого участника образовательного процесса.

Примечания

- 1 См.: О введении в действие государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования : приказ Министерства образования РФ от 16.05.2002 г. № 1799 // *Официальные документы в образовании*. 2002. № 22.
- 2 См.: *Иваненко И. А.* Подготовка специалистов в условиях социального заказа в формате социального партнерства // *Университетское управление*. 2011. № 1. С. 53
- 3 См.: *Блинов В.* Выпускник прикладного бакалавриата – мечта работодателя. URL: http://www.vashidengi.info/news/chto_takoe_prikladnoj_bakalavriat/2012-01-06-4399 (дата обращения: 19.12.2013).
- 4 См.: О проведении эксперимента по созданию прикладного бакалавриата в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования : постановление Правительства РФ от 19.08.2009 г. № 667 // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2010. № 1.
- 5 См.: *Стратегия-2020* : Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. URL: <http://2020strategy.ru/2020> (дата обращения: 19.12.2013).
- 6 *Мау В.* Человеческий капитал : вызовы для России // *Вопр. экономики*. 2012. № 7. С. 121.
- 7 Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 19.12.2013).

- 8 См.: Европейский фонд образования. URL: http://www.minedu.fi/vet2006/Copenhagen_process.html?lang=en (дата обращения: 23.04.2012) ; *Пакишина Н. А., Пакишин П. В.* Технические колледжи : опыт Японии // *Профессиональное образование*. Столица. 2012. № 8. С. 44–45.
- 9 См.: *Оситов П. Н.* Студент средней профессиональной школы // *Социс*. 1998. № 11. С. 103 ; *Константиновский Д. Л.* Молодежь 90-х : самоопределение в новой реальности. Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х годов : планы и их реализация. М. : Центр социологии образования РАО, 2000. С. 187–188 ; *Ключарев Г. А.* Человеческий капитал и проблема неравенства в модернизирующемся образовании // *Вестн. Ин-та социологии*. 2011. № 3. С. 92.
- 10 См.: *Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование : опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М. : ЦСП, 2008.
- 11 См.: *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России : социологический портрет : 2-е изд., доп. и испр. М. : Ин-т социологии РАН, 2010.
- 12 *Кочетов А. Н.* Профессиональное образование и рынок труда : проблемы взаимодействия // *Социс*. 2011. № 5. С. 89.
- 13 *Башиарова С., Колесниченко А.* Образование не работает // *Новые известия*. 27.06.2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/gazeta044.php> (дата обращения: 19.12.2013).
- 14 См.: Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе высшего и среднего профессионального образования в регионах Российской Федерации». URL: http://sokrat.region48.ru/menu_projects/files/sokrat2009.pdf (дата обращения: 19.12.2013).

УДК 316.613

АЗИАТСКИЕ СВЯЗИ ЯПОНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ю. В. Ставропольский

Энгельский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.
E-mail: StJulius@yandex.ru

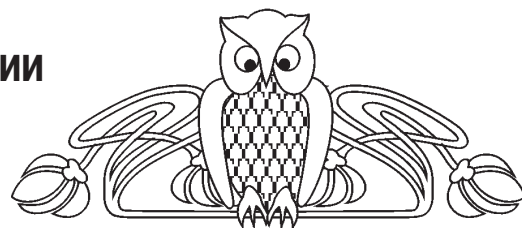
В статье рассматриваются основные причины, по которым японская социология не поддерживает значимых плодотворных связей с азиатскими социологами и не ведёт исследований, направленных на Азию.

Ключевые слова: социология, японский, исследования, общество, азиатский, группа.

Asian Connections of the Japanese Sociology

Yu. V. Stavropolsky

This feature deals with the main reasons due to which the Japanese sociology does not maintain any significant fruitful connections to the Asian sociologists and carries out no research targeting at Asia.

Key words: sociology, Japanese, research, society, Asian, group.

В 2010 г. в издательстве Токийского университета увидела свет монография профессора японского Азиатского университета Т. Окуи (Okui) под названием «История социологии» (Shakaigaku no Rekishi). В рецензиях на эту монографию подчеркивалось, что она представляет собой «стабильное учебное пособие по социологической истории», а также «добротное введение в социологию». Книга профессора Т. Окуи составлена из двенадцати глав, посвященных за-

падным социологам О. Конту, К. Марксу, Ф. Энгельсу, З. Фрейду, Г. Зиммелю, Э. Дюркгейму, М. Веберу, Т. Парсонсу, Р. Мертону, А. Шютцу, Г. Гарфинкелю, И. Гофману, Ю. Хабермасу, Н. Луману, М. Фуко, П. Бурдьё, З. Бауману и японским социологам Я. Такада (Takada), Э. Судзуки (Suzuki), И. Симидзу (Shimizu).

Подобное комбинирование европейских классиков и современных европейских и американских социологов с некоторыми из японских социологов весьма характерно для ортодоксальных учебных пособий по истории социологии, издаваемых в Японии¹. Никакие азиатские социологи, за исключением японских, в учебных пособиях подобного рода не упоминаются никогда.

Известны крупномасштабные исследования по истории японской социологии², но ни в одном из них японские социологи не рассматривают Азию. Очевидно, что японская социология не поддерживает значимых плодотворных связей с азиатскими социологами и не ведёт исследований, направленных на Азию. Возникает вопрос: неужели за свою более чем 130-летнюю историю японская социология не установила в Азии никаких научных контактов? Чтобы ответить на этот вопрос, мы предпримем краткий обзор развития японской социологии в азиатском ракурсе.

История японской социологии началась в 80-х гг. XIX в. В ту эпоху основные интеллектуальные усилия направлялись на ознакомление с западными социологическими теориями и на их усвоение. Характерны названия японских социологических трудов того времени: «Общая социология» (Futsu Shakaigaku) либо «Формальная социология» (Keishiki Shakaigaku). Эмпирические социологические исследования в Японии начались в 20-е гг. XX в., с отставанием почти в полстолетия. Первыми японскими учеными, организовавшими полевые социологические исследования, были Т. Тода (Toda) и Э. Судзуки (Suzuki).

Т. Тода (1887–1955), выходец из семьи преподавателей социологического отделения Токийского императорского университета, был директором Института восточной культуры (ныне Институт перспективных азиатских исследований) послевоенного Токийского университета. Э. Судзуки (1894–1966) был известным социологом города и села, преподавал в Императорском университете Кэйдзо и в университете Хоккайдо. В своей научной деятельности Т. Тода и Э. Судзуки не просто придерживались эмпирической ориентации, но пытались «локализовать социологию». В своих исследованиях они исходили из представления о том, что западные теоретические концепции не поддаются прямому переносу в японскую реальность.

Известный специалист по истории социологических теорий в Японии Н. Кавамура (Kawamura) утверждает, что труды Т. Тоды и

Э. Судзуки отражают их намерение создать самобытную японскую социологию, изучающую повседневную жизнь японцев, не вдаваясь в умозрительные рассуждения о принципах и методах социологии в развитых странах³. Подобное намерение, безусловно, способствовало раскрытию самобытных особенностей японского общества.

Фактически почти все открытия, связанные с японским обществом, оказались совершены между началом двадцатых и концом сороковых годов XX в. Раскрытию самобытности японского общества и его концептуализации способствовало не только скептическое, во многом негативное отношение японских социологов к «универсальности» западных теоретических концепций в социологии, но также эмпирические исследования Азии, нацеленные на выявление самобытного характера японского общества через сравнение с другими азиатскими странами.

В конце 1930-х – в начале 1940-х гг. немало японских социологов проводили эмпирические исследования сельской жизни и семьи в Корее и Китае, что было обусловлено экспансией японского милитаризма. В этой связи показательны исследования, которые осуществили М. Симидзу (Shimizu) «Исследование китайского общества» (Shina Shakai no Kenkyu) в 1939 г. и «Структура китайской семьи» (Shina Kazoku no Kozo) в 1942 г., Ю. Окада (Okada) «Семья в примитивном обществе» (Mikai Shakai niokeru Kazoku) в 1942 г., Т. Макино (Makino) «Исследование китайской семьи» (Shina Kazoku Kenkyu) в 1944 г. В этих монографиях отсутствуют оригинальные эмпирические данные и рассмотрение японского общества в сравнительной перспективе, однако они углубили понимание японского общества и содействовали дальнейшему развитию японской социологии.

М. Симидзу (1904–1999) был сотрудником научного подразделения Южно-Маньчжурской железнодородной компании, преподавал в университетах Киото, Квансэй Гакуин и Комадзава. Опубликовал монографии «Трактаты о клановой собственности в Китае» (Chugoku Zokusan Seido-ko, 1949), «Семья» (Kazoku, 1953), «Общая теория социальных групп» (Shudan no Ippan Riron, 1973). Ю. Окада (1906–1969), социолог и социальный антрополог, двенадцать лет прожил на острове Тайвань, изучал коренное население острова. Он автор монографии «Исследование племени Ли на острове Хайнань» (Kainanto Reizoku no Kenkyu, 1944); внёс вклад в развитие социологии семьи. Т. Макино (1905–1974) – социолог, китаист; преподавал в университетах Токио, Осака, Васэда. В 1975 г. вышло в свет Собрание сочинений Т. Макино в семи томах.

В 1940 г. Э. Судзуки опубликовал монографию «Принципы японской социологии села» (Nihon Noson Shakaigaku Genri), ставшую классическим трудом в японской социологии. Спустя

два года он отправился на Корейский полуостров и весной 1942 г. вступил в должность заведующего социологическим отделением Императорского университета Кэйдзо. Причины, по которым профессор Э. Судзуки согласился принять должность в Кэйдзо (так назывался тогда Сеул), неведомы, однако, по-видимому, он отправился, движимый сильным интересом к сравнительному исследованию японских и корейских сёл, на что указывает его желание найти в корейских сёлах хороший исследовательский материал. С самого начала своих исследований в Корее Э. Судзуки искал ответ на вопрос: «Что является эквивалентом японского самобытного села?», обращая особое внимание на социальную целостность (*shakaiteki-toitsusei*) – оригинальное понятие, предложенное Э. Судзуки, на которое его вдохновила полемика между П. А. Сорокиным и Е. D. Sanderson в США.

В течение почти двухлетнего пребывания в Корее, вплоть до переезда на остров Хоккайдо, Э. Судзуки неоднократно предпринимал полевые исследования, по итогам которых была опубликована серия статей: «Записка о беглом взгляде на корейское сельское общество» (*Chosen Noson Shakai Bekkenki*, 1943), «Полевые заметки о корейском сельском обществе» (*Chosen Noson Shakai Chosaki*, 1944), «Сёла в Корее» (*Chosen no Sonraku*, 1944). Можно без преувеличения назвать выдающимися такие публикации Э. Судзуки,

как «О социальных группах корейского сельского общества» (*Noson Shakai Shudan ni tsuite*, 1943), «О корейских феноменах “Gye” и “Pumasshi”» (*Chosen no Gye to Pumasshi*, 1958). В статье «О социальных группах корейского сельского общества» Э. Судзуки подвергает сравнению десять социальных групп, о которых шла речь в монографии «Принципы японской социологии села» (табл. 1⁴).

Автор был доволен публикацией, поскольку отмечал, что этой статьёй он сумел завершить свой систематический анализ корейского села⁵. Нетрудно предположить, что Э. Судзуки желал проверить применимость концепций, выработанных в Японии, к исследованию корейского села, а полевые исследования предполагали сравнение японских и корейских сёл. Безусловно, большинство выводов, сформулированных в статье «О социальных группах корейского сельского общества», имеют предположительный характер и в настоящее время на фоне множества монографий корейских авторов представляются по меньшей мере сомнительными.

После своего переезда на остров Хоккайдо Э. Судзуки прекратил заниматься корейскими исследованиями и сравнительным изучением азиатских сёл, а обратился к построению оригинальной социологии города и национального государства, стремясь постичь сущность уникальности японского общества. Однако не следу-

Таблица 1

Сравнительный анализ сельских социальных групп в Корее и Японии, по Э. Судзуки

Критерий сравнения	Характеристика
Административные группы	Эквивалентом самобытной деревни в Японии (<i>shizen-son</i>) в Корее в конце династии Чосон была самая мелкая административная единица (<i>dongli</i>). Обе характеризуются крепкой социальной сплочённостью. В Корее была сильнее социальная сплочённость на уровне округа (<i>gun</i>)
Культовые группы	Верховное божество в Японии (<i>ujigami</i>) обладало функцией государственной интеграции, в отличие от корейского верховного божества. В Японии божество (<i>kami</i>) выступает представителем верховного божества (<i>ujigami</i>), символизируя сплочённость самобытного села, тогда как в Корее это семейное (родовое) божество
Религиозные группы	Большинство сельских жителей в Японии исповедуют буддизм, в отличие от корейцев. В Корее отсутствует функциональный эквивалент японской группы верующих буддистов, являющихся постоянными прихожанами одного храма (<i>danto shudan</i>)
Группы взаимопомощи	В Корее (<i>gye</i>) они более многовариантны, в большей мере ориентированы на социальное обеспечение, а в меньшей мере – на религию и на увеселения, чем японские аналоги (<i>ko</i>)
Соседские группы	В японской национальной деревне наблюдается совокупная сплочённость социальных отношений между мелкими сообществами, в то время как ничего подобного не наблюдается в Корее, где самобытная деревня оказывается приблизительным аналогом соседских групп
Экономические группы и организации кооперации	Корейские экономические группы (<i>gye</i>) сильнее ориентированы на взаимопомощь и более рационализированы, по сравнению с японскими экономическими группами (<i>ko</i>). В Корее взаимопомощь среди сельских жителей (<i>pumasshi</i>) является более эпизодической и кратковременной, по сравнению с японским аналогом (<i>yui</i>)
Группы родства	Родственные группы в Корее широко распространены и носят более широкие социальные функции, чем в Японии. Размер семьи в Корее крупнее, чем в Японии
Группы особых интересов	Важными единицами местного самоуправления в Японии выступают группы обладателей прав на воду, в отличие от Кореи.
Самоуправляющиеся группы	В Корее моральная сплочённость зиждется на традиционных сельских нормах, в отличие от Японии
Бюрократические группы	Бюрократические группы в Корее слабее и менее результативны, чем в Японии

ет забывать о том, что исследовательская энергия и оригинальность мышления, проявленные Э. Судзуки в Корее, вдохновлялись решимостью создать самобытную японскую социальную теорию через сравнение Японии с другими азиатскими обществами и в конце концов прийти к пониманию своеобразия японского общества.

Т. Фукутакэ (Fukutake) (1917–1989) – социолог, всю свою жизнь преподававший в Токийском университете, автор монографий «Социальная структура японского села» (Nihon Sonraku no Shakai Kozo, 1959), «Структура японского общества» (Nihon Shakai no Kozo, 1981). Первый президент Японо-китайской социологической ассоциации.

Для Т. Фукутакэ Китай оказался местом, где он смог предаваться размышлениям о социологии. Иными словами, он был ещё слишком молод для того, чтобы применить свои теоретические концепции к китайскому обществу. Когда в 1940 г. Э. Судзуки уже выпустил монографию «Принципы японской социологии села», Т. Фукутакэ только начинал заниматься социологическими исследованиями. Ярким дебютом Т. Фукутакэ на социологическом поприще стала монография «Структура сельского общества в Китае» (Chugoku Noson Shakai no Kozo, 1946), в которой проанализированы самобытные особенности китайского села на материале собственного пятикратного полевого исследования, проводившегося в восточных провинциях Китая, с привлечением вторичных данных из Архива исследований традиций и институтов северного Китая (Hokushi Kanko Shiryo Chosa). Сравнение монографий Т. Фукутакэ и Э. Судзуки позволяет выявить некоторые характерные особенности.

Во-первых, основные понятия, употребляемые Т. Фукутакэ, в особенности в первой главе, озаглавленной «Структура сельского общества в восточном Китае» (Kachu Noson Shakai no Kozo), и композиция глав монографии сходны с монографией Э. Судзуки. Это свидетельствует о том, что исследование Т. Фукутакэ сильнейшим образом вдохновлялось ранними исследованиями Э. Судзуки по социологии села и что в сложившейся в то время атмосфере многие японские социологи стремились обмениваться собственными знаниями и концепциями. Иначе говоря, «локализация социологии» в ту эпоху стремительно прогрессировала.

Во-вторых, труд Т. Фукутакэ содержит большое количество ссылок на китайских учёных, тогда как Э. Судзуки в своих публикациях о корейском сельском обществе спокойно обходился без ссылок на корейских учёных. В этом отражается не только разная степень владения местными языками, но и различный объём накопленных данных о сельских обществах Китая и Кореи. Известно, что начиная с тридцатых годов XX в. Китай переживал собственную «локализацию социологии», благодаря которой стало возможно

большинство исследований Т. Фукутакэ о китайском сельском обществе.

В-третьих, Э. Судзуки пытался применить к Корее собственные концепции, выработанные при изучении японского сельского общества. Т. Фукутакэ, напротив, старался на основании выводов, сделанных в Китае, глубже понять японское общество. Действительно, в 1946 г. Т. Фукутакэ опубликовал статью под названием «Китайские сёла и японские сёла» (Chugoku no Noson to Nihon no Noson), в которой он характеризует японские сёла через сравнение их с китайскими (табл. 2⁶).

А. Такахаси (Takahashi), видный социолог села и студент Т. Фукутакэ в Токийском университете, свидетельствует, что «сэнсэй говорил о том, что японское село становилось для него понятнее через сравнение с китайским, и что он приходил в удивление, видя, насколько сёла в округе Тохoku отличаются от его родного села и от сёл в Китае»⁷.

Несмотря на сильный интерес к китайскому селу, после Второй мировой войны Т. Фукутакэ отошёл от этих исследований и посвятил себя изучению процессов демократизации в японском селе. Впоследствии, оглядываясь на свой сорокалетний научный путь, он сожалел об этом, но сильнее сожалела об этом японская социология⁸. Кроме того, продолжению своих исследований Т. Фукутакэ помешали такие политические обстоятельства, как отсутствие дипломатических отношений между Японией и КНР в период холодной войны и преследование социологии в КНР в период с 1953 по 1979 гг.

Осуществляя практическую «локализацию социологии», Э. Судзуки и Т. Фукутакэ, наблюдавшие японское сельское общество с зарубежной точки зрения, релятивизировали западные теоретические концепции и стимулировали развитие компаративных социологических исследований в Азии. К сожалению, у них не было другого шанса провести исследования вне Японии.

Некоторые ведущие азиатские социологи получили образование в Японии до Второй мировой войны. М. Ли (Lee) (1926–2010), представитель первого послевоенного поколения корейских социологов, профессор социологического факультета Сеульского национального университета, был выпускником социологического отделения Токийского императорского университета 1944 г. Он поддерживал тесные контакты с коллегами в Японии и публиковался в японских социологических журналах⁹.

С. Чен (Chen) (1906–1966), основоположник тайваньской социологии, профессор социологии Национального Тайваньского университета, был выпускником социологического отделения Императорского университета Тохoku 1932 г., получил докторскую степень в университете Кансай. С. Чен занимал маргинальное положение в тайваньской социологии, несмотря на свой вы-

Таблица 2

Сравнительный анализ сельских обществ Китая и Японии, по Т. Фукутаке

Критерий сравнения	Характеристика
Семья	
Состав семьи	В Китае больше не прямых родственников
Отцовская власть	В Японии власть отца сильнее
Домохозяйство	Китайская семья представляет собой явное домохозяйство
Наследование	В Японии принято, что единственным наследником является старший сын, в Китае наследство принято делить поровну между всеми сыновьями
Клан	
Отношения между главным и дочерними отделениями	В Китае количество домохозяйств делится поровну между главным и дочерними отделениями, в Японии – не поровну
Глава клана	В Японии глава основной семьи (honke) несёт ответственность за руководство кланом, в Китае за управление кланом отвечает старейший
Клановая собственность	В Японии клановой собственности не существует (большая часть собственности принадлежит главной семье). В Китае клановая собственность обширна
Принцип формирования	В Японии действует иерархический порядок между семьями, в Китае – между поколениями
Село	
Собственность деревни	В Японии собственность деревни обширна, в Китае – мала
Границы деревни	В Японии идентичность сельских жителей прочно привязана к общине, границы деревни чётко определены. В Китае идентичность сельских жителей прочно привязана к семье, границы деревни размыты
Деревенское святилище	В Японии клановое божество может быть общенародным, в Китае клановые божества и общенародные божества совершенно различны
Занятие сельским хозяйством	В Японии и в Китае сельское хозяйство мелкомасштабное, однако китайское сельское хозяйство менее производительное в пересчёте на площадь обрабатываемого надела
Отношения между землевладельцем и арендатором	В Китае отношения между землевладельцем и арендатором носят выраженно классовый характер и оформляются на контрактной основе. В Японии данные отношения обнуживают патерналистский характер
Самоуправление	В Китае слабее представлены отношения кооперации и слабо развито самоуправление

дающий вклад в организацию социологического факультета Национального Тайваньского университета, что можно объяснить тем, что он был коренным тайваньцем (benshengren) (отсюда сильный интерес к культурной истории Тайваня, и его преждевременной кончиной).

По данным монографии Б. Суна (Sun) «Современная китайская социология» (Dangdai Zhongguo Shehuixue, 1948), из 155 профессиональных социологов, служивших в китайских научных учреждениях в 1947 г., восемь получили образование в Японии, в том числе основоположник китайской социологии Б. Канг (Kang). Тем не менее в 1940-х гг. среди китайских социологов верховодили выпускники американских университетов. По данным той же монографии Б. Суна, в 1947 г. из 155 профессиональных социологов 73 человека получили социологическое образование в США.

Однако после войны личные связи были утрачены. Возникшие оригинальные корейская и тайваньская социологии попали под мощное влияние со стороны США. Многие профессиональные социологи Кореи и Тайваня получили образование и докторские степени в США. С другой стороны, в КНР социология в период

с 1953 по 1979 гг. была объявлена буржуазным учением и попала под запрет.

Несмотря ни на что, в Японии после войны быстро развивались азиатские исследования с применением идеографических подходов, пытавшиеся охватить азиатское многообразие. Институт развивающихся экономик, Центр юго-восточных азиатских исследований Киотского университета и Институт восточной культуры Токийского университета превратились в мекку для исследователей Азии, а Японская ассоциация азиатских исследований сыграла существенную роль в развитии исследований Азии в самой Японии. К сожалению, социологи играли в азиатских исследованиях маргинальную и ограниченную роль. В Институте развивающихся экономик почётном пользовалась политэкономия, поэтому выпускников социологических факультетов принимали неохотно. После того как Т. Тода вышел на пенсию, в штате Института восточной культуры Токийского университета полвека не было ни одного социолога. Японская ассоциация азиатских исследований по-японски называется Ассоциация политической экономии в Азии (Ajia Seikei Gakkai), что автоматически исключает такие дисциплины, как социология и

антропология, отводя им приниженное положение среди азиатских исследований.

В свою очередь, после окончания Второй мировой войны японская социология не уделяла Азии серьёзного внимания. Если взять в качестве примера выпускников социологического отделения Токийского университета, то мало кто из них обратился к азиатским исследованиям. Исключения составляли специалист по Индии Х. Ямагучи (Yamaguchi), специалист по Таиланду Х. Комаи (Komai), специалисты по Китаю М. Кагами (Kagami) и М. Хисида (Hishida). Из них одному Х. Комаи удалось устроиться по специальности на отделение социологии, остальные же служили научными сотрудниками в исследовательских институтах, занимавшихся азиатскими проблемами, что со всей очевидностью свидетельствует о маргинальном статусе азиатских исследований в японской социологии после Второй мировой войны.

В чём причина подобного разрыва между социологией и азиатскими исследованиями? Почему японские социологи, в отличие от своих великих предшественников Э. Судзуки и Т. Фукутакэ, утратили интерес к азиатским обществам? Резонно полагать, что на то имеются свои причины.

Прежде всего, до Второй мировой войны большинство японских социологов рассматривали социологические исследования в Азии в качестве сопутствующего дополнения к японскому милитаризму и колониализму, а потому постарались поскорее избавиться от одиозного исторического наследия. Как признался один из китаистов: «Я полагал, что изучение сельских районов Китая велось в интересах японской императорской армии, и был солидарен с левыми взглядами, считавшими подобные империалистические исследования бессмысленными и даже преступными»¹⁰. Поэтому вполне естественно, что японские социологи, в большинстве симпатизировавшие социализму и левому образу мышления, критически расценивали исследования в Азии, проведённые до окончания Второй мировой войны.

Во-вторых, японские социологи испытывали трудности в проведении полевых исследований в Азии, где царили антияпонские настроения, и во взаимодействии с азиатскими социологами, поскольку азиатские страны переживали «локализацию социологии». Подобно японским социологам в период сразу после завершения Второй мировой войны, азиатские социологи ориентировались на усвоение западных, в первую очередь американских, социологических теорий, поэтому на них нельзя было положиться при выборе надёжного партнёра для проведения полевого исследования.

В-третьих, большинство японских социологов не решались избрать для своей социологической карьеры изучение слаборазвитого общества. К. Томинага отмечает, что большинство социологических исследований за пределами за-

падного общества с точки зрения ортодоксального прозападного обществоведения подпадает под рубрику региональных исследований¹¹.

В-четвёртых, модернизация и социальное изменение Японии происходили столь стремительно, что интерес большинства японских социологов естественным образом обращался к внутренним делам. Когда социологи из азиатских стран сосредоточиваются на изучении локального общества, то это отнюдь не проявление интеллектуального национализма, но серьёзный научный поиск, вызванный динамичными социальными преобразованиями.

Последнее и самое важное заключается в том, что в большинстве своём японские социологи рассматривают Азию как нечто обособленное от Японии. Во времена Э. Судзуки и Т. Фукутакэ любое азиатское общество было развито слабее японского и характеризовалось многочисленным сельским населением. Поэтому естественным было в поисках того особенного, что невозможно в полной мере объяснить благодаря западной социологии, обращение к японскому селу в сравнении с азиатским. Однако по мере подъёма японской экономики молодое поколение японских социологов перестали интересоваться проблемами села, а заинтересовали проблемы города и национального общества. Уровень экономического развития Японии в период с 1950 по 1970 гг. вырос настолько сильно, что японские социологи, в отличие от антропологов и представителей политической экономии, утеряли всякий интерес к другим азиатским регионам, которые по-прежнему оставались целиком аграрными. По всем этим причинам тесных связей между японской социологией и азиатскими исследованиями не устанавливалось более трёх десятилетий.

Однако в начале 1980-х гг. японские социологи стали обращать внимание на Азию (табл. 3¹²). Бурное экономическое развитие азиатских стран стимулировало академический интерес японской социологии, следовавшей презумпции отставания неразвитой Азии от передовой Японии. Вышло в свет немало социологических монографий, авторами которых выступали отнюдь не профессиональные японские социологи, но специалисты по азиатским странам. Подъём Китая в конце 1990-х гг. ускорил конвергенцию социологии и азиатских исследований. Множество иностранных студентов, изучавших социологию в японских университетах, занялись социологическими исследованиями у себя на родине. Широкое распространение браков между гражданами Японии и других азиатских стран стимулировало развитие социологии семьи. Развитие японских инвестиций в зарубежные страны стимулировало изучение ценностей и поведения в азиатских обществах. Большое количество выходцев из азиатских стран поселилось в Японии, что заставило японскую социологию города обратиться к проблематике мультикультурализма.

Таблица 3

Социологические монографии, посвященные Азии, опубликованные в Японии в 1985–1992 гг.

Автор	Год опубликования	Объект изучения	Название монографии
Хироси Исида (Ishida)	1985	Тайвань	Социально-экономическая структура села тайваньских ханьцев
Сёго Кояно (Koyano)	1987	Таиланд, Индонезия	Исследование урбанизации в Юго-Восточной Азии
Ацуси Китахара (Kitahara)	1987	Таиланд	Структура и изменение тайского села
Коити Ниitsu (Niitsu)	1989	Таиланд, Индонезия, Филиппины, Турция	Трущобы в современной Азии
Масуо Кутива (Kuchiwa)	1990	Таиланд	Традиционная структура и её изменение в селе Дон Дэнь
Синаи Игикава (Ichikawa)	1991	Таиланд, Индонезия, Филиппины и др.	Анализ современной динамики китайцев в зарубежных странах Азии
Хироси Исида (Ishida)	1991	Китай	История и экономика китайского села
Хироаки Кани (Kani)	1991	Гонконг	Исследование Гонконга и его проблем
Мамору Сасаки (Sasaki)	1992	Китай	Общество и фольклорная культура современного Китая

Начиная с 1980-х гг. в Японии возникло несколько ассоциаций, занимающихся азиатскими исследованиями: в 1982 г. – Японо-китайское социологическое общество, в 1997 г. – Ассоциация изучения социального обеспечения в Азии, в 2006 г. – Сеть исследований социальной политики в восточной Азии. Они активно работают наряду с такими всеазиатскими организациями, как Ассоциация азиатской социологии села, образованная в 1992 г., Азиатская ассоциация социальной психологии (1995), Азиатско-тихоокеанская социологическая ассоциация (1996), Конференция социологов восточной Азии (2003), Азиатская ассоциация социальных исследований (2010). Ряды крупнейшей в Японии организации социологов – Японской социологической ассоциации – активно пополняются иностранными членами из стран Азии, растёт количество ее заседаний, посвящённых азиатским проблемам. Иными словами, в новом тысячелетии Азия превратилась для японских социологов в «значимого другого».

Однако, несмотря на конвергирующие тенденции между азиатскими исследованиями и социологией, отмечающиеся на протяжении последних лет, японские учебные пособия по социологии по-прежнему знакомят с западными классиками и современниками, по необходимости прибавляя к ним некоторых японских социологов, тем самым выдавая старомодный образ японского социологического мышления, который необходимо преодолевать.

Прежде всего, следует продвинуть локализацию социологии на шаг вперёд и создать такие новые теоретические конструкции, которые позволят лучше и полнее понимать японское общество. До тех пор, пока будет продолжаться оперирование конструктами, заимствованными из западной социологии без каких-либо изменений, в социологических учебниках азиатской социологии

не прибавит. Прорыв в японских социологических исследованиях возможен благодаря формулированию локализованных теоретических концепций. При этом избыток локализованных теоретических концепций, не связанных с остальным миром, низведёт интеллектуальные усилия на уровень региональных исследований. Спасение из этой «волчьей ямы» лежит на стратегическом пути компаративного социологического анализа азиатских обществ. В этой связи перед азиатскими социологами встает задача создания платформы для социологических исследований и выработки социологических оснований, стимулирующих социологическое воображение. Известно, что Э. Дюркгейм открыл интегрирующую функцию религии, сравнивая католиков и протестантов в Европе, а М. Вебер стремился отыскать социологические смыслы социальной жизни, сравнивая мировые религии.

Длительная дискуссия в азиатском социологическом сообществе опирается на общий архив данных, включающий исследование ценностей в Восточной Азии (2002–2005), «Азиатский барометр» (2003–2008), восточно-азиатский социальный опрос (начат в 2003 г. и продолжается по настоящее время), азиатско-тихоокеанское исследование ценностей (2005–2008), который закладывает фундамент для дальнейшего развития азиатской социологии с её самобытными концептуальными и теоретическими разработками.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что поколение сорокалетних и пятидесятилетних азиатских социологов испытали на себе существенное влияние со стороны США и смотрят на восточные общества через западные очки (в частности, дихотомия индивидуализм/коллективизм – типичный пример), а для подготовки нового поколения азиатских социологов требуется новая идейно-теоретическая платформа. Сравнение азиатских обществ с

Западом продолжает оставаться важным психологическим ограничением для азиатских социологов, однако уже начинают предприниматься серьёзные интеллектуальные усилия для преодоления этого ограничения. Например, сравнение Малайзии и Китая в аспекте восприятия кумовства¹³ могло бы положить начало движению в этом направлении.

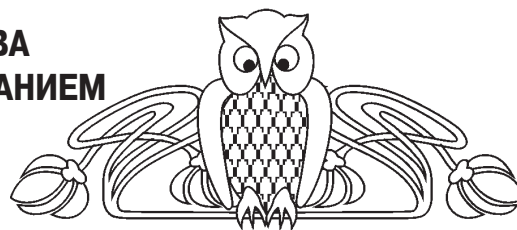
Примечания

- 1 См.: *Shinmei M.* Shakaigakushi Gaisetsu (Обзор истории социологии). Tokyo : Iwanami Shoten, 2007.
- 2 См.: *Kawai T.* Gendai Shakaigaku no Hatten (Развитие современной японской социологии). Tokyo : Koseisha-koseikaku, 2003 ; *Tominaga K.* Sengo Nihon no Shakaigaku (Социология в послевоенной Японии). Tokyo : University of Tokyo Press, 2004.
- 3 См.: *Kawamura N.* Nihon Shakaigakushi no Kenkyu (Исследование по истории японской социологии). Tokyo : Ningen-no-kagakusha, 1975. P. 28.
- 4 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia (Азия как поле) // Ajia kara Kangaeru (Размышления из Азии) / ed. by Hamashita T. et. al. Tokyo : University of Tokyo Press, 1993. P. 18.
- 5 *Suzuki E.* Suzuki Eitaro Chosakushu (Собрание сочинений Э. Судзуки). Tokyo : Miraisha, 1973. P. 89.

- 6 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia. P. 21.
- 7 *Takahashi A.* Fukutake Sensei no Noson Kenkyu niokeru Nihon to Chugoku (Япония и Китай в исследовании профессором Т. Фукутакэ сельского общества) // *Nicchu Shakaigakkai Kaiho* (Ежегодный бюллетень Японо-китайской социологической ассоциации), 1990. № 4. P. 49.
- 8 См.: *Fukutake T.* Fukutake Tadashi Chosakushu Bekkan : Shakaigaku 40 Nen (Собрание сочинений Тадаши Фукутакэ : К сорокалетию научной деятельности в социологии). Tokyo : University of Tokyo Press, 1976.
- 9 См.: *Lee M.* Kankoku no Shakaigaku (Социология в Кореи) // *Shakaigaku Hyoron* (Японское социологическое обозрение). 1962. № 2, iss. 13. P. 93–94.
- 10 *Kobayashi K.* Kasan Kinbun Sozoku no Bunka to Chugoku Noson Shakai (Культура равного разделения собственности и китайское сельское общество) // *Mamoru Chugoku no Ie, Mura, Kamigami* (Семья, село и божеества в Китае) / ed. by Lu Yao and Sasaki. Tokyo : Toho-shoten, 1990. P. 57.
- 11 См.: *Tominaga K.* Op. cit. P. 1–5.
- 12 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia. P. 24.
- 13 См.: *Sonoda S.* Chugoku kenkyu kara Nikaku kenkyu-e (От исследования Китая к компаративному исследованию) // *AsiaBarometer Project Series*. 2006. № 4. P. 14–18.

УДК 316.334.2

ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ И НЕРАВЕНСТВА В ГОРОДЕ И СЕЛЕ: ОЦЕНКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

В. Л. Шабанов

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: vic35@inbox.ru

В статье представлены оценки уровня жизни и неравенства на основе статистического анализа динамики плотностей распределения городских и сельских домашних хозяйств РФ по показателю среднедушевого денежного дохода и по показателю его соотношения с величиной прожиточного минимума.

Ключевые слова: домохозяйство, уровень жизни, неравенство, доход, прожиточный минимум, плотность распределения.

Dynamics of the Living Standard and Inequality in Urban and Rural Areas: Assessments with the Use of the Data from Household Budget Surveys

V. L. Shabanov

The paper presents assessments of the living standard and inequality on the basis of a statistical analysis of the dynamics of the densities of distribution of urban and rural households of the Russian Federation according to the average per capita money income and its relationship with the subsistence minimum.

Key words: household, living standard, inequality, income, subsistence minimum, density of distribution.

Уровень жизни — довольно сложная для определения категория. В советской науке чаще

употреблялся термин «благосостояние», которое определялось через потребности людей и способы их удовлетворения «в сфере труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической жизни»¹. В современной российской науке для характеристики благосостояния чаще употребляется нейтральный термин «уровень жизни», определение которого в качестве «меры удовлетворения основных жизненных потребностей»² предполагает операционализацию и математическую формализацию, позволяющую провести обоснованное количественное измерение.

Категория уровня жизни носит не только измерительный, но и сопоставительный характер. Для лучшего понимания и возможности оценки уровня жизни в терминах «низкий»—«высокий» необходимо проводить сравнение значений выбранных для его характеристики индикаторов во временном или пространственном аспектах, например, в разные периоды времени, между регионами, между различными группами населения.

Один из наиболее разработанных подходов к оценкам уровня жизни основан на анализе по-

казателей, характеризующих основные компоненты уровня жизни – прежде всего, доходов или других, ассоциированных с доходами, например, располагаемых ресурсов, расходов, заработной платы и т. п. В рамках подхода обычно группируются выбранные показатели, строятся динамические ряды и проводится их анализ соответствующими статистическими методами. Кроме того, вводится некоторая константа – социальный норматив, сопоставление с которым выбранных показателей уровня жизни позволяет дать его более обоснованные оценки. В качестве такого социального норматива чаще всего используется величина прожиточного минимума (ПМ), которая включает денежную оценку потребительской корзины – потребительского набора, содержащего минимально необходимое для физического и социального выживания количество продуктов питания, товаров и услуг, а также обязательные платежи и сборы. Оставаясь в натуральной форме постоянным, ПМ меняется в зависимости от изменения цен на соответствующие блага³.

К числу наиболее авторитетных научных центров, занимающихся исследованиями и оценками уровня жизни, относится Всероссийский центр уровня жизни (ОАО «ВЦУЖ», рук. В. Н. Бобков). Он проводит ежеквартальный мониторинг доходов и уровня жизни населения России, в рамках которого с использованием собственных методов отслеживаются показатели прожиточного минимума и соотношенные с ним основные виды доходов и расходов, показатели дифференциации и т.д. Все отслеживаемые ВЦУЖ показатели анализируются в разрезе федеральных округов; разрез по типу местности (город-село) не предусмотрен⁴.

Применительно к сельскому населению анализ уровня жизни, занятости, демографической ситуации и т.д. проводится в рамках ежегодного мониторинга социально-трудовой сферы села под эгидой Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН. Мониторинг основывается на статистических данных Росстата и материалах обследований почти 6 тыс. сельских домашних хозяйств методом формализованного индивидуального интервью с наиболее осведомленным лицом. По его результатам Центром всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села ВНИИЭСХ (рук. Л. В. Бондаренко) ежегодно публикуется доклад⁵.

Исследования уровня жизни включают в себя в качестве составной части анализ неравенства. Обычно выделяют два его типа – социально-экономический и по степени доступа к благам. Для формализации второго нет общепринятых методов, но в качестве источника данных весьма эффективны бюджеты времени и показатели, косвенным образом характеризующие доступ к благу (наличие школы в сельском поселении как показатель доступности начального образования, уровень заболеваемости в группе

населения как показатель доступности для нее медицинских услуг и т.п.)⁶.

Формализация первого типа неравенства, состоящего в оценивании социально-экономической дифференциации населения или степени его расслоения, хорошо разработана. Она состоит в том, что выбирается один из показателей, считающийся наиболее агрегированным выражением благосостояния (чаще всего в качестве такового берется среднедушевой денежный доход), и по отношению к нему рассчитываются различные индикаторы неравенства. Среди общепринятых следует назвать используемые Росстатом коэффициент фондов (децильный или дифференциации доходов) и индекс Джини (концентрации доходов). Они строятся на основе вариационного ряда среднедушевого денежного дохода (т. е. на основе последовательности упорядоченных по возрастанию значений дохода с указанием частоты встречаемости каждого значения). Коэффициент фондов «характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами». Индекс Джини «характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина индекса может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше его значение, тем более неравномерно распределены доходы в обществе»⁷.

Источниками данных для исследований уровня жизни, проводимых российскими учеными, чаще всего являются статистические материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS) и бюджетные обследования домашних хозяйств Росстата. Представленное ниже исследование базируется на использовании как агрегированных, так и похозяйственных данных бюджетных обследований Росстата. Агрегированные данные ежегодно публикуются в бюллетене «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств», данные по домохозяйствам (похозяйственные данные) доступны на сайте <http://www.micro-data.ru>.

Необходимо отметить, что в официальных публикациях Росстата приводится весьма ограниченное количество показателей в разрезе «город – село»; показатель доходов в их число не входит. Современная методология статистических наблюдений, используемая Росстатом, определяет макроэкономический показатель дохода в системе национальных счетов; он исчисляется как общая сумма денежных средств, выплаченная участникам производства, и включает «доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату наемных работников, социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и др.»⁸.

Таким образом, макроэкономический подход в определении дохода исключает возможность его расчета по отдельности для города и для села.

Единственным источником по доходам сельских жителей являются материалы бюджетных обследований, в которых денежный доход «исчисляется как сумма денежных расходов и прироста (уменьшения) финансовых активов в период обследования... Показатель денежного дохода домохозяйств трактуется как объем денежных средств (без привлечения ранее накопленных или заемных), которыми располагали домохозяйства для обеспечения своих расходов и создания сбережений без привлечения ранее накопленных или заемных средств в период обследования»⁹.

Итак, макроэкономический подход к доходу как к сумме доходов, получаемых из всевозможных источников, и микроэкономический подход к доходу как к сумме расходов, сделанных за отслеживаемый период без учета расходов ранее накопленных средств, различаются на концептуальном уровне. Это приводит к несоответствию получаемых данных: размер среднедушевого денежного дохода как составной части располагаемых ресурсов, рассчитанных в рамках бюджетных обследований, составляет 60–70% от размера денежного дохода как макроэкономического показателя, рассчитанного в системе национальных счетов. Для исследования уровня жизни предпочтительнее подход, принятый в бюджетных обследованиях, так как он дает представление о реальных возможностях домохозяйства, а не гипотетических, определяемых имеющейся в его распоряжении суммой денег, кроме того, он позволяет провести территориальный разрез выборки, выделив в ней отдельно городское и сельское население.

Снижение уровня жизни было неизбежной платой за переход к рыночной экономике и являлось социальной издержкой системных реформ. Особенно существенным снижением уровня жизни

было в сельской местности¹⁰. С начала 1990-х и до середины 2000-х гг. отношение денежных доходов сельского и городского населения (в расчете на члена домохозяйства) колебалось в пределах 45–50%. С 2005 г. доходы сельского населения России увеличиваются быстрее, чем городского: в 2005 г. они составляли 49% от доходов горожан, в 2009 г. – 56%, в 2011 г. – 61% (рис. 1).

Наличие похозяйственных данных за 2003–2009 гг. позволяет построить интервальные распределения путем группировки исходных данных по правилам математической статистики и провести более подробный анализ динамики уровня жизни. При этом частоты значений вариационного ряда, попавшие в некоторый интервал, суммируются, их сумма становится новым значением частоты, и это значение идентифицируется со средним значением дохода на интервале. Полученная таким образом функция является *эмпирической плотностью распределения*¹¹.

На рис. 2 представлены кривые эмпирической плотности распределения городского, сельского и всего населения Российской Федерации по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003–2009 гг. Графики демонстрируют явные различия в уровне дохода: его модальное значение (наиболее часто встречающееся) в селе ниже, чем в городе; сельская кривая сдвинута влево, в сторону меньших доходов. Тем не менее, хотя распределение селян расположено левее, чем горожан, оно все же не образует отдельного пика на их совместном распределении. Небольшие локальные пики, заметные в хвосте совместного распределения, полностью объясняются неоднородностью городского социума, что является отражением большего уровня неравенства в городе по сравнению с селом и наличием в городе сложившихся социальных групп, отличающихся высоким уровнем жизни.

На рис. 3 представлены те же кривые, что и на рис. 2, но сгруппированные таким образом,

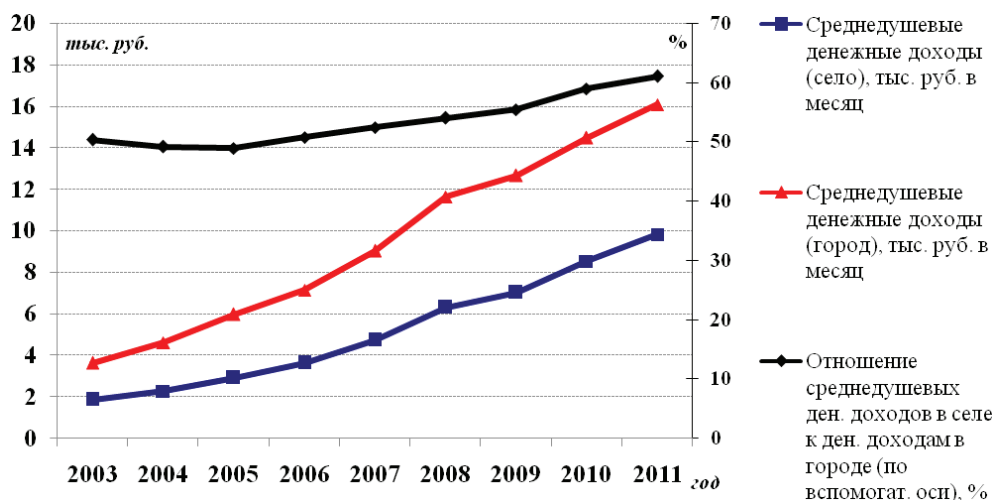

Рис. 1. Динамика среднедушевых денежных доходов в городе и селе в 2003–2011 гг.

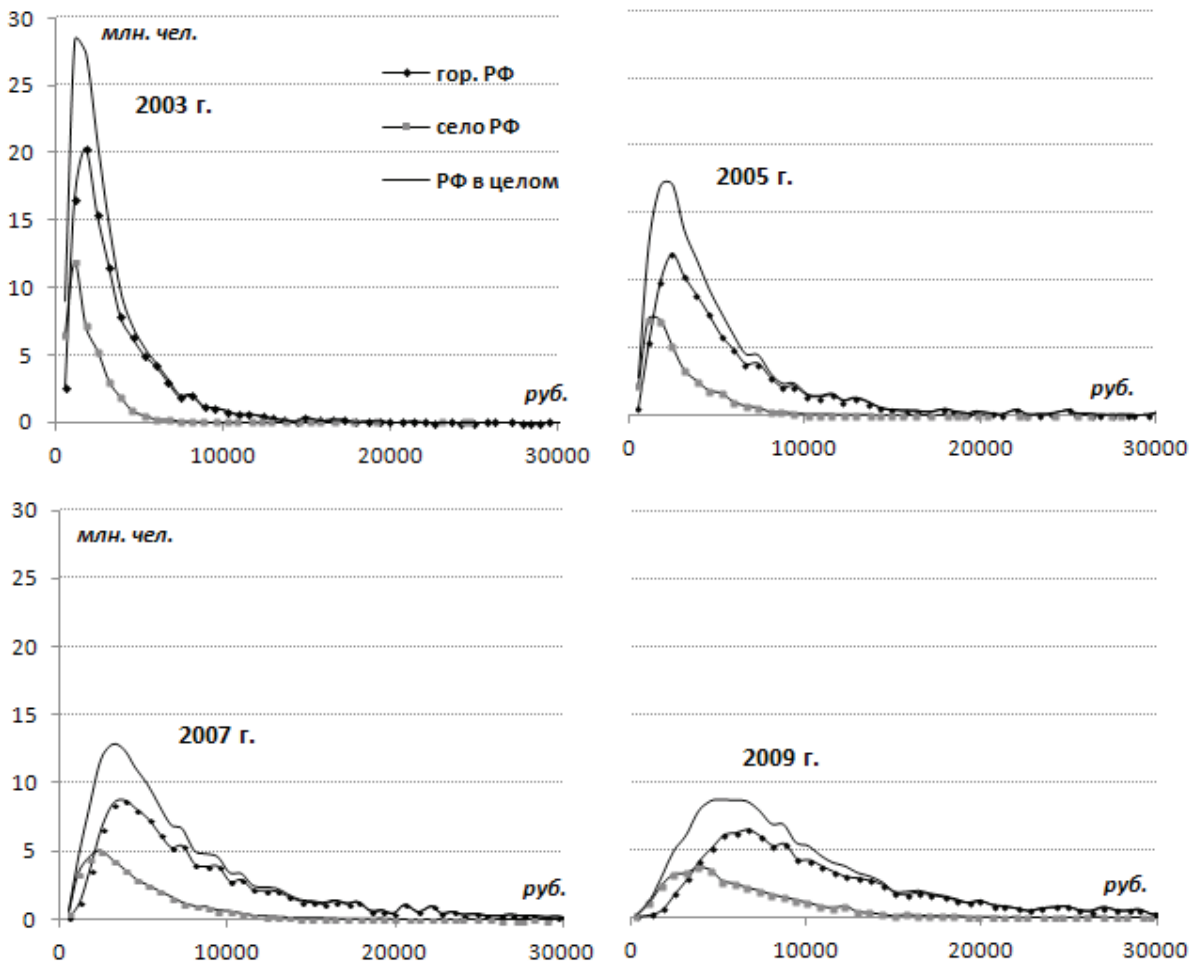

Рис. 2. Плотность распределения городского, сельского и всего населения Российской Федерации по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003–2009 гг.

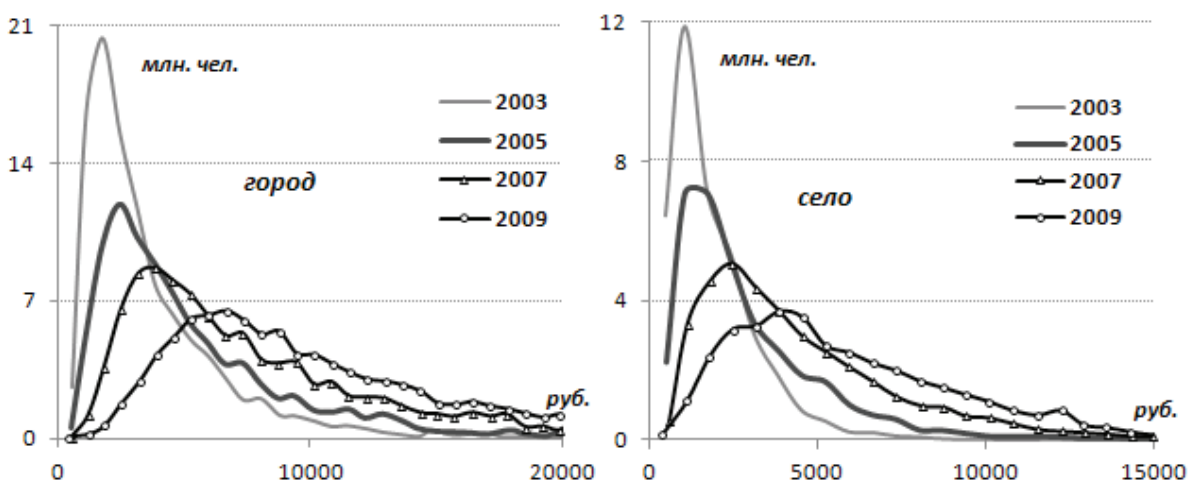

Рис. 3. Динамика эмпирических плотностей распределения городского и сельского населения по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003–2009 гг.

чтобы облегчить визуальный анализ их годовой динамики.

Визуальный анализ показывает, что кривые доходов как по городу, так и по селу с течением времени становятся более пологими и сдвигаются вправо. Происходит перенос вершины распределения вправо-вниз с одновременным поднятием хвоста распределения. Фактически это означает общий рост доходов, в значительной мере определяемый их ростом у наиболее многочисленной группы домохозяйств, расположенных в модальном интервале. Благодаря росту доходов в этой группе мода (абсцисса вершины) распределения смещается вправо. При этом некоторая часть домохозяйств из модального интервала увеличивает свои доходы быстрее, и это способствует уменьшению высоты сместившейся вправо вершины и поднятию хвоста. Распределение как бы растекается, «расползается» вдоль оси дохода.

Динамика, при которой распределения с течением времени «расползаются», а их вершины

смещаются вправо по оси доходов, представляется наиболее естественной, учитывая, что в реальной жизни всегда происходит общий рост *номинальных* доходов, отражая либо рост уровня жизни, либо опережающий рост инфляции. Простое «расползание» графика, без его смещения вправо, означало бы одновременный рост номинальных доходов и неравенства. «Расползание со смещением» отражает ситуацию роста номинальных доходов и необязательно – роста неравенства. Формальные оценки доходов и неравенства приведены в таблице, из которых видно, что рост номинальных доходов в 2003–2005 гг. сопровождался ростом, а в 2007–2009 гг. – сокращением неравенства. Это означает, что в 2003–2005 гг. номинальные доходы семей из высокодоходных групп росли быстрее, чем семей из низкодоходных групп: богатые становились богаче, бедные – беднее. Затем тенденция изменилась: доходы бедных стали расти быстрее, а рост доходов богатых затормозился.

Динамика денежного дохода и некоторых показателей неравенства по городской и сельской местности в 2003–2009 гг.

Годы	Среднедушевой денежной доход, руб. в месяц		Коэффициент фондов		Индекс Джини	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
2003	3638	1868	13,6	13,9	0,411	0,392
2005	5770	2890	14,9	13,7	0,423	0,398
2007	9017	4717	14,0	13,5	0,418	0,393
2009	12209	6780	13,1	12,7	0,401	0,375

Заметим, что неравенство в сельской местности практически всегда – и в периоды роста, и в периоды сокращения – было ниже, чем в городе: индекс Джини, вплотную приблизившись к «психологическому» уровню 0,4 в 2005 г., так и не преодолел его, отступив в дальнейшем. Уровни благосостояния самых богатых и самых бедных в селе ближе, чем в городе (за исключением 2003 г.). В целом, однако, разница в степени неравенства селян и горожан весьма незначительна, хотя и стабильна. Разница в доходах гораздо существеннее, хотя и сокращается в последние годы: за период 2003–2009 гг. доходы горожан выросли в 3,36, селян – в 3,63 раза.

Чтобы оценить качество роста номинального дохода – выяснить, действительно ли он отражает рост уровня жизни или инфляционный рост поглощает его, необходимо сопоставление дохода с величиной ПМ. Подобное сопоставление позволяет снизить влияние инфляции, меняющей покупательную способность денег, и демонстрирует реальную динамику уровня жизни.

Так как размеры ПМ сильно различаются по регионам РФ, то для получения показателя *реального* дохода значения среднедушевого дохода по каждому домохозяйству были поделены на соответствующую региональную (а не на среднюю по РФ, как это делается в агрегированных

показателях Росстата) величину ПМ, взятую за IV квартал рассматриваемого года.

На рис. 4 представлена плотность распределения городского и сельского населения по показателю среднедушевых денежных доходов, соотношенным с величиной ПМ. По оси абсцисс откладывается показатель *реального* среднедушевого дохода, выраженного в «количестве величин ПМ»; в такой форме он корректнее оценивает уровень жизни, чем номинальный доход. Для удобства визуализации на графиках проведена вертикальная прямая, соответствующая уровню среднедушевых доходов в один ПМ.

Очевидно, кривые на рис. 4, по сути, аналогичны кривым на рис. 3: среднедушевые денежные доходы, сформировавшие кривые на рис. 3, были поделены на величину прожиточного минимума – свою для каждого региона. Такая нормировка данных привела к существенным изменениям как формы, так и годовой динамики кривых: высота вершины с течением времени меняется незначительно и не всегда в сторону уменьшения (например, по городу в 2009 г., по селу в 2007 г.); заметного сдвига кривых вправо, за редким исключением, не наблюдается. Подобная динамика свидетельствует о том, что *реальные* доходы и вместе с ними уровень жизни выросли не так значительно, как номинальные

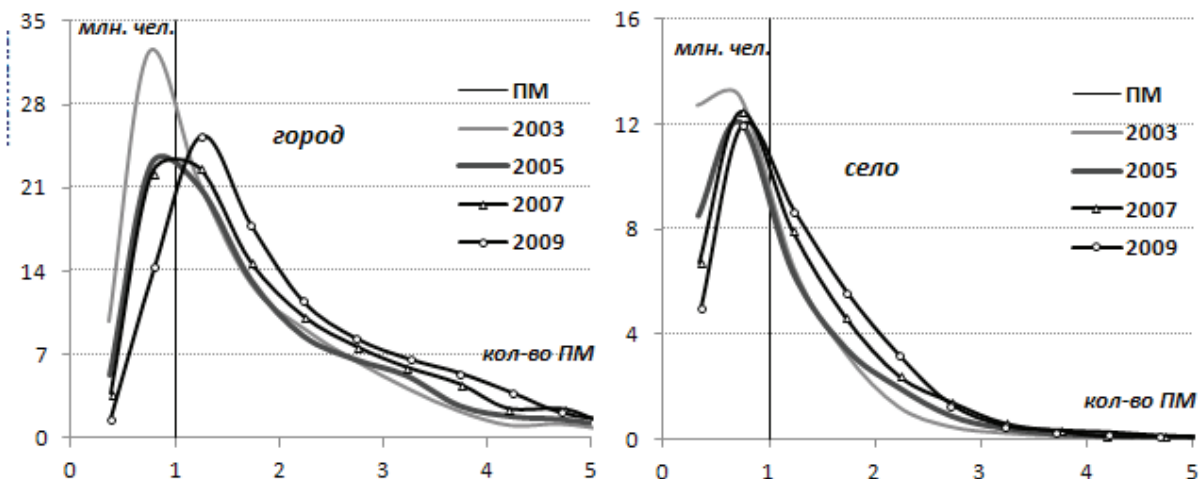

Рис. 4. Динамика плотностей распределения городского и сельского населения РФ по показателю соотношения среднедушевого месячного денежного дохода и ПМ

доходы (за 2003–2009 гг. в среднем в 1,42 раза у горожан и в 1,47 раза у селян). При этом по сельской местности общая динамика в целом более медленная, чем в городе: наиболее многочисленная группа сельских домохозяйств практически не увеличивает свои реальные доходы, и ее численность почти не меняется.

В то же время тенденция сокращения численности крайне бедных и по городу, и по селу также проявляется при анализе как номинальных, так и реальных доходов (см. поведение крайних левых точек на графиках: они в каждый последующий год становятся ниже, рис. 3 и 4). Очевидно, часть крайне бедных переходит в группы более высокой доходности (см. поведение хвостов распределений: они с течением времени становятся выше, см. рис. 3 и 4).

Итак, показатели среднедушевого денежного дохода и его соотношения с величиной прожиточного минимума (соответственно номинального и реального дохода) эффективны для оценок уровня жизни. Проведенный анализ на их основе привел к следующим выводам:

– реальный и номинальный доходы растут. При этом первый растет быстрее, чем второй, и оба вида доходов сельского населения растут быстрее, чем городского;

– неравенство и в городе, и в селе очень значительно. При этом неравенство городского населения несколько выше, чем сельского;

– разница в уровне доходов и неравенства не приводит к распаду социума: совместное распределение городского и сельского населения полностью «поглощает» их отдельные распределения.

Примечания

¹ Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни / под ред. Н. П. Федоренко и Н. М. Римашевской. М., 1986. С. 34.

² Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 1997. С. 351, 145. См. также: Жеребин В. М., Ермакова Н. А. Уровень жизни населения – как он понимается сегодня? // Вопр. статистики. 2000. № 8. С. 3–11.

³ См.: Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 210–211.

⁴ См., например, один из таких отчетов: Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России : июль-сентябрь 2012 года // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 12. С. 3–108.

⁵ См.: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 1999–2012 гг. (вып. 1–14). М., 2000–2013.

⁶ См.: Кочетов А. Н. Профессиональное образование и рынок труда // Социс. 2011, № 5. С. 82–90; Шабанов В. Л. Оценки качества жизни сельского населения с использованием статистики бюджетов времени // Региональные агросистемы : экономика, социология. 2011. Вып. 2. URL: <http://iagpran.ru/datas/users/73a18dfced8bc486e6809fd39a414add.pdf> (дата обращения: 15.09.2013); Ильинская Е. В., Рубцова В. Н., Шабанов В. Л. Приоритетные направления развития сельского здравоохранения Саратовской области // Агропродовольственный комплекс региона в условиях глобализации / под ред. И. Ф. Сухановой. Саратов, 2013. С. 372–382; Нагимова А. М. Теоретические подходы к исследованию проблемы качества жизни // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 3–6.

⁷ Российский статистический ежегодник. С. 211.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2011 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : сб. ст. / Росстат. М., 2012. С. 11.

¹⁰ См.: Самсонов В. Б., Шабанов В. Л. Самоорганизация сельского домохозяйства // Социс. 1999. № 3. С. 46–51.

¹¹ См.: Рабочая книга социолога / под ред. Г. В. Осипова. М., 1983. С. 103–105.

УДК 331.105.44

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

М. М. Сунарчина

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
E-mail aniram.m@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы социально-экономического назначения и роль российских профсоюзов в современных условиях, а также анализируются различные позиции ученых относительно места и роли профсоюзов в условиях рыночных преобразований.

Ключевые слова: профсоюзы, экономическая социология, социальный институт, социальное партнерство, система социальной защиты, социально-трудовые отношения.

Social-economic Purpose and Role of Trade Unions in Market Economy

М. М. Sunarchina

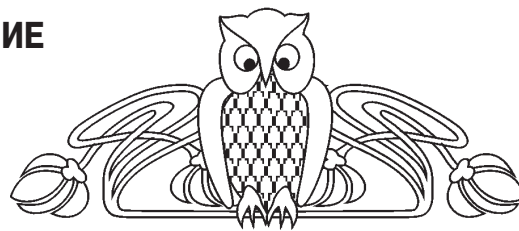
In article actual problems of social and economic purpose and a role of the Russian trade unions in modern conditions are considered, as well as various positions of scientists concerning seat and roles of trade unions in conditions of market transformations are analyzed.

Key words: Trade unions, economic sociology, social institute, social partnership, system of social protection, sociolabor attitudes.

Издержки и сложности неолиберальных реформ, проводимых более тридцати лет, традиционно ложатся на плечи простых работников, существенно ухудшая социально-экономические показатели их жизнедеятельности, усугубляя трудовые, демографические, национально-этнические и духовно-нравственные проблемы. В этих условиях актуализация роли профсоюзов как института социальной защиты работников становится крайне востребованной обществом в роли важнейшего социального партнера государственных и предпринимательских структур в регулировании социально-трудовых отношений и формировании социально ориентированной рыночной экономики.

В современной научной литературе сегодня широко обсуждаются социологические и экономические аспекты деятельности функционирования российских профсоюзов, в частности, проблемы становления профсоюзов как института социальной защиты работников. Роль и социальное назначение профсоюзов рассматриваются в рамках социологии профсоюзного движения – одного из важнейших направлений экономической социологии.

В этой связи социологи, например, изучают роль профсоюзов как социального института, института гражданского общества и системы со-

циальной защиты работников, института социального партнерства и регулирования социально-трудовых отношений. Кроме того, социологи исследуют роль профсоюзов в преодолении и разрешении трудовых конфликтов на производстве между работниками и работодателями посредством коллективно-договорной практики, в которых коллективные договоры между профсоюзами и работодателями представляют собой «институты ведения переговоров и сглаживания разногласий между работодателями и наемными работниками»¹.

В этой связи заслуживает внимание суждение Э. Гидденса о том, что профсоюзы выступают как «средство устранения дисбаланса власти между рабочими и работодателями. Если отдельный рабочий сам по себе почти не имел влияния, то с помощью коллективной организации это влияние возрастало. Предприниматель может обойтись без конкретного рабочего, но без труда всех или большинства он не обойдется»².

Экономисты в своих исследованиях, касающихся профсоюзов, в основном рассматривают их, как одного из объективно существующих факторов в рыночной экономике, в качестве представителя и защитника социально-трудовых интересов наемных работников. Профсоюзы, по их мнению, являются частью «распределительных коалиций», которые ограничивают свободное ценообразование на рынке труда, способствуя искусственному сдерживанию численности рабочего класса, что порой является причиной нерационального распределения трудовых ресурсов или даже тормозом для внедрения новых технологий и инноваций в производство. Некоторые ученые неолиберальной ориентации полагают, что увеличение зарплаты членов профсоюза по сравнению с не членами профсоюзов может приводить к снижению эффективности экономики и иметь негативные последствия для всего общества³, служить препятствием развитию свободных рыночных отношений и росту экономики в целом.

Будет справедливым отметить, что экономисты подчеркивают такие позитивные аспекты, как «эффект шока» и сокращение «текучести кадров» в управлении производством, которое способствует развитию неорганизованного обучения и формированию дополнительных («со-

циальных») стимулов и возможностей для мобилизации «трудового потенциала корпораций и эффективного управления корпоративной культурой»⁴.

Однако сегодня, на наш взгляд, совершенно недостаточно работ, изучающих роль и место профсоюзов в системе социальной защиты работников как социального института, позволяющего оказывать «уравновешивающее» и «позитивное» влияние на социально-трудовые отношения в условиях радикальных неолиберальных реформ.

Немногочисленные экономико-социологические исследования современных ученых в основном касаются в двух главных направлений: первое – исследует роль и место профсоюзов как социального института в системе социально-трудовых отношений; второе – изучает участие профсоюзов в системе социального партнерства. Сегодня получило свое развитие и третье направление, которое связано с рассмотрением роли профсоюзов как института системы социальной защиты работников.

Что касается западных исследователей, то роль профсоюзов они рассматривают в рамках концепции индустриальных отношений, основную проблему которых они видят в снижении мотивации профсоюзного членства, что, несомненно, снижает степень охвата работников профсоюзным движением. Что касается экономики труда, то профсоюзное членство ими рассматривается как соблюдение баланса «спроса–предложения», а юнионизация работников в основном представляется как реализация материальных выгод от членства в профсоюзе и др.

В условиях радикальных российских перемен, кардинально изменивших систему регулирования социально-трудовых отношений и социальной защиты работников, возникает настоятельная необходимость реформирования профсоюзов как социального института, призванного быть равноправным участником и активной стороной в организации справедливого распределения дохода между трудом и капиталом, обеспечивая важнейшую норму Конституции РФ (ст. 7) о социальном государстве, цель которого – обеспечение достойной жизни и свободное развитие человеку труда⁵.

Однако анализ проблем осуществления социальной защиты профсоюзами трудовых прав и интересов наемных работников показывает, что, несмотря на наличие соответствующих прав и достаточно высокий уровень членства, они практически не оказывают регулирующего воздействия на социально-трудовые отношения между наемными работниками и работодателями. Причиной является несоответствие применяемых профсоюзами форм, методов и содержания их деятельности современным условиям, что тормозит процессы развития системы социальной защиты работников и его важнейшего механиз-

ма – социального партнерства, а в целом формирование социально ориентированной рыночной экономики в России.

В этих условиях социально-экономическим назначением российских профсоюзов должна стать эффективная борьба по недопущению снижения достигнутого уровня социально-трудовых прав работников, которая гарантируется Конституцией России. Совершенно справедливо замечает руководитель российского профсоюзного движения М. Шмаков, что сегодня имеются попытки бизнес-структур «под дымовой завесой пышной риторики о “модернизации”, “инновациях”, “свободе выбора” и “низкой производительности труда российских работников” вернуть трудящихся к уровню социальных прав середины XIX века»⁶.

В этой связи первостепенное значение в модернизационном развитии страны должно принадлежать социальному государству. Сегодня в мире большинством экономистов и практиков общепризнано, что государственное регулирование в тех или иных формах и масштабах является необходимостью и закономерностью социальной рыночной экономики. При этом профсоюзы как институт социальной защиты прав и интересов наемных работников являются одним из главных элементов рыночной экономики. Об их объективной необходимости свидетельствует плодотворная деятельность профессиональных союзов в таких высокоразвитых странах, как Швеция, Норвегия, Австрия, США, Канада, Германия, Италия.

Российские профсоюзы, несмотря на определенные позитивные перемены в их деятельности, сегодня пока не являются реальной и авторитетной общественной силой, доказательством чему могут служить многочисленные показатели социологических опросов, демонстрирующие недоверие к профсоюзам, и в первую очередь к ФНПР. При этом важно подчеркнуть, что официальные профсоюзы как один из многих социальных институтов действуют в масштабах всего общества, осуществляя защиту интересов работников на разных уровнях, например, при принятии социально-трудовых решений на предприятии, представляя работников на консультациях по выработке правительственной политики, принимая участие в реализации общенациональной и региональной политики через своих делегатов, представляя интересы наемных работников в виде механизмов и процедур социального партнерства. Так, их участие в социальном партнерстве регламентировано Трудовым кодексом РФ, федеральными законами «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г., «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» от 1 мая 1999 г.⁷ и другими нормативно-правовыми документами.

Однако и здесь слабость профсоюзов как института социальной защиты работников об-

условливает низкий уровень коллективно-договорных отношений, что, в свою очередь, тормозит становление новой системы социально-трудовых отношений и системы социального партнерства. В этих условиях особенно важно, чтобы государство, осуществляя социальную политику, осознавало необходимость профсоюзов как социального института в качестве важнейшего элемента системы сдержек и противовесов, стоящих на страже прав и интересов работников в целях формирования социально ориентированной рыночной экономики.

Примечания

- ¹ Баишмаков В. И., Санатулов Ш. З. Профсоюзы как социальный институт. М., 2001. С. 40.
- ² Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 199.
- ³ См.: Макконелл К Р., Брю С. Л. Экономикс. М., 1999 ;

УДК 316.346.3

ВОЗМОЖНОСТИ КАРЬЕРНОГО РОСТА ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ж. В. Петрова

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А.
E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Статья посвящена анализу доступности карьерного роста в ситуации перехода к пенсионному статусу по возрасту. Исследуется позиционирование представителей третьего возраста в отношении возможностей и перспектив карьерного роста.

Ключевые слова: пожилой возраст, социальный статус, карьера.

Career Opportunities for Representatives of the Old Age: Realities and Prospects

G. V. Petrova

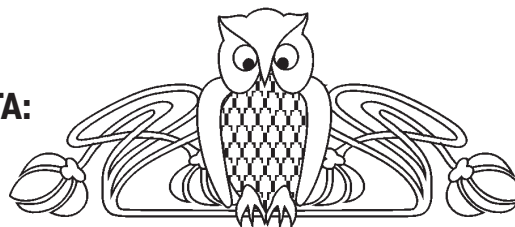
The article is devoted to analysis of the availability of career growth in a situation of transition to retirement-age status. Examines the positioning of the old age in respect of opportunities and career prospects.

Key words: old age, social status, career.

Неуклонный рост количества пожилых граждан в России становится все более значимым фактором. Одним из закономерных последствий данного процесса становится рост потребности граждан третьего возраста в реализации своих социальных, профессиональных и творческих возможностей. Доминирующая в российской практике стратегия выхода на пенсию по достижении пенсионного возраста формирует

Нуреев Д. М. Основы экономической теории : Микроэкономика : учебник. М., 1996 ; Самуэльсон П. А., Нордхауз В. Д. Экономика. М., 1997.

- ⁴ См.: Петров А. В. «Глобализация» экономики: социальные и политические аспекты. СПб., 2009.
- ⁵ См.: Конституция Российской Федерации (принята референдумом 12.12.93) (ред. от 30.12.2008). URL: www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm (дата обращения: 14.05.2014).
- ⁶ Ученые против посягательств на социально-трудовые интересы граждан России // Труд и социальные отношения : Научный журнал АТиСО. 2010. № 11 (77). С. 8.
- ⁷ См.: О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности : федер. закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18, ст. 2218 ; О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений : федер. закон от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ // Рос. газ. 1999. 12 мая.

у граждан пассивную позицию, дискомфортное состояние зависимости от государства и близких родственников.

Основными технологиями в настоящее время являются государственные технологии социальной защиты пожилых людей – пенсионное обеспечение, социальная помощь. Однако этого недостаточно. Приоритетным направлением должна стать организация жизненной среды пожилых людей, осуществляемая таким образом, чтобы у данной категории граждан всегда была возможность взаимодействия с этой средой. Свобода выбора, реализация собственных возможностей будут способствовать обеспечению ощущения защищенности, уверенности в завтрашнем дне. Современные исследования показывают, что появление новой значимой деятельности в жизни человека, расширение границ профессиональных интересов, перспективы дальнейшего профессионального развития значительно повышают уровень социально-психологической адаптации к новому периоду жизни человека.

Продуктивной, на наш взгляд, является концепция интегрированной старости, основанная на признании сохранения активного жизненного стиля во всех сферах деятельности человека во все периоды его жизни. Она подразумевает возможности и необходимость для человека любого возраста обновлять, дополнять и применять ранее приобретенные знания и умения, постоянно

расширять свой кругозор, повышать культурный уровень, развивать способности, получать новые специальности и совершенствоваться в них, продвигаясь вверх по карьерной лестнице, успешно реализуясь в той или иной области (общественной, служебной, промышленной, научной и т. д.) профессиональной деятельности.

Процесс выстраивания индивидуальной карьеры является одним из наиболее длительных этапов жизни человека, так как достижения человека в той или иной сфере жизнедеятельности зависят от соответствия между его личностью и характером его работы, а также от совместимости личностных ожиданий в области карьеры с возможностями организации. Термин «служебная карьера» можно трактовать и в широком, и в узком смысле. В широком понимании карьера – это профессиональный прогресс, профессиональный рост, этапы продвижения служащего к высшей ступени профессионализма. Логичным завершением успешной карьеры является высокий профессионализм работника, признанный руководителем организации. Разумеется, что в течение всей трудовой деятельности человека оценка профессионализма может варьироваться. В узком понимании карьера – продвижение по служебной лестнице, занятие особого статуса в своей профессиональной сфере. В этом случае карьера – это желанный путь наверх, осознано выбранный работник для получения неких моральных бонусов в виде самоутверждения и получения удовольствия от любимой работы. Это и является главным мотивом движения к определенному статусу (социальному, должностному, квалификационному). Рассматривая карьерный рост как один из критериев стратификации, можно дать определение карьеры и с точки зрения ее как мобильного движения работника в сторону улучшения способа жизни, предоставляющего ему стабильность в социальном потоке бытия. Карьера – это процесс получения жизненно важных ценностей, благ, признательности в обществе и на рабочем месте.

На карьерный рост оказывают значительное влияние следующие критерии:

- 1) должностные ступени, уровни иерархии;
- 2) ступени квалификационной лестницы и связанные с ней разряды, дифференцирующие навыки и знания;
- 3) статусные ранги, отражающие вклад сотрудника в развитие организации (выслуга лет, рациональные предложения и т. п.);
- 4) ступени власти как степени влияния в организации (участие при принятии важных решений, близость к руководству);
- 5) уровни материального дохода (уровень зарплаты и разнообразие социальных льгот).

Карьера – это профессиональный рост человека, увеличение его влияния, авторитета, статуса в окружающей среде, проявляющийся в его продвижении по ступеням должностной, квали-

фикационной, материальной и социальной лестницы. Сложность в достижении пика карьеры обуславливается множеством причин, зависящих от личностных качеств индивида, делающего карьеру, сферы профессиональной деятельности, в которой формируется карьера, а также от специфики общества, в котором функционируют человек и организация. Одним из факторов, оказывающих влияние на направление вектора карьеры, является возраст.

Об этом свидетельствуют результаты проведенного авторского социологического исследования. Методом сбора данных выступило глубинное полужформализованное интервью с представителями пенсионного возраста. Было проинтервьюировано 27 респондентов, представляющих предприятия различных форм собственности г. Саратова и г. Энгельса. Возраст респондентов варьировал от 55 до 65 лет. Целью проведенного исследования было выявление позиционирования сотрудников третьего возраста в отношении определения их профессионального статуса и возможных перспектив карьерного роста после достижения пенсионного порога.

Результаты исследования позволяют выделить следующие позиции респондентов в отношении их карьерных возможностей и перспектив.

1. «Нисходящая карьера». Респонденты, отнесенные к данной категории, считают, что с приближением пенсионного возраста карьера приобретает нисходящее направление. При этом практически все представители этой группы подчеркнули, что их профессиональные возможности значительно сузились по причине смены места работы и должности; сферы занятости и повторного трудоустройства определялись доступностью вакансий во вторичном, малооплачиваемом секторе рынка труда.

2. «Относительная стабильность». Респонденты, занимающие данную позицию, сохраняют прежние рабочие места и должности вследствие того, что проработали на них много лет, стояли у истоков становления предприятия. Они допускают возможность сохранения достигнутого профессионального статуса после достижения пенсионного возраста, тем не менее, констатируя неустойчивость своего должностного положения и неуверенность в дальнейших возможностях карьерного роста.

3. «Расцвет профессиональных возможностей». Респонденты, отнесенные к данной группе, говорят о возможном карьерном росте и расширении своих профессиональных возможностей, повышении профессионального статуса после достижения пенсионного возраста.

Для более детального анализа обратимся к фрагментам нескольких интервью. Респонденты, отнесенные к первой категории, констатировали резкое изменение социального и профессионального статуса после достижения пенсионного

возраста. Нисходящую траекторию в профессиональной деятельности наглядно демонстрирует следующий фрагмент интервью:

«Я двадцать лет заведовала ювелирным отделом в одном из крупных магазинов города, удержалась и пережила даже нелегкие перестроечные времена, чуть позже была другая, но тоже руководящая должность в одном из коммерческих предприятий... Но все это закончилось, как только мне исполнилось 55 лет. В один момент я потеряла все: должность, работу, достаток. А сейчас, в 58 лет, вынуждена работать вахтером: выдавать ключи, да делать ночные обходы... еще пять лет назад я и подумать о таком не могла... Иногда встречаю бывших покупателей, которые до сих пор меня помнят..., но о нынешнем месте работы стараюсь не говорить... больно становится» (Женщина, 58 лет, сотрудник кондитерской фабрики).

Приведенное высказывание свидетельствует о резком изменении социального и профессионального статуса после пересечения пенсионного порога. Этот период характеризуется кризисом карьеры, и такие люди все меньше получают удовлетворение от работы и испытывают состояние психологического и физиологического дискомфорта. В большинстве случаев для данной категории граждан возможности дальнейшего карьерного роста оказываются закрытыми, а доступным становится лишь вторичный сектор рынка труда, который составляют низкооплачиваемые, временные, нестабильные рабочие вакансии.

Как пример можно привести и следующее высказывание респондента.

«Стаж моей работы – 35 лет. Из них 23 года я проработала заместителем директора мебельной фабрики. Очень долго шла к этой должности, посвятила ей много лет. И надеялась, что и после выхода на пенсию сохраню свое “рабочее место”. Но руководство распорядилось иначе. Мне предложили должность рядового бухгалтера, аргументировав свое решение тем, что я должна быть “посвободнее”. Я вынуждена была согласиться... Хорошо, что хоть продолжать работать здесь разрешили. А на мое место тут же приняли молодого юношу» (Женщина, 56 лет, сотрудник мебельной фабрики).

Данный фрагмент интервью фиксирует наличие дискриминационной кадровой политики руководства, имеющей место во многих коммерческих и бюджетных организациях, согласно которой сотрудникам, достигшим пенсионного возраста, «принято» освобождать рабочие места, уступая дорогу молодым работникам.

Респонденты, относящиеся ко второй категории, констатируют, что сохраняют свои должностные позиции, даже несмотря на достижение ими пенсионного возраста. Это высококвалифицированные специалисты, профессионалы в различных областях.

Приведем фрагмент следующего интервью.

«В этом году мне исполнится 64 года. И, тем не менее, я на посту. Силы пока есть и я готов продолжать работать, но есть традиции, в соответствии с которыми нужно вовремя уходить. Не принято быть пожилым руководителем! И никому не важно то, что ты стоял у истоков основания предприятия... Поэтому как дальше будет, пока не знаю... время покажет» (Мужчина, 64 года, директор завода).

Или параллельный пример следующего интервью.

«Стаж моего руководства данным учреждением более 20 лет. Мы словно зрели и старелись вместе с ним. Старелись... это не случайно. Несмотря на то, что я являюсь ярким сторонником инноваций, постоянно активно внедряю новые технологии, постоянно слышу, что нужен новый руководитель: молодой, перспективный и, как это ни странно звучит, опытный. Такое ощущение, что я кому-то мешаю...» (Мужчина 63 года, руководитель медицинского учреждения).

Характерной особенностью двух приведенных высказываний является то, что оба респондента подчеркнули шаткость своего положения в занимаемых ими должностях и неуверенность в завтрашнем дне, связывая это не с истощением профессиональных и физических возможностей, а с достижением паспортного возраста, в рамках которого, по меткому высказыванию одного из респондентов, «не принято быть руководителем».

К третьей группе относятся респонденты, которые, достигнув пенсионного возраста, продолжили вертикальное движение вверх по карьерной лестнице. Высокая социально-профессиональная активность, присущая этой группе пожилых людей, является залогом их дальнейшего личностного развития, социального мужества и нахождения новых способов осуществления своей экзистенциальности.

Приведем фрагмент следующего интервью.

«В издательстве я проработал более 10 лет. Но с выходом на пенсию все изменилось. Организации потребовалось сократить рабочие места и одним из первых без работы оказался я. Два года упорно пытался что-то для себя найти, трудоустроиться... не получалось. Где намекали, что я по возрасту не подхожу, а где говорили и напрямую.... Однажды чисто случайно зашел в редакцию одного из журналов и выяснил, что им требуется технический редактор. Пришел на собеседование... приняли. Ну, а потом упорным трудом и качеством своей работы доказал, что могу быть и главным редактором. Оценили, поняли, признали... Хотя, наверное, мой случай – это скорее исключение из правил, чем правило... Наверное, счастливый случай, данный за долгие годы ожидания...» (Мужчина, 65 лет, главный редактор журнала).

Данный фрагмент интервью транслирует ситуацию, которая действительно является скорее исключением из правила, чем правилом, как подчеркивает сам респондент. И даже он, к сожалению, не рассматривает карьеру в позднем возрасте, профессиональный рост и расширение возможностей как вполне естественное явление, а считает это делом случая.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что с достижением пенсионного возраста карьерный рост для большинства работников предприятий различных форм собственности оказывается закрыт. Пожилых сотрудников на предприятиях оставляют работать лишь в порядке исключения, сделанного для конкретных лиц, тех, кого просто неудобно уволить. Очень часто работники указанных возрастов на данных предприятиях, подходя к пенсионному возрасту, теряют занимаемую ими должность, становясь рядовыми служащими. Таким образом, существующие технологии управления в сфере профессионально-трудовой деятельности привели к нисходящему синергетическому эффекту. Они способствуют дискриминации людей по возрастному признаку и выступают фактором снижения социальной мобильности, увеличивая вероятное наступление ситуаций риска в профессионально-деловой сфере.

Современная демографическая ситуация кардинальным образом меняет установки в отношении занятости пожилых людей, выдвигая порой противоречивые задачи. Пожилые люди – это постоянно растущая группа населения, для которых значимым представляется реализация потребностей и прав на пролонгирование трудовой деятельности; возникает необходимость осмысления динамики содержательной и структурной составляющих рынка рабочей силы. Это представляется необходимым в силу как социальных, так и экономических причин. Но необходимо также заметить, что пожилые люди – это очень неоднородная по своим физическим возможностям группа населения. Неоднозначность, противоречивость в оценке ресурсов

представителей третьего возраста объясняются отсутствием механизмов раскрытия и реализации потенциала старшего поколения, перевода ресурсов пожилых людей в капитал. И подход к данной проблеме должен быть адресным и даже в большей степени индивидуальным. Именно поэтому ключевыми задачами представителями муниципальной власти должны стать содействие стремлению граждан улучшить свою жизнь и предоставить им для этого соответствующие ресурсы и поддержку, создать такие условия, при которых люди могли бы самостоятельно решать многие проблемы. В ближайшей перспективе для улучшения социального самочувствия граждан возникнет потребность в проведении систематических мониторинговых исследований по оценке удовлетворенности ими их социально-профессиональным пространством и реализации собственных возможностей и потребностей.

Социальная паспортизация, адресная социальная политика, направленная на реализацию прав граждан преклонного возраста, предоставят возможность улучшить социальное положение данной категории граждан, но качественные изменения возможны лишь при усилении влияния гражданского общества на развитие социально-экономической сферы государства. Пожилые люди имеют право на гарантированное обеспечение своих жизненно важных потребностей: качественные жилищные условия, благоприятную среду проживания и профессионально-деловое межпоколенное взаимодействие, участие в общественной жизни и т. д. В глобальном масштабе необходимо говорить о формировании геронтокультуры – философии жизни и старения, способной помочь человеку сохранить определенный жизненный тонус и оптимизм, уверенность в разумности своего поведения в социуме в целом и в конкретных ситуациях жизни, обеспечить взаимопонимание с молодыми поколениями посредством следования традициям старшего поколения, осознания значимости использования духовно-нравственного опыта, творческого и профессионального потенциала пожилых людей.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.3

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО: МЕЖДУ ПРОЕКТОМ И ИДЕАЛОМ (политико-философский анализ)

Э. С. Восканян

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Статья посвящена политико-философскому исследованию проблемы «открытого общества» в рамках его проецирования как проекта и (или) идеала. Путь России к «открытому обществу» сейчас является «зигзагообразным»: с одной стороны, Россия стремится к открытому обществу как ближайшей или хотя бы отдаленной цели своего развития, а с другой стороны, некоторые архетипы современного российского политического сознания тормозят это движение.

Ключевые слова: открытое общество, закрытое общество, идеал, проект, политическая философия.

The Open Society: Between Project and Ideal (Political-philosophical Analysis)

E. S. Voskanyan

Paper is devoted to political-philosophical research of the problem of «the open society» in limits of its projecting as an ideal and (or) a project. The way of Russia to «the open society» is like to «zigzag»: from one side, Russia aspires to «the open society» as nearest or even if remote goal of its development, but, from another side, some archetypes of contemporary political consciousness brake this movement.

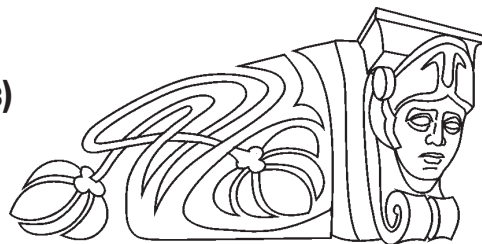
Key words: open society, closed society, ideal, project, political philosophy.

«Открытое общество» написано с точки зрения того, кто не боится «критических способностей человека», а напротив, стремится выпустить их на волю.

Эдвард Боил

Книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» (1945, рус. 1992), безусловно, явилась одной из самых значимых работ столетия в области социальных наук. Написанная непосредственно под влиянием Второй мировой войны, трактуемой Поппером в контексте схватки двух тоталитарных систем – сталинистской и нацистской, эта работа рассматривалась самим автором как его *личный вклад* в борьбу против системы и идеологии фашизма. Впрочем (этот факт также вряд ли кто-нибудь стал бы отрицать), книга Поппера явилась и *общезвестным вкладом* в борьбу против *системы и идеологии коммунизма*; это легко поняли и сами коммунисты, объявив английского ученого «ярким антикоммунистом».

Сами понятия «открытое общество» и «закрытое общество» К. Поппер позаимствовал у французского философа Анри Бергсона. В своей работе «Два источника морали и религии» (1932)

Бергсон дал следующую характеристику этим видам обществ:

«Закрытое общество – это такое общество, члены которого тесно связаны между собой, равнодушны к остальным [чужим] людям, всегда готовы к нападению или обороне – словом, обязаны находиться в боевой готовности. Таково человеческое сообщество, когда оно выходит из рук природы. Человек создан для него, как муравей для муравейника»¹.

«Открытое общество – это то, которое в принципе охватывает всё человечество. О нем вновь и вновь мечтают избранные души, и оно каждый раз реализует нечто от самого себя в творениях, каждое из которых через более или менее глубокое преобразование человека позволяет преодолевать трудности, до того непреодолимые»².

Поппер стал интерпретировать «открытое общество» и «закрытое общество» в несколько других смыслах и, в частности, придал этому понятию отчетливое *политико-философское* звучание. «Закрытое общество» для К. Поппера – это «магическое», «племенное» или «коллективистское» общество; общество, основанное на системе запретов (табу)³; общество статичное, не способное к активному инновационному творчеству, в том числе и к созданию *эффективных социальных институтов*⁴; общество, где *основные решения* за индивидов принимает государство или еще какая-нибудь всепроникающая властная структура; общество, где попораны основные права и свободы личности и господствует некий «безличный коллективный разум». В противовес этому «открытое общество» – это общество, построенное на принципах *критического рационализма* и *демократии*; общество, открытое для инноваций и движения вперед; общество, где индивиды принимают *личные решения* и несут за них *ответственность*; общество, где соблюдены основные права и свободы личности и каждый человек может сам определять и строить свою судьбу.

Разделение общества на «закрытое» и «открытое» тесно связано у Поппера и с критикой направления в социальных науках, которое он именуется «историцизмом» – направлением, основанном на *социальных пророчествах* (например, как у Маркса) и *социальных мифах* (так

было у Платона). Социальные пророчества и социальные мифы – это база для установления *холистского контроля* над обществом, попытка направить его развитие по определенному, часто *искусственному* руслу, вопреки *естественно-историческим* тенденциям развития последнего. Результат может быть только один – это закрытое общество, общество, построенное на догмах и грубом социальном насилии.

После Поппера учение об «открытом обществе» пытались развить такие ученые, как, например, М. Ноттурно⁵, Э. Бойл⁶. В России работы этой проблеме посвятили И. А. Мальковская⁷, Л. Е. Бляхер⁸, М. В. Рац⁹, А. С. Ахиезер¹⁰, А. П. Бутенко¹¹, В. Н. Порус, А. В. Сморгун и др.

Особо нужно сказать об американском мультимиллионере Джордже Соросе. Он не только написал ряд трудов по «открытому обществу»¹², но и финансировал создание на основе собственного благотворительного фонда *Института «Открытое общество»*, главной целью которого явилось пропаганда идей «открытого общества» и помощь во внедрении его институтов в восточноевропейских и некоторых других странах. Образно выражаясь, идея «открытого общества» с этого момента перестала неопределенно парить в воздухе, а приземлилась и стала определенным *социальным инструментом* воздействия на общество с целью достижения в нем определенных улучшений и позитивных инноваций.

Опираясь на вышеперечисленных авторов, мы попытаемся сначала вкратце ответить на следующие вопросы:

1. Что представляет собой концепция «открытого общества» *по своей сущности* и каково *ее место* в социальных науках – и, прежде всего, относительно проблематики философии и политической науки?

2. Является ли проект «открытого общества» политико-философским проектом или политико-философским идеалом?

3. Какова логика движения России к открытому обществу?

Но сначала – небольшое лингвистическое отступление, связанное с уяснением смысла главного термина, с которым нам предстоит работать.

Слово «открытый» в русском языке имеет целых *семь* основных значений¹³. Нам наиболее интересны следующие эквиваленты слова «открытый»: *незагражденный, ничем не стесненный, доступный для всех, явный, нескрываемый, прямой, откровенный*. В противоположность этому, слово «закрытый» может определяться следующими прилагательными: *огражденный, доступный не для всех, неявный, скрытый*¹⁴.

(Необходимо также вспомнить, что в *кибернетике*: «открытая система» – система, свободно обменивающаяся информацией с внешней средой; «закрытая система» – система, в которой

такой обмен сильно затруднен (крайний случай – «изолированная система» – система, существующая без обмена информацией с внешней средой); в *политической экономике*: «открытая экономика» – экономика, которая осуществляет экспорт и импорт товаров и услуг; «закрытая экономика» – экономика, которая не экспортирует и не импортирует товары и услуги.)

Употребление К. Поппером слова «открытый» в связи с понятием «общество», как нам кажется, изначально было весьма трудно состыковано с традиционными нормами русского литературного и научного языка. Для россиянина, когда он ловит на слух сочетание «открытое общество», это термин имеет скорее *экономическое* или *кибернетическое* значение, чем то, которое в него вкладывал Поппер. Для *российского читателя «открытое общество» – это общество, которое открыто, т. е. общество, свободно осуществляющее обмен с другими обществами*. Вторая трудность связана с понятием «общество». Оно звучит слишком *субстанционально*, слишком *онтологично*. Как мы покажем ниже, и отчасти сам Поппер, и его последователи достаточно прохладно относились к использованию этого понятия в *онтологическом ключе*, т. е. как задающее некое *субстанциональное* состояние социума. В результате это понятие – вопреки своему языковому значению – становится слишком «эпистемологичным», слишком «релятивистским», слишком «свободным». Оно как бы *посократовски «убегает»* от исследователя, а когда исследователь «догоняет» и «укрощает» его, оно оказывается слишком *аморфным* и *вялым* для серьезной аналитической работы с ним¹⁵. Слишком «свободная» трактовка научного понятия не менее вредна для него, чем слишком «жесткая» и «догматичная» его трактовка. Кстати, именно такая лингвистическая трудность отчасти и задает проблему определения открытого общества как «проекта» и (или) «идеала».

Уже эти две чисто *лингвистические* трудности (а в некотором плане они актуальны и для английского и прочих иностранных языков) должны подвести нас к некоторому базису для решения первого вопроса – о месте концепции «открытого общества» в философии и политической науке. Теория «открытого общества» принадлежит, во-первых, к *междисциплинарным* концепциям в системе социальных наук, а во-вторых, к *целостным* концепциям – в том смысле, что она демонстрирует определенный взгляд на общество в целом.

Как междисциплинарная концепция «открытое общество» входит в исследовательское поле двух наук: социальной философии и политологии. Обе они рассматривают состояние «открытого общества» в связи с такими категориями, как «гражданское общество», «тоталитаризм», «демократическое общество», «правовое общество», «рыночная экономика»¹⁶. В определении

открытого общества особый акцент делается, как правило, на том, что в нем, в противоположность закрытому, соблюдаются и реализуются права и свободы человека.

Как целостная концепция теория «открытого общества» бросает глобальный взгляд на общество, суммируя все его характеристики в

нечто *интегративное*, определяемое терминами «открытость» или «закрытость».

Попробуем в связи с вышесказанным сформулировать ключевые принципы (критерии) этой «открытости» («закрытости») и, соответственно, тем самым противопоставить открытое общество закрытому обществу (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые принципы «открытости» / «закрытости» общества

Критерий сравнения	Закрытое общество	Открытое общество
Отношение к развитию	Не развивается, консервативно	Развивается, допускает инновации
Отношение к критике	Не допускается	Допускается
Основание для поступков у каждой отдельной личности	Чужая безличная воля	Воля самой личности
Отношение к другим обществам и системам	Закрыто для контактов и взаимодействий	Открыто для контактов и взаимодействий
Права и свободы личности	Не соблюдаются	Соблюдаются

Таким образом, «открытое общество» имеет смысл в большинстве случаев рассматривать как некую конструкцию социума, построенного на принципах «критического рационализма»: индивиды суть критически мыслящие личности, они открыты для контакта друг с другом и внешним миром, они своей деятельностью активно развивают общественные институты, каждый из них сам господствует над собой и не допускает влияния чуждой воли. Общество, составленное из таких индивидов, проявляет бесконечную способность к совершенствованию на основе критики и разума.

Подобная конструкция все же достаточно идеализирована и абстрактна, и потому, по нашему мнению, концепцией «критического рационализма» вряд ли стоит ограничивать сущность самой теории «открытого общества». Естественно, принцип интеллектуальной и политической свободы во многом выражает интерес *критически мыслящей, инновационной и открытой для контакта* личности, но если всё это не подкреплено *экономической автономией* данной личности, то возможность возвращения к закрытому обществу будет существовать всегда. Потому «критический рационализм» в интерпретации открытого общества должен быть дополнен принципом «экономического индивидуализма» – принципом, выражающим независимость отдельных индивидов как обособленных друг от друга экономических единиц.

Но как мы должны рассматривать открытое общество: как *проект* или как *идеал*? Уточним наш вопрос, открытое общество – это проект, достижимый в будущем (пусть даже весьма отдаленном), либо это просто социально-политический идеал, задающий лишь интуитивно-ценностный образ будущего и никак не достижимый?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести не просто научный анализ, а,

в первую очередь и главным образом, *политико-философский* анализ. Ответ на этот вопрос дает не отдельно социальная философия или политология, а *политическая философия* как междисциплинарная наука, синтезирующая политическое и философское знание. Политическая философия постепенно, на протяжении XVIII–XIX столетий, выделилась из политической науки, хотя сам конечный результат отделения ее от эмпирически ориентированной политической науки многим современным исследователям представляется сомнительным с точки зрения перспектив развития этих двух дисциплин:

«Специализация, отделившая политическую философию от прочей политической науки, появилась и развилась благодаря отмежеванию нормативной политической теории от эмпирической: представители политической философии, декларируя свою монополию на первую, отмежевались от «позитивистской» политической теории. Такая ситуация представляется нам неправильной по двум причинам: во-первых, она способствовала возникновению нормативной теории, более не соотносящейся с эмпирическим знанием, хотя теоретики классики всегда считали это недопустимым. В результате современные теоретики тратят массу времени на комментирование работ друг друга, как если бы они сами были достойным предметом изучения. Во-вторых, подобное разделение привело к тому, что эмпирическая политическая теория постепенно упрощалась, она начинала ориентироваться на метод, изолируясь от наиболее актуальных вопросов современности»¹⁷.

Фундаментальное политико-философское исследование концепции открытого общества приводит нас к следующему неожиданному и парадоксальному выводу: *открытое общество не является ни проектом, и ни идеалом*¹⁸, по своей сути оно расположено как бы между проектом и идеалом, это есть идеал, стремящийся пере-

расти в проект, но при этом никогда не становящийся проектом.

В этом состоит ключевое отличие «открытого общества» от «демократии», которая одновременно есть и проект, и идеал, и проект гораздо в большей степени, чем идеал. «Демократия» проективна, реализуема, и ее присутствие гораздо легче ощутить эмпирически, чем это сделать в отношении открытого общества. Открытое общество есть убегающий в направлении идеала проект, и совершенно прав Дж. Сорос, когда утверждает, что легче назвать врагов, открытого общества, чем ощутить последнее с позитивной, реальной стороны¹⁹.

Естественно, точно так же, как и модель открытого общества, модель демократии в современную постиндустриальную эпоху может быть искажена и извращена в угоду частным политическим интересам. Отдельные государства используют термин «демократия» исключительно для достижения собственных корыстных геополитических интересов; геополитическая стратегия превращает ее из реального политического действия в пустое бессодержательное понятие, и каждый игрок на геополитической сцене заливает в сосуд «демократии» свое собственное содержание:

«Демократия ввиду отсутствия политической мысли перестала быть живой политической идеей. Она превратилась в предрассудок, избитый лозунг, даже не приносящий пользы как таковой. Пароль бесполезен, когда его используют без разбора все враждующие лагеря. <...> Монеты, даже если они довольно сильно потерты, остаются пригодными для использования. В отличие от них политические идеи, если они должны сохранить свою ценность, необходимо периодически чеканить заново»²⁰.

Некоторые российские исследователи отзываются о демократии еще более жестко:

«Демократия сейчас – это новый вид оружия массового уничтожения, а именно разрушения сопротивляющихся мировому суверену политических систем. Эта “демократия” действует безотказно, лучше ядерного оружия разрушает неудобные государства как извне, так и изнутри, подпитывая “либеральную” оппозицию. <...> Современный радикальный “либерализм” в России – это своеобразный большевизм начала XXI века»²¹.

Отметим также явное противоречие во взглядах Дж. Сороса на проблему демократии. С одной стороны, он вполне правильно считает, что распространением демократии должны заниматься не *отдельно взятые государства*, а *международные институты*: «Распространением демократии должны заниматься международные институты. Ни одному государству нельзя доверять защиту основополагающих принципов»²². Но, с другой стороны, он высказывает неочевидный и слабодоказуемый тезис о том, что «слабое

государство» может представлять угрозу для свободы и демократии: «Распад Советского Союза показал, что *слабое государство также может представлять угрозу для свободы*»²³.

Непонятно, а как такое возможно? Как слабое в экономическом и военном отношении государство (пусть даже тоталитарное и деспотическое) может как-то угрожать свободе и демократии в масштабах мирового порядка? Да, скорее всего, оно и погибнет естественным образом, без всякого внешнего насилия и вмешательства.

Неопределенный характер связи между «открытым обществом» и «демократией» осознает и И. А. Мальковская:

«Очевидно, что модель “открытого общества”, а также отдельные характеристики “открытости”, в том числе и *демократической*, сами нуждаются в постоянной рациональной критике, корректировке и пересмотре. Вызовы открытому обществу со стороны проблем, возникших внутри демократии, показывают, сколь уязвим “открытый проект”, насколько он нуждается в рациональной критике и разумном диалоге с другими обществами, культурами и традициями»²⁴.

Обратим внимание на концепт «открытый проект», используемый И. А. Мальковской. Если его определенным образом переинтерпретировать и связать определения «открытый» и «закрытый» не только с «обществом», но и с *идеалом* и *проектом*, тогда можно ввести новые термины, облегчающие решение задачи, поставленной в нашей статье: «закрытый идеал», «открытый идеал», «закрытый проект», «открытый проект».

«Закрытый» идеал – это система регулятивных принципов и ценностей, фактически закрывающий возможность реализации принципов «открытого общества» даже в качестве отдаленной цели общественного развития.

«Открытый» идеал – это система регулятивных принципов и ценностей, допускающих возможность реализации принципов «открытого общества» в качестве отдаленной цели общественного развития.

«Закрытый» проект – это система норм и алгоритмов, признающих «открытое общество» как отдаленный идеал общественного развития, но исключающих возможность его реализации в ближайшем будущем в качестве «проекта».

«Открытый» проект – это система норм и алгоритмов, направленных на конкретную реализацию модели «открытого общества» как перспективной цели ближайшего будущего.

В разные исторические эпохи различные государства по-разному воплощают в себе подходы к реализации «открытого общества» и как идеала, и как проекта (табл. 2).

Из данных таблицы видно, что Западная Европа и США в 30–70 гг. XX в. воспринимали «открытое общество» скорее как «открытый

Таблица 2

Подходы к реализации «открытого общества» и как идеала, и как проекта

Фазы эволюции в направлении открытого общества	«Закрытый» идеал	«Открытый» идеал	«Закрытый» проект	«Открытый» проект
Западная Европа и США: 30–70 гг. XX в.	–	√	–	–
Нацистская Германия	√	–	√	–
СССР	√	–	√	–
Современные постиндустриальные государства	–	–	–	√
Постсоветская Россия	–	√	–	√

идеал», но еще не как «открытый проект»²⁵; для нацистской Германии «открытое общество» было *закрыто* и как идеал, и как проект; в СССР было примерно то же самое, хотя в хрущевский и брежневский периоды его существования некоторые отголоски концепции открытого общества можно разглядеть в концепции «коммунизма» как общества справедливости и равенства; современные постиндустриальные государства воплощают «открытое общества» как *открытый проект*, хотя и имеют на этом пути целый ряд проблем (например «рыночный фундаментализм», обозначенный Дж. Соросом²⁶); наконец, в постсоветской России «открытое общество» как бы *зависает* между проектом и идеалом: оно есть *открытый идеал*, который хотя и пытается стать для нашей страны «открытым проектом», но никак им не может стать

Почему же такое происходит?

Россия в начале XXI столетия оказалась, на наш взгляд, в противоречивой ситуации: с одной стороны, в ней идет постепенное становление демократических институтов, включая институты прав личности; тем самым открывается дальнейший путь к открытому обществу, т. е. и оно из *открытого идеала* превращается в *открытый проект*, а сам проект *вроде бы* становится осязаемой и осозаемой социально-политической реальностью.

Но есть и другая сторона медали: тенденция превращения России в авторитарное государство, где права и свободы личности приносятся в угоду «сильному лидеру» и «национальной идее»:

Вот что, к примеру, отмечает та же И. А. Мальковская:

«Тенденция “вернуться назад” ощутима и в России, которой “демократия” явно пришлась не по вкусу. “Сильный лидер”, “властная вертикаль”, “великая Россия”, “национальная идея” – ностальгические раритеты и мощные стимулы общественного сознания, готового повернуть вспять вместо того, чтобы идти вперед, преодолевая трудности и утверждая новую достойную жизнь для миллионов обездоленных за последнее время россиян. Между тем мыслимое возвращение назад есть первый шаг к закрытому обществу. Уже этот первый шаг парализует волю, ибо его интенция – никогда не повто-

ряющееся прошлое – сама по себе губительна. <...> *Возвращение назад и опора на архетип и алгоритм традиции*, как нам представляется, процессы принципиально разные. Возвращение назад мыслится в нашем обществе достаточно часто как возвращение в “закрытость” <...> Опора на алгоритм традиции, с нашей точки зрения, есть, между тем, движение вперед, ибо творческие потенции духа русской культуры и креативный потенциал человека в нашем обществе – огромны»²⁷.

Таким образом, путь России к открытому обществу как бы *искривляется*, становится не прямым, а *зигзагообразным*: «традиция» в ней как бы подавляет «идеал» открытого общества, тем самым мешая реализоваться «проекту» создания последнего, а с другой стороны, креативный потенциал российской культуры и самобытности, дополненный современными идеалами толерантности и мультикультурализма, упорно толкает Россию в направлении признания «открытого общества» как *ценности* российской политической культуры и вслед за ведущими постиндустриальными державами создания почина поэтапного воплощения алгоритма движения к открытому обществу – уже не как к идеалу, а как проекту. Таков своеобразный политико-философский парадокс современного движения нашей страны к открытому обществу.

Примечания

- ¹ Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 288.
- ² Там же. С. 289.
- ³ Напр.: «Одна из существенных черт магического сознания древнего – племенного или “закрытого” общества – является господствующее в таком обществе убеждение, будто оно существует в заколдованном круге неизменных табу, законов и обычаев, которые считались столь же неизбежными, как восход солнца, смена времен года и тому подобные совершенно очевидные закономерности природы» (Поннер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 91).
- ⁴ Там же. С. 364.
- ⁵ См.: Ноттурно М. Открытое общество и его враги : общество, авторитет и бюрократия // Вопр. философии. 1997. № 11.

- 6 См.: *Бойл Э.* «Открытое общество» Карла Поппера : личный взгляд // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовский, В. К. Финн. М., 2000.
- 7 См.: *Мальковская И. А.* Многоликий Янус открытого общества. М., 2008.
- 8 См.: *Бляхер В. Е.* Виртуальные состояния социума, или Шансы и риски открытого общества в России. М., 1997.
- 9 См.: *Рац М. В.* Идея открытого общества в современной России. М., 1997.
- 10 См.: *Ахизер А. С.* Как «открыть» закрытое общество. М., 1997.
- 11 См.: *Бутенко А. П.* От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества. М., 1997.
- 12 См., например: *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. М., 1997 ; *Он же.* Кризис мирового капитализма : Открытое общество в опасности. М., 1999.
- 13 См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1991. С. 470.
- 14 Там же. С. 212.
- 15 Ср. например, с понятием «гражданское общество», которое имеет ярко выраженный *онтологический смысл* как *система частных сфер и интересов, противопоставленная государству*. Хотя оно может также применяться в эпистемологическом, «идеальном» смысле («строить» гражданское общество можно, в принципе, *бесконечно*), но одновременно в нем по-прежнему присутствует *четкий онтологический каркас*, что позволяет его использовать и достаточно *широко*, и в то же время достаточно *точно*.
- 16 Например у М. В. Раца: «... оно [открытое общество] конституируется органическим единством открытого общества, правового государства и рыночного хозяйства» (*Рац М. В.* Указ. соч. С. 17).
- 17 *Шаниро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. М., 2011. С. 312–313.
- 18 Политический проект – практически ориентированный (т. е. ориентированный на практическую реализацию) замысел субъекта политического действия; политический идеал – нормативный образ политического будущего, запечатленный в сознании субъекта политического действия, не ориентированный на практическую реализацию.
- 19 «Легче назвать врагов открытого общества, чем придать этому понятию позитивное значение» (*Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. С. 24).
- 20 *Коббан А.* Закат политической теории // Политическая теория в XX веке : сб. ст. / под ред. А. Павлова. М., 2008. С. 224.
- 21 *Нижников С. А.* Мораль и политика в контексте духовных и интеллектуальных традиций. М., 2011. С. 315.
- 22 *Сорос Дж.* Открытое общество : реформируя глобальный капитализм, М., 2001. С. 18.
- 23 Там же. С. 24–25.
- 24 *Мальковская И. А.* Указ. соч. С. 55–56.
- 25 Из того, что работа К. Поппера вышла в свет в 1945 г., вовсе не следует, что *интуитивных представлений* об открытом обществе не было ранее; достаточно вспомнить работы Э. Бёрка, А. де Токвиля, М. Вебера, К. Манхейма и др.
- 26 «Коммунизм отменил рыночный механизм и ввел коллективный контроль над всеми видами экономической деятельности. Рыночный фундаментализм стремится отменить механизм коллективного принятия решений и ввести главенство рыночных ценностей над политическими и общественными. Обе эти крайние точки зрения – ошибочны. На самом деле нам нужен правильный баланс между политикой и рынками, между созданием правил и игрой по этим правилам» (*Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма... С. XXIV).
- 27 *Мальковская И. А.* Указ. соч. С. 24.

УДК 316.3

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

А. В. Шавров

Саратовский государственный университет
E-mail: softgreen777@mail.ru

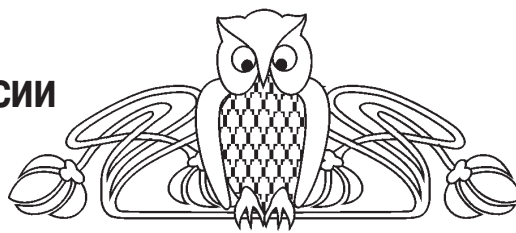
Статья посвящена рассмотрению социокультурных особенностей формирования малого бизнеса в России. В статье отмечается отсутствие предпосылок для становления российского малого предпринимательства в силу разницы менталитетов отечественного и западного малого предпринимателя, а также медленного развития малого бизнеса в российской экономике.

Ключевые слова: экономическая социология, предпринимательство, малый бизнес.

Socio-cultural Characteristics of Small Business in Russia

A. V. Shavrov

Article deals with the socio-cultural features of the formation of small businesses. The article focuses on the practical absence of the

preconditions for the emergence of a domestic small business as one of the main reasons for the difference in mentality and the slow development of small businesses in general.

Key words: economic sociology, enterprise, small business.

Целью данной статьи является рассмотрение социокультурных предпосылок развития предпринимательства в России. В частности, вопрос состоит в том, были ли в российских условиях социокультурные предпосылки к возникновению конкретно малого предпринимательства? Рассматривая историю предпринимательской инициативы, мы не можем игнорировать тот

факт, что на протяжении практически всей истории российской государственности эта выше-названная инициатива направлялась сверху, так называемое предпринимательство развивалось в целях государства. Как замечает В. В. Радаев: «История государства российского – есть и история его вмешательства в дела хозяйственные»¹. Поскольку, малое предпринимательство видится нам актом больше персональной воли, нежели указа свыше, было интересно рассмотреть, каким образом социокультурные условия способствовали или, напротив, мешали развитию малого предпринимательства в России.

Важность изучения малого предпринимательства обусловлена той ролью, которую малый бизнес играет в развитых капиталистических странах сейчас. Вклад малого бизнеса в экономику составляет 60% в Китае, 50% в США и Европе. По данным Минэкономразвития, в Европе малый бизнес обеспечивает 70% рабочих мест, а в России – менее 25%.

Для начала необходимо определиться с самим термином «предпринимательство». Мы не будем останавливаться на происхождении этого термина и оговаривать всевозможные его трактовки – универсальным определением предпринимательства нам видится определение, данное В. В. Радаевым. Он описывает предпринимательство как «деятельность, осуществляющую организационную инновацию в целях извлечения прибыли»². Таким образом, В. В. Радаев выделяет три основных составляющих предпринимательской деятельности: организационный момент, осуществление инновации и получение дохода. Такое определение включает в себя основные подходы к описанию предпринимательской деятельности, разрабатываемые со второй половины XIX в. и до нашего времени – предпринимателя как организатора производства, как осуществляющего инновационную деятельность в шумпетеровском смысле («предпринимательская прибыль – это результат осуществления новых комбинаций»³), собственника капитала.

Малое предпринимательство представляет собой особую категорию. Основным критерием малого предпринимательства в Российской Федерации является количество персонала, как штатного, так и работающего по трудовому договору. В самом малом предпринимательстве также возможно выделение трех слоев в зависимости от капиталобеспеченности: верхний слой малого бизнеса, представляющий собой относительно небольшую прослойку, – малые по количеству персонала предприятия, но хорошо капиталобеспеченные; второй уровень – предприятия средней руки с хорошими перспективами; третий уровень – предприятия, существование которых представляет собой непрерывную борьбу за выживание⁴.

Начало развития малого предпринимательства в нашей стране принято связывать с 80-ми гг. про-

шлого века – с принятием Закона о кооперации в СССР. Закон создал необходимую правовую базу, без которой функционирование предпринимательства было бы невозможным. На этот факт хотелось бы обратить внимание. Так, будет верным утверждение о том, что развитие предпринимательства шло, что называется, «сверху». В этом кроется принципиальное различие развития предпринимательского сектора в целом в России в сравнении с капиталистическими странами.

Исходным мы считаем утверждение об отнесенной новизне феномена малого предпринимательства для российского менталитета. Мы хотим показать, что одна из главных, если не ключевая причина медленного развития малого (и молодежного в том числе) предпринимательства в России – это несоответствие или даже, правильнее сказать, «задержка в развитии» между отечественным и западным менталитетами. (Говоря «менталитет», мы делаем упор в данном случае на господствующие в определенном обществе социальные нормы, социальные коды, традиции, а также сложившиеся на основе этих традиций и норм психологические установки.)

С этой точки зрения малое предпринимательство в России – относительно молодое. В отличие от современных постиндустриальных государств, в России не было достаточных социально-культурных условий для формирования малого предпринимательства.

Если обратиться к истории предпринимательства, то выяснится, что мы не можем говорить о каких-либо традициях отечественного малого предпринимательства. Принято рассматривать его историю с начала IX – X вв. – в этот период экономические функции (а под экономическими мы понимаем и предпринимательство тоже) осуществляла руководящая элита – киевское правительство, князь и бояре. Позже мы видим, что предпринимательская элита, по сути, срывается с государственными структурами.

Далее Радаев упоминает, что Иван IV – «один из богатейших феодалов Европы» – уже фактически целиком монополизировал вывоз за моря доморощенного товара. В XVII в. в казенной монополии находились соль и поташ, водка и табак, мед и пушнина. Как и во времена Киевской Руси, торговля остается уделом высших слоев общества. Эта тенденция продолжается и в Новое время – когда государство становится главным радетелем за модернизационные реформы, которые, в свою очередь, осуществлялись в военных целях. Как справедливо подмечает автор, резюмируя экономические реформы от Ивана Грозного до Александра II, «импульс к проведению всяких реформ вырабатывается самим государством и обуславливается его нуждами»⁵.

Поскольку подробный экскурс в экономическую историю не является задачей данной статьи, более интересным нам представляется

рассмотрение предпринимателей с точки зрения социального класса. Основываясь на анализе этого социального класса и его взаимосвязях с другими классами, разница между российским предпринимателем и западным становится наиболее очевидной.

Важнейшим моментом нам кажется монополистский характер предпринимательства вплоть до второй половины XVIII в. Сам этот факт не позволяет говорить ни о каком возможном малом предпринимательстве, которое, однако, порой все же выражалось в весьма маргинальных формах – примером тому может послужить развитие кустарного производства в эпоху купечества или появление феномена «крепостного-миллионера, владеющего крупным состоянием, но чуть ли не абсолютно бесправного перед лицом помещичьего произвола». Интересным является тот факт, что само купечество с определенной стороны тоже можно считать маргинальным социальным слоем – купечество сталкивается с рядом как экономических проблем, таких как «постоянная дискриминация в борьбе за доступ к торгово-промышленным ресурсам»⁶, так и социальных – оно не обладает качеством социального престижа. Основной проблемой этого является отсутствие «культы богатства» в российском обществе XVII–XVIII вв.

Неудивительно, что предпринимательства на европейский манер, как появившегося из ремесла и мелкой торговли, в России так и не получилось. Его предтечей можно назвать появившиеся в рамках крепких крестьянских хозяйств к середине XIX в. полупромышленные формы производства, которые, однако, либо выходили на более высокий уровень, превращаясь в мануфактуры, торговые дома, либо погибали.

Американский социолог Макс Вебер в качестве необходимой для создания капиталистического производства основы утверждает наличие свободного труда, появление которого он относит к периоду Нового времени. Появление свободного труда явилось одной из отличительных черт западного пути развития; в не-европейских странах «повсеместное применение труда наемных работников не только не привело к созданию мануфактур, но даже не создало рациональной организации для обучения ремеслу»⁷.

Современная рациональная организация труда, по Веберу, немислима без отделения предприятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерской отчетности.

Учитывая, что свободная организация труда в качестве повсеместного явления стала

возможной только после произошедших в Европе буржуазных революций, можно говорить о том, что этот момент явился ключевым в расхождении экономического развития России и Запада, поскольку необходимые предпосылки для развития предпринимательства и, как следствие, малого предпринимательства не были созданы.

Резюмируя, можно выделить некоторые существенные черты формирования российского предпринимательского слоя: изначальная интеграция с высшими слоями общества, проистекающий отсюда монополистский характер, тормозящий развитие малого предпринимательства; экономическое реформирование, обусловленное по большей части государственными нуждами, а не желанием развития предпринимательства как такового; маргинализация предпринимательства в социальном смысле, его социальная непристижность. Предпринимательская деятельность в России на протяжении всей ее истории играет подчиненную роль по отношению к государственным интересам⁸.

Таким образом, мы видим полное отсутствие социокультурных условий для формирования малого предпринимательства – инициатива «сверху» способствовала монополизации, инициатива «снизу» сталкивалась с социальным неприятием и критическим отношением. В этом и заключается пресловутая новизна именно малого предпринимательства для российского менталитета. Поэтому стоит ли удивляться, что малый бизнес являет собой лишь небольшую часть российской экономики.

Примечания

- 1 Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 1998. С. 99.
- 2 Там же.
- 3 Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. С. 285.
- 4 См.: Малое предпринимательство в России : прошлое, настоящее и будущее / под ред. Б. Г. Ясина, А. Ю. Чепуренко, В. В. Буева. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 10.
- 5 Радаев В. Два корня российского предпринимательства : фрагменты истории // Мир России. 1995. № 1. С. 161.
- 6 Там же. С. 164–165.
- 7 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 51.
- 8 См.: Становление нового российского предпринимательства / отв. ред. В. В. Радаев. М. : ИЭ РАН, 1993.

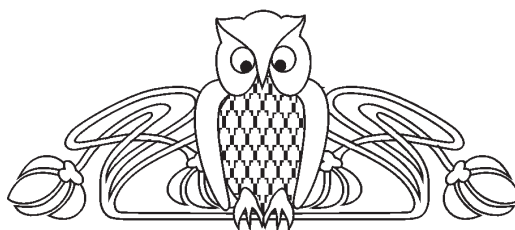

УДК 316. 344. 24

ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВУЗОВСКИХ ВЫПУСКНИКОВ КАЗАХСТАНА

А. Б. Монтаев

Саратовский государственный университет
E-mail: elim_menim@mail.ru

В статье рассматриваются особенности трудовой мобильности вузовских выпускников Казахстана в рамках гендерного подхода. Гендер характеризуется как фактор, влияющий на определение предполагаемой заработной платы, миграционные намерения, способы трудоустройства, уровень информированности и ряд других аспектов трудовой мобильности.

Ключевые слова: гендер, трудоустройство, выпускник.

Gender Characteristics of Labor Mobility of High School Graduates of Kazakhstan

A. B. Montayev

In article features of labor mobility of high school graduates of Kazakhstan in a frame of gender approach are considered. The gender is defined as a factor influencing definition of an estimated salary, migratory intentions, ways of employment, level of knowledge and some other aspects of labor mobility.

Key words: gender, employment, graduate.

Социально-трудовая мобильность молодежи – это процесс изменения молодежью своей социальной и трудовой позиции в структуре общества, характеризуемый готовностью их к добровольному или вынужденному изменению места учебы, семейным положением, местом работы, профессией, квалификацией под воз-

действием субъективных и объективных факторов и причин. В полной мере это относится и к социально-экономическим стратегиям молодого поколения, которое только заканчивает высшие учебные заведения Казахстана.

В декабре 2013 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, нацеленное на изучение стратегий вузовских выпускников Казахстана в сфере занятости (целевая выборочная совокупность составила 300 выпускников всех факультетов Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана и Западно-Казахстанского гуманитарно-университета имени М. Утемисова).

В ходе опроса внимание акцентировалось на трудовой мобильности выпускников в сфере занятости в рамках гендерного подхода: 42,7% юношей сразу после окончания вуза ориентированы на размер заработной платы 16–20 тыс. руб., тогда как девушек, ориентированных на подобный уровень заработной платы, 18,9%. При этом значительная доля девушек (37,7%) указывают желаемый размер заработной платы 11–15 тыс. руб. Таким образом, юноши-выпускники ориентированы на более высокий уровень заработной платы, чем девушки (табл. 1).

Таблица 1

Какую зарплату, по Вашему мнению, должен получать молодой специалист сразу после окончания вуза? (% по полу)

Предполагаемая зарплата, тыс. руб.	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
5–10	13,5	36,9	26,6
11–15	28,1	37,7	33,5
16–20	42,7	18,9	29,4
21–30	9,4	6,6	7,8
31–40	6,3	0,0	2,8
Итого	100,0	100,0	100,0

При выявлении готовности выпускников переехать в другой город после окончания вуза выяснилось, что 46% девушек желали бы переехать, тогда как солидарных с ними юношей – 37,3%. Девушки демонстрируют более высокий уровень территориально-трудовой мобильности (табл. 2).

При анализе данных выяснилось, что девушки чаще указывали на государственные

службы занятости как способ трудоустройства. Им выпускницы доверяют больше, чем юноши, в силу большей стабильности и более высокого уровня социальной защиты (табл. 3).

Большинство (56%) опрошенных юношей и девушек готовы работать в сельской местности. В ходе анализа знания выпускников о программах поддержки молодых специалистов, работающих

Таблица 2
**Влияние гендера на планирование выпускников после окончания вуза
переехать в другой город, % по полу**

Планирование переехать в другой город	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Да	37,3	46,0	42,1
Нет	62,7	54,0	57,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 3
Влияние гендера на предполагаемые способы устроиться на работу после окончания вуза, % по полу

Предполагаемые способы устроиться на работу	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Через родственников	23,8	21,6	22,6
Через друзей, знакомых, сверстников	27,7	15,2	20,8
Через СМИ, Интернет	12,9	12,8	12,8
При помощи государственной службы занятости	18,8	48,0	35,0
Сам создал себе рабочее место	16,8	2,4	8,8
Итого	100,0	100,0	100,0

на селе, выяснилось, что девушки больше, чем юноши, знают о молодежных программах: соответственно 89,7 и 82,4%. Это еще раз доказывает, что девушки больше доверяют государственным службам по трудоустройству, так как для них более важна уверенность в хорошем и обеспеченном трудоустройстве при формировании успешных социально-экономических стратегий (табл. 4). При выявлении аргументов за работу на селе молодого специалиста (табл. 5) было обнаружено, что для юношей преобладающими причинами является доплата к заработной плате (58,5%), предоставление жилья (52,3%), выплата подъемных

(52,1%). У девушек рейтинг причин несколько иной: для них очень важны организация социально-бытового и культурного обслуживания (52,9%) и также возможность карьерного роста (52,9%), на третьем месте – возможность работать по специальности (50%). Тот факт, что возможность работать по специальности оказалось значимой как для юношей, так и для девушек, свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность своего знания по специальности как стратегического ресурса. Кроме того, это свидетельствует о том, что выпускники профессионально ориентированы на работу по профилю.

Таблица 4
**Гендерная специфика информированности о существовании программ поддержки
молодых специалистов, работающих на селе, % по полу**

Знание о существовании программ поддержки молодых специалистов, работающих на селе	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Да	82,4	89,7	86,4
Нет	17,6	10,3	13,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 5
Что, по Вашему мнению, может повлиять на желание молодого специалиста работать на селе? (% по полу)

Причины желания молодого специалиста работать на селе	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Предоставление жилья	52,3	47,7	100
Выплата подъемных	52,1	47,9	100
Доплаты к заработной плате	58,5	41,5	100
Возможность карьерного роста	47,1	52,9	100
Возможность работать по специальности	50,0	50,0	100
Организация социально-бытового и культурного обслуживания	47,1	52,9	100

Рейтинг необходимых составляющих инфраструктуры в сельской местности для молодых специалистов также имеют гендерную специфику. Лидирующие позиции для юношей занимает клуб (68%), кинотеатр (66,7%). Вероятно, это связано с тем, что для юношей-выпускников больше, чем для девушек, актуальна проблема изменения своего семейного статуса с холостого на женатый. Другим аспектом лидирования клуба и кинотеатра является потребность интеграции в местное сообщество, расширение круга друзей для активизации своих сетевых взаимодействий (табл. 6). Третье место по важности занимает магазин (61,3%). Возможно, это связано с необходимостью воспроизводства жизненных условий своей деятельности. Также большинство юношей выбрали почту (61,1%) для сохранения и поддержания имеющихся социальных связей. Больница и детский сад (школа) в рейтинге занимают пятое и шестое место (соответственно 58,4 и 57,1%). Это свидетельствует о том, что выпускники-юноши адекватно понимают силу важности здоровья и развития своих детей. Библиотека (46,3%), подключение Интернета (43,1%), коммунальные услуги (газ, свет, вода) (38,6%) не столь значимы для казахстанских выпускников-юношей.

У девушек рейтинг минимальных социальных нужд несколько иной: для них главенствующей не-

обходимостью (61,4%) являются коммунальные услуги (газ, вода, свет). Это и понятно: девушка-выпускница, все время жившая в городе и поехавшая работать в село, конечно, будет нуждаться в коммунальных услугах для сохранения жизненных условий деятельности и комфортности, как в городе. Вторую лидирующую позицию в рейтинге среди девушек-выпускниц занимает возможность подключения в сети Интернет (56,9%). Возможно, это связано с сохранением и поддержанием имеющихся социальных связей и для расширения круга друзей, для информированности. На третьем месте – библиотека (53,7%) в силу понимания важности знания и самообразования. Детский сад (школа) и больница тоже занимают значимую позицию – 42,9 и 41,6% соответственно. Магазин (38,7%) и почта (38,9%) менее важны для девушек-выпускниц. Самую низкую позицию в рейтинге нужд у девушек занимают кинотеатр (33,3%) и клуб (32%). Ориентированность на досуг и развлечения у девушек проявлена в меньшей степени по сравнению с юношами. Вероятно, это связано тем, что девушки-выпускницы замужем или они меньше ориентированы на знакомство с сельскими юношами. Другим аспектом могут быть сохранившиеся на селе традиционные взгляды, согласно которым девушкам не подходит гуляние в клубе или посещение кинотеатра.

Таблица 6

Какая минимальная социальная инфраструктура, по Вашему мнению, необходима для молодого специалиста, трудоустроившегося в сельской местности? (% по полу)

Необходимые условия для молодого специалиста, трудоустроившегося в сельской местности	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Магазин	61,3	38,7	100
Почта	61,1	38,9	100
Библиотека	46,3	53,7	100
Детский сад (школа)	57,1	42,9	100
Больница	58,4	41,6	100
Кинотеатр	66,7	33,3	100
Клуб	68,0	32,0	100
Возможность подключения в сети Интернет	43,1	56,9	100
Коммунальные услуги (газ, вода, свет)	38,6	61,4	100

Таким образом, девушки придают бытовым условиям жизни и возможности развития большую значимость, чем юноши. Для юношей приоритетны возможность организации досуга и доступность товаров народного потребления.

Таким образом, гендерные характеристики оказывают значительное влияние как на профессиональную ориентацию молодых специалистов после окончания вуза, так и на характеристики их трудовой мобильности. Девушки, как правило, ориентированы на государственные службы занятости в своем трудоустройстве. Они информированнее и выказывают более высокую степень готовности к переезду в другой город или в село. При этом их больше волнует проблема

карьерного роста и комфортности условий жизни и деятельности на новом месте. Юноши чуть меньше ориентированы на переезд и чаще рассчитывают в трудоустройстве на себя, на своих родственников и друзей. На новом месте работы их больше интересует досуговая инфраструктура, позволяющая изменить свой семейный статус и расширить круг связей для сетевого взаимодействия. Эти различия важно учитывать вузовским службам профессиональной ориентации, органам трудоустройства молодежи и потенциальным работодателям. Кроме того, это может быть полезным в ходе реализации социальных программ поддержки молодых специалистов в целом и работающих на селе в частности.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ МНГОВЕКТОРНОСТИ ИХ ОТНОШЕНИЙ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные факторы, определяющие характер, направленность и перспективы Союзного государства России и Республики Беларусь. Акцент сделан на анализе предпосылок и мотивов интеграционных процессов, а также на выявлении тех внутренних и внешних проблем, которые определяют различную направленность их интересов, сдерживают развитие российско-белорусских отношений и нуждаются в последовательном и взвешенном политическом решении.

Ключевые слова: Союзное государство России и Республики Беларусь, процессы интеграции, мотивация интеграции, многовекторность внешней политики, экономические интересы.

Political Prospects of the Union State of Russia and Belarus within the Context of Multi-vector Nature of Their Relations

A. A. Vilkov

The article examines key factors determining the character, mode, and prospects of the Union State of Russia and Belarus. The author makes an emphasis on analysis of reasons and incentives of integration processes, as well as on explicating those internal and external problems, which influence the difference of states' interests, constrain development of Russian-Belarusian relations, and need consecutive and balanced resolution.

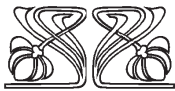
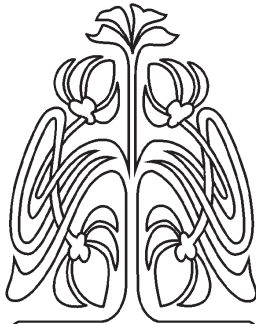
Key words: Union State of Russia and Belarus, integration processes, integration incentives, multi-vector nature of foreign policy, economic interests.

Становление Союзного государства России и Республики Беларусь в постсоветский период осуществляется сложно и противоречиво в результате воздействия разнообразных и тесно взаимосвязанных социально-экономических и социально-политических факторов внутреннего и внешнего свойства.

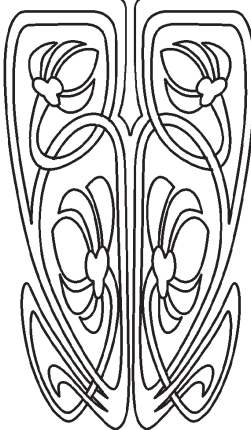
К стимулирующим факторам традиционно относят глубокую интегрированность российской и белорусской экономик и существенную зависимость промышленности последней от сырьевых поставок из России, а также ментальную и социокультурную близость российского и белорусского народов. Тем не менее процессы интеграции в постсоветский период оказались затяжными и дискретными.

Обусловлено это было тем, что после разрушения СССР фактически на всем постсоветском пространстве доминировало стремление институализировать самодостаточные политические системы бывших союзных республик и укрепить их суверенитет на международной арене. Не случайно в преамбуле Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь 1995 г. подчеркивалась необходимость «продолжать строительство суверенных демократических государств с социально ориентированной рыночной экономикой и всемерно содействовать созданию общего экономического пространства»¹.

Во имя обеспечения суверенности бывших республик СССР нередко разрывались сформированные кооперативные связи между

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

предприятиями бывшего советского народно-хозяйственного комплекса, что неизбежно приводило к падению производства и ухудшению социально-экономической ситуации. Ситуацию усугубляла приватизация бывшей общенародной собственности, которую национальные политические элиты новых государств стремились максимально использовать в своих интересах.

В Республике Беларусь этот процесс, в отличие от большинства бывших советских республик, был относительно быстро поставлен под политический контроль государства, что позволило сохранить значительную часть имеющегося промышленного потенциала. Для его нормального функционирования объективно нужно было сохранять систему экономических отношений с Россией и странами СНГ, что и стало главным стимулом участия РБ в интегративных процессах на постсоветском пространстве.

Не случайно в договоре 1999 г. о создании союзного государства акцент в преамбуле делается уже не на их суверенности, а на воле народов России и Беларуси к единению, на общности их исторических судеб, заботе о жизненных интересах своих граждан; убеждении в том, что образование союзного государства позволит объединить усилия в интересах социального экономического прогресса обоих государств². Всего к 2010 г. интегративные процессы между Россией и Беларуссией были подкреплены более чем 150 договорами и соглашениями³.

Некоторые юристы обращали внимание на то, что нормативно-правовая база российско-белорусских интегративных процессов изначально содержит определенное противоречие между продекларированным стремлением создать единое государство и намерением сохранить суверенитет его составных частей⁴. С одной стороны, в результате реализации договоренностей был сформирован и институализирован ряд структур, организационно подкрепивших союзные отношения: Высший государственный совет, Совет министров, Постоянный комитет и другие отраслевые и функциональные органы. Сотрудничество парламентариев осуществлялось в Парламентском собрании Союза Беларуси и России. С другой стороны, они так и не стали действенными органами единого конфедеративного государства, которые смогли бы обеспечить согласованную внутреннюю и внешнюю политику его составных частей.

На наш взгляд, важнейшую роль в противоречивости процессов объединения сыграли различия в политической субъектности и статусе участников строительства союзного государства. Россия объективно представляет собой более крупного по всем параметрам партнера, что неизбежно вызывает опасения Беларуссии по поводу механизмов представительства и защиты своих интересов в рамках объединенного государства. С учетом того, что Россия и Беларуссия

в 1990-е гг. выбрали принципиально различные модели трансформации советского политического и социально-экономического наследия, эти опасения были вполне конкретны и имели под собой реальные основания.

Кроме того, сказался «синдром Большого брата», имеющего не только ресурсные преимущества, но и многообразные и многочисленные проблемы. Полиэтнический и поликонфессиональный состав России, асимметричное федеративное устройство, процессы дезинтеграции и многочисленные конфликты 1990-х гг., грабительская приватизация, резкое падение уровня жизни, война в Чечне – все эти и многие другие негативные обстоятельства российской жизни выступали для РБ сдерживающим фактором строительства союзного государства.

Поэтому, выступая одним из активных сторонников интегративных процессов на постсоветском пространстве, Республика Беларусь акцент делала на сохранении и развитии экономического и социокультурного сотрудничества. Фактически одновременно проводился курс на укрепление политического суверенитета РБ и права на проведение самостоятельной внутренней и внешней политики. Многовекторность последней фактически была закреплена на официальном уровне еще в 1996 г. в выступлении Президента РБ А. Лукашенко.

Стратегически этот курс не носил конфронтационного характера с Россией, но разногласия по различным и достаточно принципиальным аспектам взаимоотношений проявлялись постоянно. Определенный импульс расхождению позиций был придан политикой пришедшего к власти В. Путина на укрепление институтов государственной власти внутри страны и позиций России на международной арене. В результате А. Лукашенко изменил точку зрения по вопросу о темпах интеграции и вновь заговорил о необходимости сохранения белорусского суверенитета⁵. В. Путин неоднократно высказывал неудовлетворенность результатами строительства союзного государства и предложил осуществлять сближение двух стран, прежде всего в сфере экономики, которое объективно привело бы и к политической интеграции.

Данный курс был продолжен и его преемником Д. Медведевым. Объясняя взаимосвязь между экономическими и политическими отношениями, президент напомнил, что его предшественник В. Путин в одной из своих реплик заметил, что тот, кто рассчитывает получать российский газ по внутрироссийским ценам, должен понимать, что такие цены существуют только для субъектов внутри Федерации. Но «из этого не вытекает, что Россия предлагала Беларуси стать субъектом Российской Федерации»⁶. В своем интервью белорусским журналистам в ноябре 2009 г. Д. Медведев подчеркнул, что «оптимальным путем развития белорусско-российской ин-

теграции могло стать углубление экономических связей, выстраивание отношений между двумя странами на нормальной, рыночной основе»⁷. При этом он неоднократно акцентировал внимание на том, что Беларусь – это действительно суверенное государство, со всеми атрибутами самостоятельного государства, в котором вся политическая жизнь идет по своему сценарию. «Но нам безразлично, что у вас происходит и, конечно, мы самым пристальным образом следим за развитием политических процессов, потому что Беларусь – это близкая страна, страна, с которой мы связаны Союзным договором, страна, где живет очень близкий нам народ, экономики наши самым тесным образом связаны»⁸.

Однако интеграция в сфере экономических отношений также проходила не гладко. Возникающие конфликты в значительной степени были обусловлены существенной ролью государств в экономике как России, так и Белоруссии. В результате, по мнению А. Тихомирова, споры хозяйствующих субъектов превращались в полноценные межгосударственные конфликты. В 2009–2010 гг. белорусское руководство неоднократно давало «асимметричные» ответы на «неудовлетворительное» поведение России. К таким ответам можно отнести непризнание независимости Абхазии и Южной Осетии (2008–2009 гг.), отказ от участия в сессии ОДКБ, где решался вопрос о создании Коллективных сил оперативного реагирования (2009 г.), присоединение к инициативе ЕС «Восточное партнерство» (2009 г.), затягивание с решением вопроса о присоединении к Таможенному союзу с участием России и Казахстана (2010 г.), договоренность с Венесуэлой и Азербайджаном об альтернативных поставках нефти в Беларусь (2010 г.)⁹.

Все это привело к тому, что во время очередных президентских выборов в Республике Беларусь Д. Медведев в октябре 2010 г. публично выступил с критикой А. Лукашенко, обвинив последнего в том, что предвыборная кампания «целиком и полностью построена на антироссийских сюжетах, на истерических обвинениях России в нежелании поддерживать белорусов и белорусскую экономику, проклятиях в адрес российского руководства»¹⁰. Он напомнил об огромных объемах поддержки со стороны России белорусской экономики на протяжении всего постсоветского периода и о том, что «наша страна всегда относилась и будет относиться к белорусскому народу как к самому близкому своему соседу. Нас объединяют многовековая история, совместная культура, общие радости и общее горе»¹¹.

Многовекторность имеет место и в отношении РБ к реализации евразийских проектов. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., принятой в мае 2004 г., первым среди приоритетов было обозначено «углубление сотрудничества с интегра-

ционными объединениями стран Содружества Независимых Государств, в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и создание Единого экономического пространства в рамках Организации региональной интеграции (ОРИ)»¹². Последняя организация (ОРИ) в составе России, Украины, Белоруссии и Казахстана не состоялась в связи с «оранжевой» революцией. Анализ российского и белорусского подхода к реализации этих проектов позволяет с большой долей вероятности предположить, что принципиальное отличие состоит в стратегических целях. Россия обосновывает и использует экономические преференции для участников СНГ, ОДКБ, ТС, ЕврАзЭС, ЕАЭС во имя достижения нормативно и институционально закреплённых политических результатов интеграции, а Белоруссия вынужденно идет на компромисс и делает уступки в сфере политики во имя расширения своих экономических возможностей.

Важнейшее значение имеют социокультурные и социопсихологические факторы. Несмотря на продолжительное проживание русских и белорусов в рамках единого православного духовного пространства, определенные различия в идентификации братских народов остались. По мнению славяноведа О. Б. Неменского, евразийская идея «не очень популярна среди белорусов», для которых характерна «тяга к европейской идентичности и европейским культурным формам». Поэтому для белорусов «евразийство – вообще не близкая идеология, и участие в Евразийской интеграции имеет здесь обоснования более прагматические, чем культурно-исторические»¹³. По данным, приведенным В. Бондаренко, примерно 17–20% опрошенных белорусов «хотели бы жить в ЕС; примерно 20–25% – в Беларуси, не входящей в союзы, и примерно поровну (по 28–30%) – в союзе с Россией... и в союзе с Россией и ЕС одновременно!»¹⁴

Такая многовекторность ориентиров позволила А. Лукашенко сформулировать прагматическую идею «интеграции интеграций». Суть ее состоит в том, что РБ в силу своего геополитического положения готова выступить интеграционным ядром системы взаимовыгодного сотрудничества между Евросоюзом и Евразийским союзом. Однако такой прагматизм не во всем устраивает Россию, так как реализуется белорусским руководством, по сути, в рамках достаточно неустойчивой модели партнерства: «экономические преференции в обмен за политическую лояльность». Евросоюз не устраивают авторитарные характеристики сложившегося политического режима в Республике Беларусь, и он открыто и последовательно поддерживает белорусскую оппозицию, выступающую за отстранение А. Лукашенко от власти и проведение демократических преобразований в политической

и социально-экономической жизни страны. Поэтому заявленная Президентом РБ многовекторность внешнеполитических интересов страны (Россия, страны СНГ, «третий мир», страны Евросоюза) наталкивается в одном из важнейших своих направлений на открытое противодействие руководителей Евросоюза. Политический режим Республики Беларусь воспринимается ими как авторитарный, подвергается критике и определенным санкциям. Поэтому А. Лукашенко вынужден маневрировать между стремлением сохранить свою власть и учетом того, что Беларусь находится на пересечении серьезных геополитических противоречий ведущих мировых держав. В этом случае трудно сохранить нейтралитет, поэтому белорусскому президенту до сих пор удавалось достаточно умело балансировать в рамках обозначенной многовекторности за счет декларирования своей приоритетной приверженности к строительству союзного государства и получения экономических преференций взамен политической лояльности России.

Происходит это на фоне борьбы России за возрождение своего геополитического статуса великой державы и возникающих в этой связи серьезных противоречий с США и их союзниками. С одной стороны, это естественным образом мотивирует укрепление военно-политического союза Белоруссии и России и способствует сближению их позиций на мировой арене. Некоторые исследователи считают, что именно потребности в обеспечении военно-политической безопасности становятся доминирующими. Это обусловлено тем, что «во втором десятилетии XXI века продолжается стремительное превращение воздушного, космического и информационного пространства в единое поле боя, где не будет четких границ ни “по высоте”, ни “по пространству”, ни по информационному воздействию. Этот новый глобальный театр военных действий становится решающим, отгесняя на второй план традиционные пространства использования военной силы – сухопутные и морские»¹⁵.

С другой стороны, неоднозначное отношение руководства РБ к вооруженному грузино-осетинскому конфликту 2008 г. и признанию независимости Южной Осетии и Абхазии показало, что свои геополитические интересы участники строительства союзного государства понимают весьма различно. Особенно остро разногласия проявились в ходе текущей ситуации на Украине. Во время событий на Майдане А. Лукашенко заявлял: «У нас единые цели по Украине. Украина должна быть целостной. Никто не должен раздербанить эту великую страну, она нам не чужая»¹⁶. Свою особую позицию он проявил после захвата власти сторонниками Майдана, заявив о своей поддержке новых украинских властей. Одним из первых он поздравил П. Порошенко с победой на выборах и присутствовал в Киеве на его инаугурации. Присоединение

Крыма к России А. Лукашенко назвал «плохим прецедентом», хотя впоследствии признал, что де-факто он принадлежит России.

В последнее время Президент РБ периодически демонстрирует западноевропейским странам свою готовность к налаживанию нормальных отношений в случае отказа от санкций против Беларуси. Одним из подобных сигналов стало внезапное освобождение одного из главных политзаключенных Беларуси, вице-президента Международной федерации прав человека в этой стране Алеся Беляцкого. В мае 2014 г. в Минске состоялось сразу два визита высокопоставленных чиновников Еврокомиссии, чего не случалось с 2010 г., когда на весь политический истеблишмент Беларуси Евросоюзом были наложены жесткие санкции. По мнению представителя белорусской оппозиции А. Почобута, освобождение политзаключенного вовсе не означает либерализации политического режима, а представляет собой стремление белорусского президента максимально использовать обострение международной ситуации в связи с событиями на Украине для получения кредитов: «Здесь просто – “товар – деньги – товар”»¹⁷. Кроме того, Беларусь стала активно сотрудничать с Евросоюзом в рамках программы «Восточного партнерства».

Тем самым Белоруссия продолжает отстаивать свое право на самостоятельную многовекторную внешнюю политику. Очевидно, что это не способствует продвижению политического проекта Союзного государства. Тем не менее, 17 июля 2014 г. на совещании с руководителями белорусских посольств и консульств в своей новой минской резиденции «Дворец Независимости» Александр Лукашенко заявил: «Мы продолжаем делать стратегическую ставку на Российскую Федерацию. <...> Другой альтернативы у нас нет. И чего нам уходить от нормальных отношений с нашим братским дружественным государством, которое всегда готово и подставляет нам свое плечо как никто другой?» Он отметил также, что потенциал Союзного государства России и Белоруссии не исчерпан, подчеркнув: «Поэтому мы будем укреплять наше стратегическое партнерство с Россией»¹⁸. То есть политическое лавирование во имя экономических преференций продолжается.

По мнению О. В. Бахловой, возможно нескольких вероятных сценариев его реализации: 1) углубление интеграции и создание Союзного государства, в виде дву-субъектной федерации или «поглощение» Белоруссии Россией; 2) сохранение конфедеративного характера российско-белорусского объединения, т. е. продолжение существования Союза Беларуси и России с некоторыми организационными и концептуальными элементами союзного государства, по сути, статус-кво; 3) утрата «креативности» идеи и практики российско-белорусской интеграции в результате чрезвычайного обострения межгосударствен-

ных отношений либо достижения поразительных успехов в рамках других интеграционных форматов, в первую очередь ЕврАзЭС/ОДКБ; 4) переориентация Белоруссии на другой интеграционный центр, ее подключение к ассоциативным или иным отношениям с ЕС, «уход» из сферы влияния России¹⁹. С учетом последних действий Беларуси наиболее вероятным представляется сохранение статус-кво, по крайней мере, до вступления в силу договора о Евразийском экономическом союзе.

Оценивая прогнозы развития событий, нужно согласиться с теми исследователями, которые доказывают, что «успешность интеграционной группировки и ее устойчивое развитие зависят от того, насколько она опирается на национальные технологические разработки и каково ее место в мировом инновационном процессе»²⁰. Как представляется, для этого, прежде всего, должна быть разработана и реализована программа модернизации именно российской экономики. В этом случае в качестве стимула для политической интеграции будет работать не только зависимость многих постсоветских государств от российского сырья, но и активное продвижение новых российских технологий и продукции. Заинтересованность в них может обусловить согласование единой политики модернизации экономик Евразийского экономического союза и нейтрализовать воздействие конъюнктурных факторов внутреннего и внешнего свойства.

В целом, оценивая перспективы, позволю высказать осторожный оптимистичный прогноз, что имеющиеся предпосылки, объективные потребности и выгоды интеграции России и Республики Беларусь как ядра евразийского проекта все же возьмут верх над конъюнктурой момента. Однако, как показал печальный опыт Украины, нельзя надеяться на историческую предрасположенность и неизбежную закономерность объединения братских славянских народов. Без волевых усилий лидеров и целенаправленной, взвешенной и последовательной политики на объединение процесс интеграции может дать сбой, а с учетом внешнего враждебного воздействия геополитических конкурентов России – привести к весьма плачевному результату.

Примечания

- ¹ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. URL: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor1/> (дата обращения: 18.07.2014).
- ² См.: Договор о создании Союзного государства. URL: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/> (дата обращения: 18.07.2014).
- ³ См.: Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы / под ред. А. В. Шарапо. Минск, 2010. С. 20.
- ⁴ См.: Бровка Ю. Белорусско-российская интеграция : международно-правовые аспекты // Вопросы между-
- народных отношений и внешней политики Республики Беларусь. Минск, 2004. С. 4–9.
- ⁵ См.: Тихомиров А. Беларусь в политике России // Республика Беларусь между Востоком и Западом / науч. ред. Ю. Тымановски, С. Мусенко, М. Влодаркевич. Варшава, 2012. С. 45.
- ⁶ Медведев Д. Россия не предлагала Беларуси вступить в состав РФ. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2009/11/23/ic_news_112_321673/ (дата обращения: 18.07.2014).
- ⁷ Дмитрий Медведев. Россия не стремится к тому, чтобы что-либо навязывать... : Стенограмма интервью Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева белорусским средствам массовой информации // Белорусские новости. 2009. 23 нояб. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2009/11/23/ic_articles_112_165561/ (дата обращения: 18.07.2014).
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Тихомиров А. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁰ Бессмысленная полоса напряжения в отношениях с Белоруссией обязательно закончится // Президент России : [официальный сайт]. 03.10.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9126> (дата обращения: 18.07.2014).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / под общ. ред. Е. М. Кузьминой. М., 2013. С. 15.
- ¹³ Неменский О. Б. Союзное государство России и Беларуси как не-евразийский интеграционный проект // Будущее Союзного государства и потенциальные модели его развития : материалы медиа-форума (Москва, 14 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 269.
- ¹⁴ Бондаренко В. ИНТЕГРАЦИЯ. Разновекторное развитие белорусского гражданского общества. URL: http://naviny.by/rubrics/opinion/2013/01/17/ic_articles_410_180544/ (дата обращения: 13.07.2014).
- ¹⁵ Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М., 2013. С. 455.
- ¹⁶ А. Лукашенко : В Беларуси система национальной безопасности позволяет своевременно реагировать на вызовы и угрозы. URL: <http://www.soyuz.by/news/1288.html> (дата обращения: 18.07.2014).
- ¹⁷ Лукашенко снова идет в Европу : выпускает политзаключенных и поддерживает Киев. URL: http://tvrain.ru/articles/lukashenko_snova_idet_v_evropu_vypuskaet_politzakljuchennyh_i_podderzhivaet_kiev-370332/?autoplay=false (дата обращения: 19.07.2014).
- ¹⁸ Лукашенко : Белоруссия будет партнёром и России, и Украины. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1826861.html#ixzz37zUHW2w8> (дата обращения: 19.07.2014).
- ¹⁹ См.: Бахлова О. В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции : автореферат дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskie-mehanizmy-i-tehnologii-rossiysko-belorusskoy-integratsii#ixzz36keJecnG> (дата обращения: 07.07.2014).
- ²⁰ Новые независимые государства : сравнительные итоги социально-экономического развития / под общ. ред. Л. Б. Вардомского. М., 2012. С. 59.

УДК 316.334.3 + 336.636

«ЕВРАЗИЙСТВО» И «КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»

Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru.

В статье анализируется политико-культурный контекст современного звучания интеграционных идей концепции «евразийства».

Ключевые слова: «евразийство», политическая культура, идеология, политическая интеграция, политический выбор.

«Eurasianism» and «Continental Rationality»

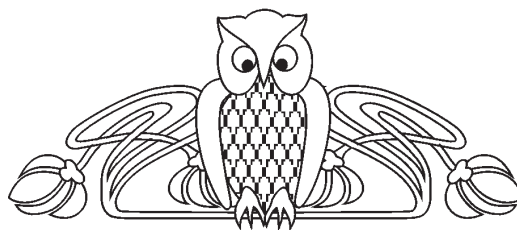
N. I. Shestov

The article examines the political and cultural context of modern ideas of integration concept of «Eurasianism».

Key words: «Eurasianism», political culture, ideology, political integration, political choice.

Нарастание конфликтности в современной мировой политике делает востребованными идеи, на которые государствам и обществам можно было бы опереться в политическом выборе и политическом действии. Опереться при осуществлении своей внутренней политической мобилизации и при выстраивании долгосрочных стратегий интеграции и геополитической конкуренции с другими, аналогичными субъектами политических процессов. В этом смысле понятен источник современного, выражаясь словами русского философа Г. В. Флоровского, «евразийского соблазна», который, как это уже было в 20-е гг. прошлого столетия, одолевает сознание части политической и научной элиты и той части общества, которая готова солидаризироваться с властью и наукой в своем политическом выборе. Действительно, наблюдая за тем, как на наших глазах разворачивается глобальный системный кризис политики как одного из ключевых культурных инструментов конструирования цивилизационного пространства, как практика «двойных стандартов» рушит основы политического порядка, мучительно сложившегося за последние два столетия, здравомыслящему человеку трудно не поддаться соблазну сказать: «Давайте поскорее задумаемся и от тупиковой по своей сути глобальной конфронтации перейдем хотя бы к региональной интеграции!». В какой его интерпретации ни возьмем, в той ли, которая сложилась у истоков этой концепции в трудах русских исследователей-эмигрантов, или в той, которую «евразийству» дает современная отечественная политическая мысль, «евразийство» обладает важнейшим для политической теории свойством – конструктивностью и оптимистичностью.

Вопрос, однако, в другом. Какой бы конструктивной и оптимистичной ни была полити-

ческая идея, она, чтобы претендовать на идеологический ранг (а именно на него по некоторым признакам во внутренней и внешней политике России она сегодня претендует), еще должна быть своевременной. То есть высказанной при надлежащей готовности хотя бы *относительно-большинства*, а не только какой-то наиболее «продвинутой» в плане политико-культурного развития их части, элит и общества сплотиться вокруг нее. В противном случае велик риск того, что и в этом случае, как это уже было прежде с конструктивной и оптимистичной коммунистической идеей, как это сегодня происходит с оптимистичной и конструктивной идеей интеграции Украины в Евросоюз, вместо политического консенсуса внутри элит и между элитами и обществом может получиться очередной в нашей истории политический раздор на почве идеологических пристрастий. Каков будет масштаб этого вероятного раздора – вопрос другой, тут трудно что-либо заранее прогнозировать. И в этом особенная опасность таких идеологических ситуаций. Важен сам факт вероятности такого идейного конфликта, который, к сожалению, не учитывается в большинстве современных оценок политического потенциала «евразийской» идеи, в которых акцент делается преимущественно на интегративном аспекте. В политическом же процессе обычно выдерживается принципиальный баланс интеграционных и дезинтеграционных тенденций. На то, что лежит в основе современных дезинтеграционных тенденций в мировой и региональной политике, науке, наверное, тоже следовало бы обратить внимание при оценке идеологических перспектив «евразийской» идеи.

В частности, это определенные сдвиги в мировосприятии, свойственные современным элитам и обществам современных развитых стран Старого и Нового Света. В массовом сознании современных «западных» социумов, в их реакциях на проблемы внутренней и международной политики, в пресловутой политике «двойных стандартов» использования либеральных ценностей, норм и институтов и в поддержке ее гражданами просматривается политико-мифологическая по своей сути установка того свойства, что отступить сейчас от этих либеральных ценностей и институтов, от этой «светлой мечты» об устойчивом, комфортном и безопасном существовании – значит признать наиболее есте-

ственным состоянием для современной цивилизации, ее «магистральным путем», как любили в 90-е гг. прошлого века выражаться отечественные публицисты, именно ее «прежнее» неустойчивое и рискованное состояние. То состояние, от которого «западные» общества так хотели уйти, и после краха советской системы в современном мире стало казаться вполне очевидным, что им это почти удалось. Для граждан и элит этот отказ от «мечты» равносителен тому, чтобы вернуться вновь в свое политическое прошлое, в противоречивый «многополярный» и кризисный мир, согласиться, как это было у предшествующих поколений, с неизбежностью обменять свой ментальный и материальный комфорт (пусть даже не полный) на непредсказуемый по своим результатам поиск новых стратегий выживания и развития, сопряженный с расходом огромных материальных и человеческих, временных ресурсов, которые будут изъяты из, так сказать, нынешнего «меню обществ потребления».

Простая логика подсказывает в этой ситуации для развитых социумов и их политических элит наименее рискованную и наименее ресурсозатратную (и, добавим, в сущности, мифотворческую) позицию: если в рамках либеральной политики нельзя фактически избавиться от неустойчивости и рисковости политических процессов, то ведь можно изменить общественное понимание природы этой неустойчивости, отношение к ней. Можно побудить граждан относиться к ней как к чему-то гораздо менее существенному, в сравнении со «светлой мечтой» об устойчивости и безопасности, комфортном потреблении. Можно побудить граждан и элиты жить как бы в двух политических мирах одновременно и по двум самостоятельным стандартам либеральной политики. Сегодня многочисленные каналы информационных коммуникаций способны эффективно (как в экономическом, так и в политическом понимании этого термина) решить эту задачу при гораздо меньших комплексных затратах, чем этого потребовали бы от обществ и государств реальное изменение политических стратегий и идеологическая работа по убеждению граждан в правильности таких изменений.

Можно (что и делается на практике) настроить массовое сознание на то, что истоки внутренней и внешней политической неустойчивости, многочисленных рисков лежат не в объективных законах функционирования социально-политических, культурных, экономических систем (о которых писали еще мыслители-позитивисты XIX столетия и большую часть которых пока никто не опроверг), а в сиюминутных и во многом субъективных факторах. Например, в «происках международных террористов», которые расшатывают объективно прочное и устойчивое здание современной либеральной политики. Можно сюда еще присовокупить (и обыватель, насмо-

тревшийся фильмов-катастроф, охотно это примет) и расшатывающие влияния на либеральную политику экологические и демографические проблемы, и даже угрозы из космоса.

Одновременно можно убедить обывателя в том, что демократические политические элиты, консолидированные в современное правовое и социальное государство, способны эффективно бороться и с террористической угрозой, и с экологическими вызовами, и даже с метеоритной опасностью. А потому сама по себе политическая неустойчивость, ежедневно наблюдаемая гражданами цивилизованных и развитых стран, во внутренней и во внешней политике есть явление проходящее. Тогда как на фоне всех этих катаклизмов текущей политики либеральная «светлая мечта» об устойчивом политическом существовании «обществ потребления» олицетворяет собою вечность. Это фактически одна из ипостасей современного «мифа либеральной демократии»: политическая неустойчивость вроде бы есть и она даже временами может расстроить и рассердить лояльного гражданина, но не настолько, чтобы тот отказался от оптимистического мировосприятия и позитивного отношения к либеральным ценностям, к своему гражданскому статусу носителя и проводника этих ценностей.

Результатом усилий политических элит развитых стран по привитию посредством средств массовых коммуникаций массовому сознанию такого оптимистического отношения к миру политики стал сегодня определенный стиль мировосприятия, характерный как для элитарного, так и для массового сознания в развитых странах, который можно было бы назвать *континентальной рациональностью*. Сразу оговорюсь, что речь не идет о какой-то очередной терминологической вариации на геополитические темы в духе Х. Маккиндера, которая подразумевала бы, что на берегу моря жить полезней для политической культуры и практики человека, чем жить в центре суши. В данном случае это понятие имеет смысл характеристики настроения массового сознания на определенное отношение к либеральной политике как совокупности идеалов и реалий. Хотя, наверное, нельзя полностью скидывать со счетов, что базовые свойства этого мировосприятия действительно могут больше или меньше различаться в зависимости от того, на каком континенте или субконтиненте исторически формировалась та или иная социально-политическая система.

«Континентальная рациональность» — это специфический ракурс, в котором современные «западные» социумы и их элиты видят окружающий их мир и с которым они соотносят свое видение и понимание свойств этого мира. Это та субъективная реальность, без понимания свойств которой то самое расставание России с пагубным влиянием «либеральной машины», о котором так много и часто говорят патристически настроен-

ные отечественные политические аналитики и в котором они видят своего рода заявку на цивилизационное лидерство России, адресованную мировому сообществу, может для этой самой «либеральной машины» остаться просто незамеченным и не дать России прибыли в ресурсе геополитического влияния. Есть смысл попытаться понять те условия, вследствие которых «западные» сообщества могут просто не увидеть в российской заявке того, что хотелось бы нам, и не отреагировать на эту заявку так, как нам хотелось бы. Определение современного состояния мировосприятия в «западных» социумах и элитах как «континентальной рациональности», как представляется, может быть недостаточно точно, но в первом приближении позволяет понять принципиальный источник этих рисков. А возможно, есть смысл понять логику этого мировосприятия еще и потому, что при ближайшем рассмотрении мы сможем обнаружить ее во фрагментах либо целостности и в нашей российской политической реальности, и тогда надо будет думать, как и из этого извлечь политическую выгоду для российских общества и государства.

Рациональность всегда была одним из ключевых атрибутов «западной» цивилизованности. Но она всегда была многообразной и изменчивой от одной эпохи к другой. Сегодня, вероятно, можно наблюдать очередную ее смысловую инверсию, связанную как раз с весьма рациональным решением, укорененным в массовом и элитарном сознаниях, принципиально обособить идею комфортного, устойчивого и безопасного существования гражданина в демократическом обществе и государстве от тех вызовов и рисков, которые идут со стороны внутренней и международной либеральной политики.

Понятие «континентальная рациональность» характеризует вполне осознанное и опирающееся на соображения практической выгоды и понимание реальных рисков, связанных с богатством опыта прошлого и непредсказуемости будущего нынешних развитых социально-политических систем, видение гражданами и элитами того, как в политическом пространстве соотносятся ценности и смыслы. Их собственное пространство ценностей и смыслов воспринимается как «континент» («литосферная плита»), которая может каким-то образом перемещаться во времени и пространстве, сталкиваться время от времени с другими «континентами», объединяться с ними, но при этом никогда не менять своих принципиальных очертаний. И это является опорой всего миропорядка, политического в особенности. Первыми, может быть, к такому мировосприятию пришли США. По крайней мере, их понимание своих «жизненных интересов» в последние десятилетия подталкивает к такому предположению.

Сегодня такое мировосприятие распространяется все шире. Насколько можно судить по

консолидированной позиции «западных» государственных элит и обществ в российско-украинском конфликте, начавшемся зимой 2014 г., они вполне готовы пожертвовать и традициями политики, и будущими связями в европейском политическом и экономическом пространстве, лишь бы сегодня не произошло перемен. Это новый формат «жизненных интересов» в современной политике. Смысл последних сводится к тому, что пусть воюют в мире и даже самой Европе, пусть убивают гражданское население, пусть нарушают международные договоренности и гражданские права, главное, чтобы на «континенте Евразия» (в политическом смысле) и в особенности «субконтиненте Европа» не происходило таких подвижек, которые могли бы привести к системным изменениям в «либеральной машине». Потому как, если эта «машина» сегодня вдруг будет разобрана по частям, что нового можно собрать из этих частей, никто в современном мире толком не представляет. Так что этой позиции нельзя отказать в известной рациональности. Понятие «континентальность» в данном случае не конкурирует семантически с понятием «изоляция». Между «континентами» возможны коммуникации, «континенты» движутся навстречу друг другу. Но эти связи и движения не воспринимаются их насельниками в качестве повода отказаться от предостережения, что под ними находится предельно устойчивая «литосферная плита», которую в нашем случае олицетворяют опыт, принципы и ценности современной либеральной политики в развитых социально-политических системах и сойти с которой равносильно цивилизационной катастрофе.

Это привело современные развитые социально-политические системы от «светлой мечты» о существовании в режиме «общества потребления», которая, заметим, подразумевала и оправдывала наращивание этого самого потребления, т. е. подразумевала какое-никакое развитие (в каком-то смысле даже прогресс, если под таким понимать известную идею о последующем более четком делении цивилизованного человечества на «золотой миллиард» и социально-политический и экономический «остаток»), к упомянутой выше «континентальной рациональности», подразумевающей в современном мире движение элементов, но не какое-либо качественное развитие системы политики.

Это, в сущности, отдельная проблема. Ее решение, вероятно, можно каким-то образом связать с тем состоянием умиротворенности, которое возникло в «западном» мире по следам его цивилизационной победы над миром советской демократии. Возможно, что на эту умиротворенность достигнутым политическим результатом и нежелание отнестись к нему критически каким-то образом влияет расклад сегодняшних геополитических интересов и сил. В данном случае хотелось бы отметить тот фактор современной

жизни либерально-демократических сообществ, который определенным образом соотносится с изначальной мифологической природой их «светлой мечты» о безопасном и комфортном существовании и придает такое же мифологическое свойство набирающему влияние мировосприятию, которое мы обозначили понятием «континентальная рациональность». Таким фактором является невиданное прежде развитие массовых коммуникаций. Технические и организационные аспекты этого процесса в данном случае обсуждать не имеет смысла. Они давно стали предметом для вполне самостоятельного направления политологических исследований. А вот ценностный аспект этого процесса реже привлекает внимание исследователей.

Можно сказать так, что именно Интернет создал условия для возведения современными обществами в абсолют ценности настоящего. Для массового сознания, нацеленного преимущественно на понимание происходящего вокруг, в том числе в мире политики, вне зависимости от качества знания о происходящем, Интернет стал бесценным ресурсом. Любой рядовой гражданин получил возможность «неограниченного» (и это тоже один из аспектов социально-политической мифологии настоящего) доступа к «неограниченному» же знанию о любом предмете. Особенно если дело касается предметов, расположенных в настоящем. Если функционирование в средствах массовой коммуникации информации исторического и идеологического плана еще как-то сдерживается естественными возможностями науки, действующих политических институтов генерировать и распространять такую информацию, сдерживается естественными политическими и профессиональными интересами этих структур, то текущая политическая информация генерируется и распространяется в действительно фантастических масштабах. Создается ситуация, при которой нормальный человек, интересующийся окружающим миром, просто не может придти к естественному для его здравого ума заключению: если есть что-то максимально понятное, в чем нет тайн, как в прошлом, и нет труднопросчитываемых рисков, как в будущем, то это настоящее. По поводу прошлого и настоящего надо размышлять

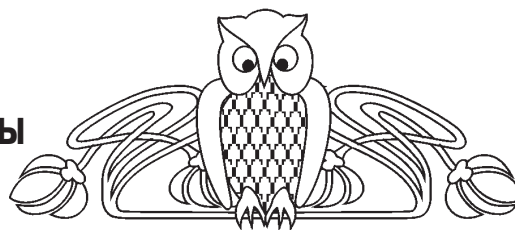
и накапливать самостоятельно знание, и даже это не даст исчерпывающего представления о них. Нехватку знаний о настоящем можно восполнить простым нажатием клавиш. Настоящее представлено в таком объеме информации о нем, что прошлое и будущее просто теряют свою былую роль значимых базовых источников для понимания человеком того, в каком политическом, культурном, экономическом и правовом состоянии он в данный момент пребывает. Понимание человеком любой социально-политической ситуации становится возможным благодаря безграничной детализации описания этой ситуации. Во многих случаях такая детализация имеет симулятивный характер: бесконечно тиражируется, в сущности, одна и та же информация об одном и том же событии. Но так ли это важно для современного обывателя (в положительном значении этого слова), который хочет жить в «современном мире», комфортном и безопасном, и для которого максимальное «понимание» этого мира есть первый шаг к осуществлению этого желания.

В заключение осталось только поставить самый, может быть, сложный и интересный вопрос: в какой мере «континентальная рациональность» сегодня захватила политико-культурное пространство России, детерминирует политическое сознание граждан и элит? Постсоветская социально-политическая система в последние десятилетия тоже постепенно уходила от социалистической, а затем, по ходу либерально-рыночных реформ, и от либеральной «светлой мечты» о безопасном и комфортном существовании. Если она и не пришла к какому-то фиксированному состоянию, то определенно движется в каком-то направлении. Возможно, у этого направления есть черты сходства с тем современным «западным» мировосприятием, основу которого составляет «континентальная рациональность». Зафиксировать это направление сегодня, выделить моменты сходства и различия – значит, иметь возможность отчасти спрогнозировать тот результат, который российская политика может получить в случае расставания с собственным либеральным опытом и даже, вероятно, извлечь из этого расставания практическую пользу.

УДК 323.2

ОТ «ЛАТЕНТНОСТИ» К «МОБИЛИЗАЦИИ»: МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС И КАМПАНИЯ В ПОДДЕРЖКУ ИНСПЕКЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ В 1998–2008 ГГ.

Б. Айтчисон

Лондонская Школа экономики
E-mail: B. Aitchison@lse.ac.uk

Государственные проверки предприятий малого и среднего бизнеса были главным препятствием на пути развития российской экономики «снизу». При координационном содействии со стороны федерального правительства бизнесмены пытались лоббировать реформирование инспекционного законодательства. Экономические кризисы 1998 и 2008 гг. стали поворотным моментом в стимулировании государственной поддержки отечественных бизнес-структур.

Ключевые слова: коллективное действие, малый бизнес, кризис, реформа.

From «Latency» to «Mobilization»: SMEs and the Campaign for Inspection Reform in Russia 1998–2008

B. Aitchison

Official inspections of small- and medium- sized enterprises (SMEs) have been a key hindrance to grassroots economic growth in Russia. SMEs have worked to lobby for reform of inspection law. They have been aided by the central government, who has helped them organize for collective action. The 1998 and 2008 economic crises were critical in galvanizing state support for these domestic business interests.

Key words: collective action, small business, crisis, reform.

Throughout the 1990s and 2000s, epidemic corruption hindered Russia's economic performance. At the grassroots level, low-level administrative agents exploited Russia's underdeveloped laws regulating the conduct of inspections to extort rents from small- and medium-sized enterprises (SMEs). In contrast to larger, better-connected firms – who had the resources to engage in «capture» or «elite exchange» models of business-state interaction¹ – SMEs suffered from this «grabbing hand» of the state². While some firms benefitted under Russia's systemic corruption, SMEs tended only to suffer under it.

Unlike their large enterprise counterparts, who can enjoy personal, mutually advantageous ties with administrative officials, *smaller firms' only systemic political leverage can realistically come from pooling their resources into large-scale collective action.* This presents many problems according to collective action theory as put forth by Mancur Olson³. SMEs represent what he calls a «latent» group, in that they are a group in that is so large that no individual member has an incentive to act for the collective good of other members⁴. However, Olson grants

that these groups can be mobilized into collective action under certain conditions. The state can be a key ally in helping latent groups overcome obstacles to collective action.

This is indeed the case with Russia's SME community. They represent what Olson calls a «mobilized latent group». This is his term for a large group that has been co-opted into collective either by coercion or selective incentives⁵. Russia's main business associations representing the small business community (hereafter «SMEBAs»), OPORA and Delovaya Rossiya, are products of the state's effort to mobilize SMEs to achieve modernization objectives and reduce administrative corruption⁶. By sanctioning the creation of these organizations, the Putin administration in effect subsidized SMEs' increased costs of collective action.

This paper presents the story of how and why SMEs were able to consolidate their interest into a unified lobbying effort for inspection reform as a public good for the SME community, despite the obstacles to collective action they face. A key finding is that the two main federal laws on inspection reform, FL-134 of 2001 and FL-294 of 2008, were adopted because the economic crises of 1998 and 2008 called attention to the necessity of domestic economic development, which in turn galvanized state support for the SME cause. Both demonstrated Russia's vulnerabilities as a resource-dependent economy whose economic growth was hindered by widespread corruption. Furthermore, SMEBAs were to play a central role in speeding the reform process in the 2008 case. In the case of FL-134, in which state-sponsored SMEBAs played no role, the lobbying and adoption process took years. In the case of FL-294, in which SMEBAs were central, reforms were adopted in a matter of months.

Inspections, the 1998 Crisis, and the Consolidation of SMEs as an Interest Group

Three agencies are responsible for the vast majority of inspections conducted in the Russia: the Emergency Control Ministry, responsible for management of fire and rescue services; Rospotrebnadzor, responsible for maintenance of trade and health safety standards; and Rosreester, or the Federal Service of State Registrations, Cadaster, and Cartography, responsible for property registrations and other forms of civic land management. These agencies

are tasked with ensuring public welfare, consumer protections, and responsible development. Yet they are at the nexus of the pervasive bribery and corruption that continues to plague Russia. Beginning in the late 1990s, the SME community began to consolidate its interests, and reining in corrupt inspectors touched a chord with politicians and the public. Inspection reform served as a rallying call to many SMEs victimized by the predations of local officials. Important alliances between high-level political actors and local representatives from the SME community began to take shape as the importance of the SME sector became apparent in the wake of the 1998 and 2008 financial crises.

SMEs' organized effort to influence the central government can be traced to the 1st All-Russia Congress of SMEs in Moscow. This was the first conference that brought together high-level government officials and thousands of representatives of the SME community⁷. However, the conference translated into little substantive legislation. President Yeltsin did issue a decree that directed specific funds to SME support, but suspended it after his reelection⁸. In another decree in 1998, «On measures to reduce administrative barriers to business development,» he tasked the legislature with developing a package of laws to reduce corruption. By the time of the 2nd Congress in 1999, nothing had materialized⁹. As Duma Deputy Ivan Grachev stated, «the First Congress and presidential decree were candies that quickly melted away after the elections. In the years following the Congress, virtually nothing was done for small business»¹⁰.

The 2nd All-Russia Congress of SMEs in October 1999 seemed marginalized from the start. The Russian Chamber of Commerce debated whether or not to even have another one, given the lack of results from the first¹¹. It was attended by about a quarter of the delegates of the 1st (about 1,000), was held not in the Kremlin, but in the House of Unions, and its budget – about \$240,000 – was derived solely from the contributions of local business associations and SME owners themselves rather than from federal funds, as was the first¹².

However, the financial crisis of August 1998 had dramatically altered the environment for the formulation of Russia's small business policy. At the 2nd Congress, it quickly became clear that Russia's SMEs had the ear of decision-makers like never before. The financial crisis was affecting them all. SMEBA leader Victor Ermakov noted that political elites in Russia's regions had come to the realization that a genuinely healthy local economy – not one built on promises of development but on actual growth – was crucial to their political survival¹³. When asked if the results of the 2nd Congress would be different than those of the 1st, Ermakov said they would, «for one simple reason: many regions are now on the brink of a social explosion. The widely-held belief that someone would suddenly arrive, build a big factory and start making profits for

the region is simply absurd. This means that people must be given the capabilities to realize this themselves»¹⁴.

Wary of empty declarations, disappointed with the results of the 1st Congress, and reeling from a national financial collapse, the delegates in attendance of the 2nd established a markedly different tone compared with the first. Under discussion would be *specific* measures. At the top of the agenda was a discussion of a draft version of the law «On the defense of legal interests of entrepreneurs»¹⁵. It took center stage as the infringements of local officials (*chinovniki*) against the rights of entrepreneurs were presented¹⁶. One small firm held the unenviable distinction of being the apparent record-holder for having the most inspections in a year, at 402¹⁷. The egregious nature of officials' abuse of SMEs helped inspection reform become a central feature of the central government's campaign against corruption and maladministration. Yevgeny Primakov, then president of the Russian Chamber of Commerce and one of Russia's elder statesmen, commented how in the early 2000s, the challenge for SMEs became how to protect themselves *from* the state rather than seeking protection *by* the state¹⁸.

The outcome of this 2nd Congress was a stark contrast to the 1st. Within one month, a special meeting of the Presidential Cabinet was called to discuss the proposals put forth¹⁹. Victor Ermakov was ebullient about this result:

«The government has given very serious attention to the issues raised, and I must say we did not expect such an understanding of our problems and such full support of our ideas. The package of priority measures to support small businesses and entrepreneurs proposed at the Congress was fully approved. Fifty million rubles was allocated to small business development. A special council of the Prime Minister for small business issues was set up. The federal program of small business support until 2000 was adopted. We were supported by everyone, including tax officials... I am proud of the outcome of this Congress»²⁰.

This special cabinet meeting was held in November 1999. At a follow-up conference held in March 2000, just five months later, minister of Antimonopoly Policy and Support for Entrepreneurship Ilya Yuzhanov announced that 80% of the resolutions proposed at the 2nd Congress had been adopted²¹. By 2001, German Gref, appointed minister of the newly-formed Ministry of Economic Development and Trade, proposed a «debureaucratization» package of reforms for debate in the Duma that included measures to regulate the amount of inspections a government agency would be allowed to conduct of a small business²².

SMEs' organizational efforts were beginning to produce results. After several months of debate in the Duma and three readings on the floor, FL-134 was adopted in August 2001. Two main provisions of the law were the most important to SMEs.

It set the limit of one inspection every two years of one firm by one inspection agency, and that agency had to limit the length of its inspection to 30 days²³. The adoption of FL-134 was a major victory for the small business community. Two surveys conducted in 2002 of 2,000 SMEs in twenty regions showed that the number of inspections per enterprise had decreased by 26 percent²⁴.

Subsidizing the Costs of SME Collective Action

In late 2001 after a meeting with President Putin, Duma deputies and prominent business owners officially registered Delovaya Rossiya, the first national-level, cross-sectoral business association dedicated to the overarching problems of doing business in contemporary Russia²⁵. Although it was not created specifically for SMEs, in focusing so heavily on the problems of corruption and reducing administrative barriers its efforts were naturally weighted to solving their problems. In September 2000, the inefficacy of SME interest articulation at the national level was discussed at the conference «The Role of Associations of Entrepreneurs in the Development of Small Business». Participants discussed the benefits of consolidating Russia's myriad SME interest groups under one banner²⁶. The event was organized by the Institute on Entrepreneurship and Investment, the Russian Chamber of Commerce, and the Eurasia Foundation (ibid)²⁷. About one year later, with the close involvement of the president, OPORA, Russia's first business association dedicated solely to SME concerns, was established²⁸. Rather than having to organize ad hoc conferences, Russia's SMEs now possessed a formalized and sustained conduit to channel their interests and concerns to the highest levels of power.

Enforcing and adapting Russia's law on inspections was to become a key function of SMEBAs' activities. In 2003, OPORA conducted a survey in which nearly 75% of respondents complained that they were still inspected more than once a year, and with 30% saying once a month or more²⁹. One of the main loopholes in the inspection law was that inspection authorities retained the right to conduct unscheduled inspections given probable cause. Furthermore, FL-134 did not stipulate which agencies had the right to carry out which supervisory and inspection functions nor did it standardize a set of infractions by which an SME could be inspected; this judgment remained at the discretion of the inspecting authority³⁰. A lawyer from the Independent Council of Legal Experts noted these shortcomings, saying that «In practice, haphazard, unpredictable inspections will continue despite the adoption of [FL-134], and [SMEs] will continue to have their business hampered and incur losses, and their rights again will be violated»³¹. In 2007, German Gref cited statistics indicating that SMEs were still devoting nearly 10% their revenues to illicit payments to officials, which demanded further changes to Rus-

sia's laws on inspections³². Speaking at a hearing of the Duma in 2008, then Delovaya Rossiya head Nikolai Ostarkov said that despite extensive political efforts to reform the system of inspections from 2001 to 2003, nothing actually changed and inspections remained one of the key hindrances to business growth³³.

The 2008 Crisis: SMEBAs Drive further Inspection Reform

From the adoption of FL-134 in 2001 to the onset of the global financial crisis in 2008, lack of enforcement of Russia's inspection law continually frustrated SME owners and executive authorities. The economy was doing well, so therefore complaints failed to register with much resonance³⁴. However, by 2008 it was clear that Russia would not be immune from the effects of the crisis. A spate of decrees and legislative initiatives were put forward as its effects became clearer. In March, Yuri Chaika, Russia's federal prosecutor, issued order 53 «On the organization of prosecutorial supervision to enforce the rights of entrepreneurial entities». This decree made protection of SME rights a central mission of regional and federal prosecutors' offices³⁵. They worked with the Chamber of Commerce to review and adjust regulations that were contradictory with others or otherwise contained loopholes. Annulled and adjusted acts numbers in the hundreds, to thousands, in some cases³⁶. A central tenet of the decree was that regional prosecutors' priority was to protect SMEs from corrupt inspection regimes. Key to this was to prosecute offending inspectors and agencies³⁷. They became responsible for approving requests for inspections and with publishing the schedules of planned inspections³⁸. Cooperation agreements were established between OPORA, Delovaya Rossiya, and the federal prosecutor's office³⁹.

Two months later and within a week of taking office, President Medvedev issued decree 797 «On urgent measures to eliminate administrative barriers in business activities»⁴⁰. The decree explicitly focused on reforming the inspection regime to curb bureaucratic abuses. It tasked the Duma with developing a number of draft laws to strengthen and enforce anti-corruption measures such as those stipulated by FL-134 within two months of its issue⁴¹. It required a further reduction in the amount of times an inspection agency could visit a given firm on a planned inspection, from once every two years to once every three⁴². The decree also mandated devolution of oversight of inspection agencies to municipal officials. In December 2008, after two readings in the Duma, FL-294 was adopted as a replacement to FL-134. Its more important amendments included a reduction in the amount of planned inspections an agency could conduct (from once every two years to once every three), a reduction in the time an agency

could be present at a firm from 30 to 20 days, and prohibited a kind of «double jeopardy» in that a firm could not be inspected by more than one agency for the same reason⁴³. It established the Council for the Protection of SMEs which was to coordinate efforts between federal and regional authorities to combat corrupt inspections, and was explicitly ordered to include representatives from SMEBAs⁴⁴. Chairman of the Duma committee on political economy Yevgeny Fyodorov commented, «All of Russian business has been waiting for this bill. Now that we're in a crisis, the president, government, and Duma gave special attention to strengthening the position of [SMEs]...»⁴⁵

Solving the problems of implementing FL-294 then took precedence over adopting new legislative measures of SME support. In 2009, despite these legislative reforms, it was estimated that small businesses regularly had to deal with inspections from more than forty different agencies⁴⁶. Each agency was still entitled to conduct fifty hours of inspections per year of one small business⁴⁷. This amounts to over 2,000 hours of inspections which a small business was theoretically obligated to endure⁴⁸. In 2009 the Russian Duma adopted a program of anti-crisis measures which stipulated the strengthening of oversight of inspection agencies as one of its top priorities⁴⁹. Local branches of OPORA across Russia were granted the right to be present during inspections of their members⁵⁰. Delovaya Rossiya, Chambers of Commerce, and OPORA allied with local independent SMEBAs to conduct seminars on business owners' rights vis-à-vis inspectors⁵¹. Information was widely published in local and national newspapers. Although problems remained, the campaign to reform Russia's inspection regime had shown manifest results.

Conclusion

The economic shocks of 1998 and 2008 were crucial turning points in consolidating the SME interest. The 1st All-Russia Congress of SMEs in 1996 produced little if any tangible outcomes for SMEs. However, following the 1998 financial crisis, reducing corruption became a key goal for Russia's political leaders. The role inspections played in hindering economic development was publicized during the (much smaller) 2nd All-Russia Congress of SMEs in 1998. Yet the effects of the financial crisis multiplied the effects of the 2nd Congress. The crisis induced political leaders were ready to give the SME sector what it needed if it could contribute to economic stability.

The pervasive «grabbing hand» of Russia's *chinovniki* drove the consolidation of the SME interest toward a campaign for inspection reform. But, given their individual weakness, SMEs' only means of systemic political leverage came from pooling their resources into mechanisms of collective action.

This presented a number of problems according to the theory of collective action as laid out by Mancur Olson. As a «latent» group, SMEs faced significant organizational costs.

However, the Putin administration subsidized these costs through the creation and empowerment of Russia's main SMEBAs, which in effect mobilized SMEs out of their latency. The synergy of interests between Russia's central authorities and the SME community in reducing administrative abuse as an aspect of national economic development objectives led to the emergence of legislation to regulate Russia's inspection regime and an empowered, organized SME lobby.

Примечания

- 1 See: *Yakovlev A.* State-Business Relations in Russia in the 2000s: From the Capture to a Variety of Exchange Models? / Institute for Industrial and Market Studies, Higher School of Economics. M., 2009.
- 2 See: *Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *The American Economic Review*. 1997. P. 354–358.
- 3 See: *Olson M.* The Logic of Collective Action : Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1971.
- 4 Ibid. P. 52.
- 5 Ibid. P. 51.
- 6 See: *Markus S.* Capitalists of All Russia, Unite! Business Mobilization Under Debilitated Dirigisme // *Polity* 39. № 3. July 2007. P. 277–304.
- 7 See: *Dokuchayev D., Karpenko I.* Malyy biznes gromko zayavlyayet o svoikh interesakh // *Izvestiia (Rossiia)*. 20 February 1996. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/3190381> (accessed 19 July 2012).
- 8 See: *Kostyuk E.* Malogo biznesa vse men'she // *Obschaia Gazeta*. 28 October 1999. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/3562954> (accessed 23 July 2012).
- 9 See: *Krayniy V.* Yesli uzh ne lyubov', to khotya by vsaimoponimaniye. Imenno etogo zhдут predprinimateli ot vlastey // *Interfaks Vremia*. 18 November 1999. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/2827279> (accessed 23 July 2012).
- 10 *Kostyuk E.* Op. cit., para. 11.
- 11 See: *Buyske G.* Banking on Small Business : Microfinance in Contemporary Russia. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2007. P. 84.
- 12 See: *Levinskiy A.* Predprinimateli protiv chinovnikov // *Vremia MN*. 29 October 1999. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/2447030> (accessed 19 July 2012), para. 2.
- 13 See: *Krayniy V.* Op. cit., para. 6.
- 14 *Zveryev I.* «U malogo biznesa net bol'she illyuziy» // *Nezavisimaya Gazeta*. 7 October 1999. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/327673> (accessed 23 July 2012), para. 6.
- 15 Ibid, para. 8.
- 16 See: *Levinskiy A.* Op. cit., para. 5.

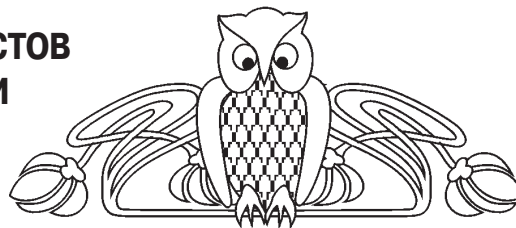

- ¹⁷ Ibid, para. 4.
- ¹⁸ See: *Buyske G.* Op. cit. P. 83.
- ¹⁹ See: *Antipina I.* Bol'shaya pobeda malogo biznesa // Komsomol'skaia Pravda. 27 November 1999. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/3257754> (accessed 23 July 2012).
- ²⁰ Ibid, para. 5.
- ²¹ See: *Buyske G.* Op. cit. P. 84.
- ²² See: Biznes Organizatsiya Strategiya Sistemy. Byurokraty protiv byurokratizma. 2001. Available at: <http://www.bossmag.ru/view.php?id=989> (accessed 5 October 2012).
- ²³ See: *Zubareva S.* Zakonoproektnyi Portfel // Ekonomika i Zhizn. 19 December 2008. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19371603> (accessed 19 July 2012).
- ²⁴ See: *Zamulin O.* Ottepel' // Ekspert. 2003: 52, April 7, para. 3.
- ²⁵ See: Istoriya. 2013 // Delovaya Rossiya. Available at: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=27> (accessed 5 February 2014).
- ²⁶ See: *Buyske G.* Op. cit. P. 86.
- ²⁷ The Eurasia Foundation is an NGO founded in 1992 under the auspices of the United States Agency for International Development to support development projects in the former Soviet Union. Available at: <http://www.eurasia.org/about-us/faq#8> (accessed 5 February 2014).
- ²⁸ OPORA Rossii(a). O Nas. n.d. Available at: <http://new.opora.ru/about> (accessed 2 May 2014).
- ²⁹ See: *Borozdina C., Sokolovskaya M.* Tri goda bez prava proverki // Tikookeanskaia Zvezda. 19 September 2003. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/5308405> (accessed 13 August 2012), para. 6.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid, para. 11.
- ³² See: Malye predpriyatiya v Rossii tratyat 10 prots ot vyruchki na razlichnye nezakonnye vyplaty – G.Gref. // Delo. 7 June 2007. Available at: http://sia.ru/?id=5120§ion=410&action=show_news (accessed 27 January 2011).
- ³³ See: Rukovoditel' ispolkoma «Delovoy Rossii» Nikolay Ostarkov vystupil na parlamentskikh slushaniyakh // Delovaya Rossiya. 8 July 2008. Available at: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=50&doc=5193> (accessed 20 August 2012).
- ³⁴ See: Interview by author. Business Journalist (18 April 2012).
- ³⁵ See: Developments in Russian SME Policy, Including Implementation of the New Law on SME Support, 2009 // RCSME. 2009. Available at: www.rcsme.ru/library/df/7932/11850/ (accessed 4 May 2014).
- ³⁶ Ibid. P. 4.
- ³⁷ See: *Antonenko A.* Otoiti ot formal'nogo podhoda // Vostochno-Sibirskaya Pravda. 15 December 2009. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/21065244> (accessed 27 January 2011).
- ³⁸ See: Developments in Russian SME Policy, Including Implementation of the New Law on SME Support, 2009.
- ³⁹ See: Pri prokuraturakh sub'yektov Federatsii budut sozdany Obshchestvennyye sovery po zashchite malogo i srednego biznesa // Delovaya Rossiya. 29 July 2008. Available at: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=50&doc=5398> (accessed 20 August 2012).
- ⁴⁰ Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 15 maya 2008 g. N 797 // Rossiiskaia Gazeta. 15 May 2008. Available at: <http://www.rg.ru/2008/05/17/biznes-podderjka-dok.html> (accessed 18 October 2012).
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² See: RIA Novosti. Delovaya Perspektiva. December 18, 2001. Available at: <http://www.ofdp.ru/hotline/smbus/putin-181201.shtml> (accessed 3 March 2014).
- ⁴³ See: *Zubareva S.* Op. cit.
- ⁴⁴ See: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 15 maya 2008 g. N 797.
- ⁴⁵ *Granik I.* Iurlitsam zaschitali prava // Kommersant. 15 December 2008. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19348980> (accessed 19 July 2012), para. 6.
- ⁴⁶ See: *Ivanchenko T.* Razbudit' zakon // Tverskaya Zhizn'. 18 August 2009d. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/20525725> (accessed 23 February 2011), para. 5.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ See: Programma Antikrizisnykh Mer Pravitel'stva Rossii'skoi' Federatsii na 2009 god // Parlamentskaia Gazeta. 20 March 2009. Available at: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19765690> (accessed 18 July 2012).
- ⁵⁰ See: *Orlova M.* Parnoe moloko i zakon. October 2009. Available at: <http://www.karavan.tver.ru/html/n1220/article4.php3> (accessed 24 February 2011), para. 7 ; Krasnodarskaya OPORA nachala sbor podpisyei po reforme ESN // OPORA Rossii. 29 October 2010. Available at: http://www.opora.ru/regional/829/5965/all_news/#collapsed/2277/ (accessed 2 March 2011).
- ⁵¹ Ibidem.

УДК 32.019.5

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ МАСС-МЕДИА В. БЕНОЙТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (на примере статей «Российской газеты» о президентских выборах 2012 г.)

А. А. Казаков, А. В. Савинов, Б. Н. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Авторы раскрывают исследовательский потенциал функциональной теории В. Бенюта: показывают, какие возможности она дает при анализе медиа-текстов и какие ограничения при этом возникают. Эмпирическую базу анализа составили статьи «Российской газеты» о президентских выборах 2012 г.

Ключевые слова: функциональная теория, президентские выборы, масс-медиа, «Российская газета».

W. Benoit's Functional Theory of Mass Media Stories' Analysis: Capabilities and Limitations (as Exemplified by Articles of «Rossiyskaya Gazeta» about Presidential Campaign–2012)

А. А. Kazakov, A. V. Savinov, B. N. Shestov

The article examines explorative potential of Benoit's Functional Theory. The authors demonstrate its capabilities for analysis of mass-media stories and show factors that limit theory's applicability. Stories about presidential campaign-2012 run by «Rossiyskaya Gazeta» have formed the empirical base of this research.

Key words: functional theory, presidential election, mass media, «Rossiyskaya Gazeta».

В российской науке попытки анализа медийного освещения какого-либо политического субъекта, явления или процесса предпринимаются достаточно часто. Отечественные коммуникативисты охотно исследуют создаваемые средствами массовой информации образы отдельных политиков, партий или идеологий, сравнивают отношение различных масс-медиа к происходящим событиям, изучают многочисленные способы воздействия журналистов на массовое сознание их аудиторий. При этом, как нам представляется, в части подобных работ нередко можно обнаружить два уязвимых места.

Первое – это отсутствие четко определенного методологического инструментария. К большому сожалению, далеко не всегда ученые вообще считают нужным прописывать в своих работах те теоретико-методологические принципы, которыми они руководствовались, проводя собственное исследование. К тому же, если к данному сюжету все же обращаются, то зачастую эта методологическая основа формулируется во многом произвольно, спонтанно и в чем-то даже

по наитию: автор интуитивно выбирает метод, при помощи которого, по его мнению, можно решить ту или иную исследовательскую задачу. Однако далеко не всегда избранный таким образом аналитический инструмент (и уж тем более часто сугубо произвольный порядок его использования) действительно позволяет получить надежные и верифицируемые результаты.

На наш взгляд, отчасти эта проблема объясняется тем, что в отечественной политической коммуникативистике до сих пор очень мало хорошо апробированных, доказавших свою состоятельность и потому разделяемых многими методологических подходов. К числу таковых с определенной долей условности могут быть отнесены хорошо всем известные контент-, ивент-, интент- и дискурс-анализ. Но, во-первых, ни один из них не лишен недостатков. Во-вторых, не всегда есть возможность применять эти методы должным образом – с соблюдением всех необходимых процедур и требований (в первую очередь, имеем в виду недостаточную оснащенность большинства научных лабораторий соответствующим программным обеспечением). И, наконец, в-третьих, иногда названные методы просто не подходят для решения определенной исследовательской задачи.

Второе уязвимое место – субъективизм трактовок и выводов. В подавляющем большинстве случаев, даже если исследование имеет солидную методологическую базу, автор интерпретирует собранные эмпирические данные исключительно самостоятельно. Скажем, анализируя тексты масс-медиа, ученый сам, в одиночку принимает решение о том, какой характер имеет то или иное высказывание, какова главная мысль/тема статьи, коннотация упоминания конкретного политика и т. д. При этом собственное мнение на этот счет как бы по умолчанию воспринимается ученым как абсолютно объективное, непредвзятое и правильное. Вместе с тем совершенно очевидно, что оценки и суждения каждого из нас в той или иной степени находятся под влиянием собственного опыта, пристрастий и ощущений. Стало быть, получаемые в результате такого «индивидуализированного» анализа выводы неминуемо носят оттенок субъективизма.

Как результат наличия этих «проблемных зон», имеем множество фрагментированных трудов, выполненных в соответствии с абсолютно различными, «авторскими» подходами и опираю-

щихся на во многом субъективные интерпретации данных. Следовательно, отсутствует возможность сравнивать результаты схожих исследований, сопоставлять использовавшиеся алгоритмы, выявлять наиболее эффективные из них и в конечном итоге – развивать методологический аппарат отечественной коммуникативистики.

В этой связи в данной статье мы предлагаем вариант использования достаточно распространенной на Западе теории, которая, на наш взгляд, в определенной степени позволяет устранить часть из отмеченных выше проблем. Речь идет о функциональной теории анализа медиа-текстов, посвященных электоральной тематике, профессора университета Огайо (США) В. Бенойта¹. Ее суть состоит в следующем.

Для анализа материалов масс-медиа о выборах каждую статью необходимо разделить на ряд тезисов (themes) – частей текста, содержащих изложение одной, более или менее независимой от других идеи². Затем каждый из выделенных тезисов должен быть оценен, или «закодирован», по трем параметрам.

Первый из них – это тема (topic) тезиса. В соответствии с функциональной теорией В. Бенойта, все многообразие тем условно может быть разделено на шесть видов:

- 1) политические инициативы, идеи и предложения кандидатов (policy);
- 2) личные качества кандидатов на пост главы государства (character);
- 3) реакция избирателей на те или иные события (voter's reaction);
- 4) скандалы вокруг и в ходе выборов (scandals);
- 5) информация о ходе избирательной кампании: деятельность ЦИКа, формирование корпуса доверенных лиц и наблюдателей и т. д. (election information);
- 6) «предвыборная гонка» (horserace). Данная тема, в свою очередь, может быть разделена на 4 подблока³:

- а) «предвыборная гонка – стратегии»: анализ планов и замыслов кандидатов по ведению предвыборной кампании (horse race – strategy);
- б) «предвыборная гонка – события»: освещение мероприятий с участием нескольких кандидатов (horse race – events);
- в) «предвыборная гонка – опросы общественного мнения» (horse race – polls);
- г) «предвыборная гонка – прогнозы результатов выборов»: рассуждения о вероятном исходе голосования (horse race – predictions).

Второй параметр дифференциации тезисов – это их источник (source). Предполагается, что источником (т. е. автором) конкретного тезиса может быть либо журналист (reporter), либо кандидат (candidate), либо его сторонник (supporter), либо кто-то другой (other).

Наконец, третий параметр – это тон (tone) тезиса. Согласно функциональной теории В. Бе-

нойта, тон высказывания может быть позитивным (acclaims / positive statements), негативным (attacks / negative statements) или «оборонительным» (defenses / refutations of attacks). Учитывая то обстоятельство, что в статьях анализировавшегося нами издания последний вид практически не встречался, мы приняли решение заменить «оборонительный» тон на нейтральный.

Эмпирическую базу нашего анализа составили статьи «Российской газеты», опубликованные с 6 февраля по 2 марта 2014 г.⁴ – т. е. фактически в период за один месяц до выборов Президента России, прошедших 4 марта. Всего за это время вышло 19 номеров издания, в которых в общей сложности содержалось 78 материалов о выборах. Из них для анализа мы отобрали тридцать статей: каждую первую и – в одиннадцати случаях – дополнительно каждую третью публикацию из февральских номеров.

После этого нами был разработан специальный кодировочный бланк, в котором было четко прописано, что понимается под каждой из разновидностей темы, источника и тона тезиса, а также содержалась таблица, которую необходимо было заполнить. Перед тем как каждый из нас «закодировал» тридцать попавших в нашу выборку статей для отработки механизма кодировки и выявления потенциальных проблем было проведено тестовое исследование. Устранив возникшие при этом трудности и шероховатости, мы перешли к работе непосредственно с тридцатью статьями «Российской газеты».

Прежде чем изложить результаты проведенного подобным образом анализа, считаем необходимым отдельно упомянуть еще об одном аспекте. Функциональная теория В. Бенойта предполагает, что выводы, получаемые «кодировщиками» текстов, тем надежнее, чем больше степень совпадения между их оценками. Для расчета этого параметра применительно к нашей работе мы использовали каппу Флейса⁵. Если между кодировщиками полное согласие, то $\kappa = 1$, если нет согласия кроме того, которое может быть достигнуто случайно, то $\kappa \leq 0$. В нашем же случае κ составила 0.75.

Нужно отметить, что единой трактовки показателей к на сегодняшний день нет. Дж. Ландис и Г. Кох, например, предложили следующую таблицу интерпретации значений κ ⁶:

<0	Плохое согласие
0.01–0.20	Слабое согласие
0.21–0.40	Удовлетворительное согласие
0.41–0.60	Среднее согласие
0.61–0.80	Значительное согласие
0.81–1.00	Почти полное согласие

Существуют также и другие варианты интерпретации каппы Флейса, но все они сходятся

в том, что значения выше 0.6 являются достаточно хорошим уровнем согласия. В наших исследованиях среднее значение $1 - \bar{P}_c$ было 0.49, а реально достигнутое $\bar{P}_g - \bar{P}_c$ 0.38, что также говорит о том, что мы добились весьма неплохого уровня согласия. Этот факт дал основания для того, чтобы можно было высчитать средние арифметические величины наших «кодировок» (отдельно – по различным вариантам тем, ис-

точников и тона) и впоследствии работать уже с ними. Полагаем, что тем самым удалось значительно снизить степень субъективности наших оценок – в особенности по сравнению с ситуацией, когда анализом отобранных статей занимался бы один человек.

Теперь – непосредственно о результатах нашего исследования. В процентном отношении девять возможных тем выделенных тезисов распределились следующим образом (рис. 1):

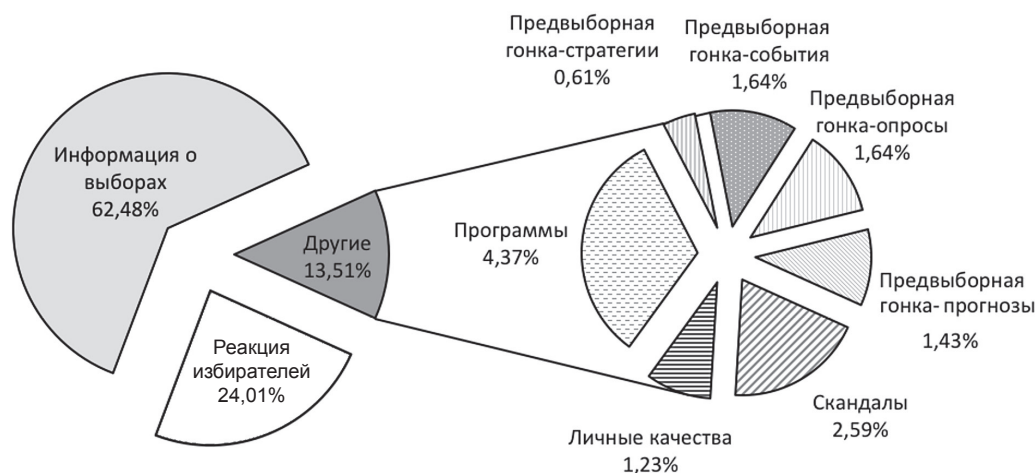

Рис. 1. Соотношение тем в статьях «Российской газеты»

Абсолютное большинство (62,48%) тезисов было расценено нами как информация о ходе избирательной кампании. Иными словами, как сообщения обо всем том, что было «вокруг» выборов: деятельность ЦИКа и Общественной палаты, формирование корпуса наблюдателей и доверенных лиц, подготовка избирательных участков, прочие события и мероприятия. Чуть более 24% тезисов попали в категорию реакции избирателей. Чаще всего это были репортажи о предвыборных митингах либо же мнения отдельных лиц по поводу выборов.

Обсуждение политических намерений и программных заявлений кандидатов встретилось нам лишь в 4,37% случаев. На наш взгляд, это может быть косвенным свидетельством того, что реального соперничества кандидатов на тех выборах практически не было. Расхождения в политических взглядах и программах претендентов на президентство если и были, то явно не играли существенной роли. А потому и на страницы «Российской газеты» они попадали нечасто.

Об этом же, по всей видимости, говорят еще меньшие удельные веса таких тем, как скандалы, личные качества кандидатов и разные вариации «предвыборной гонки». В условиях, когда исход выборов был очевиден заранее, заострять внимание на данных сюжетах не имело особого смысла. Любопытно отметить, что в США ситуация в этом отношении прямо противоположная. Так, проанализировав характер освещения

президентских кампаний за 1950–2000 годы в «Нью-Йорк Таймс», автор функциональной теории анализа материалов СМИ В. Бенейт пришел к выводу, что чаще всего американские журналисты пишут о предвыборной гонке (40%), качествах кандидатов (31%) и их политических программах (25%). На долю же самого популярного у их российских коллег раздела – информация о выборах – за океаном приходится ничтожные 0,1%⁷.

Определенные расхождения между российским и американским изданиями обнаруживаются и в отношении источников тезисов (рис. 2).

Как видим, основным источником информации вполне ожидаемо оказался сам журналист. На втором месте – «кто-то другой», т. е. любой человек, кроме автора статьи, кандидатов и их сторонников. Чаще всего это были сотрудники ЦИКа, общественные деятели, эксперты и т. д. Обращает на себя внимание тот факт, что удельные доли слов журналиста и цитат (либо же пересказа), слов «кого-то другого», по большому счету, соизмеримы друг с другом. Рискнем предположить, что это может быть частью редакционной политики «Российской газеты» – по возможности высказывать не личное мнение, а ссылаться на позицию другого человека (чья точка зрения, правда, в большинстве случаев совпадает с авторской), тем самым придавая своим материалам большую объективность (или видимость объективности).

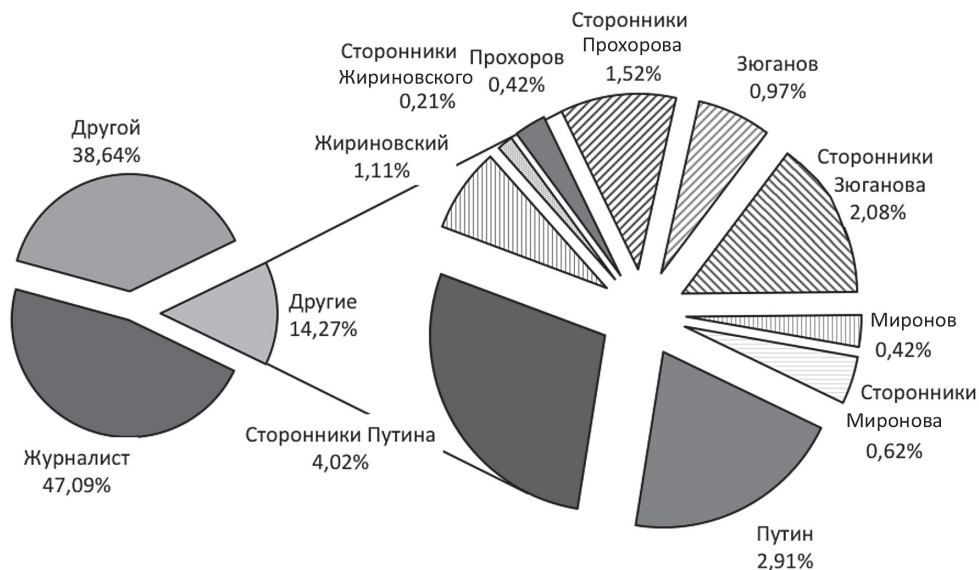

Рис. 2. Соотношение источников в статьях «Российской газеты»

На долю всех пяти кандидатов и их сторонников в отечественном издании приходится всего 14,26%. На наш взгляд, это также может быть связано с отмеченным выше характером выборов 2012 г.: коль скоро исход кампании сомнений не вызывал, о политической борьбе кандидатов писали мало, следовательно, и особой необходимости в разъяснении их позиций не было.

По результатам исследования В. Бенойта, за океаном, так же как и у нас, журналист тоже является самым частым источником тезиса (44%). На втором и третьем местах там располагаются кандидаты (35%) и их сторонники (16%) (в России на их долю приходится 5,85 и 8,41% соответственно) и, наконец, на последнем – «кто-то другой» (5%) (у нас, напомним, это 38,64%). О чем могут говорить такие различия? На наш взгляд, все о том же – об уровне состязательности президентской кампании. Там, где есть реальная конкуренция и борьба, закономерно больше внимания уделяется позициям непосредственных участников выборного процесса. Отсюда и больший объем их присутствия в качестве источников тезисов в публикациях прессы.

Несмотря на сравнительно малую долю случаев, когда источником высказываний в статьях «Российской газеты» выступали кандидаты и их сторонники, мы решили отдельно проанализировать, кто из них чаще попадал на страницы газеты, а кто – реже. Суммировав тезисы за авторством конкретного кандидата и всех его сторонников, мы получили следующие результаты (рис. 3).

Вполне ожидаемо чаще всего – в 49% случаев – приводились слова и позиции В. Путина и его сторонников. Отчасти это могло быть связано с тем, что на тот момент он занимал должность Председателя Правительства Российской Федерации, потому объективно имел больше возмож-

ностей публично озвучивать собственное мнение. Допускаем также, что и количество сторонников (особенно хорошо всем известных людей) у В. Путина было тогда гораздо больше, чем у любого другого кандидата. Однако скорее всего решающими факторами, предопределившими лидерство данного политика по этому показателю, стали, с одной стороны, уверенность журналистского коллектива «Российской газеты» в его победе на выборах и, учитывая статус издания (официальный печатный орган Правительства РФ), желание максимально способствовать этой победе – с другой.

Косвенно в поддержку высказанного предположения говорит и тот факт, что объем внимания, уделенного анализируемым изданием конкретному политику, четко коррелирует с результатами выборов. Напомним, что по итогам избирательной кампании кандидаты в президенты финишировали в таком порядке: В. Путин (64%), Г. Зюганов (18%), М. Прохоров (8%), В. Жириновский (6%), С. Миронов (4%)⁸. Иными словами, процент «присутствия» кандидатов в «Российской газете» достаточно явно перекликается с тем, насколько успешно они финишировали в предвыборной гонке.

Обращая внимание на эту закономерность, мы, тем не менее, вовсе не утверждаем, что объем внимания, которое уделялось «Российской газетой» тому или иному кандидату, решающим образом повлиял на итоги народного волеизъявления. Разумеется, это не так. Скорее, имело место другое – интуитивное предвидение исхода выборов и, вполне возможно, определенное желание «сыграть на усиление/ослабление» позиций конкретного политика.

Проанализировав тон высказываний в отношении кандидатов, мы еще более укрепились в этом мнении (рис. 4).

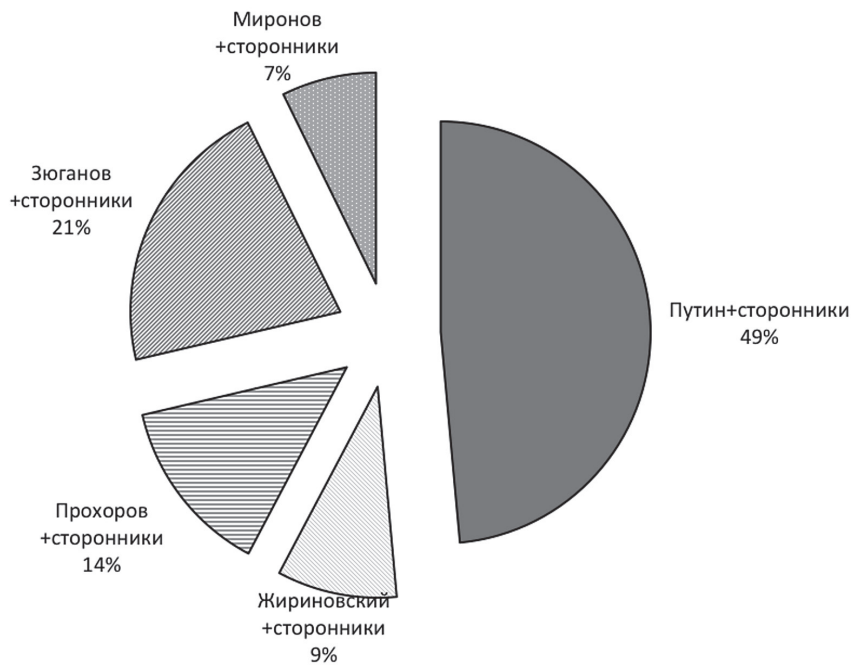

Рис. 3. Соотношение источников, имеющих отношение к отдельным кандидатам, в статьях «Российской газеты»

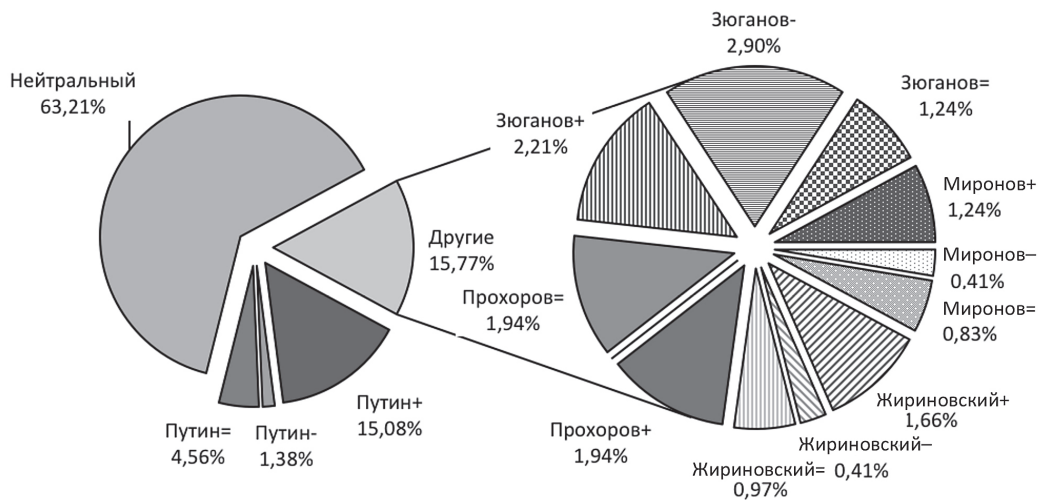

Рис. 4. Тональность тезисов в статьях «Российской газеты»

Прежде всего, поясним, что нейтральный тон без привязки к какому-либо кандидату выбирался нами тогда, когда речь в статьях «Российской газеты» шла о выборах вообще и при этом участвовавшие в них политики не упоминались. Тон в отношении конкретного человека считался позитивным, когда либо журналист отзывался о нем положительно, либо приводились слова самого кандидата или его сторонника без негативных комментариев со стороны автора статьи⁹; нейтральным – в случае простого упоминания кандидата без явно выраженных позитивных или негативных коннотаций; негативным – при критике кандидата со стороны журналиста или другого кандидата.

Очевидно, что оценка тона конкретного высказывания – наиболее «субъективный» момент нашего исследования. Свести субъективизм к минимуму мы, повторимся, пытались за счет использования независимого кодирования и проведения предварительных тестовых исследований для выработки единых подходов к оценке тональности тезисов. В итоге степень достоверности наших оценок по тону (каппа Флейса) составила 0.74.

Говоря непосредственно о результатах оценки тона тезисов, нужно отметить более чем трехкратное превосходство количества позитивных высказываний о В. Путине над негативными – 15,08% против 4,56%. Нечто подобное мож-

но наблюдать лишь в отношении С. Миронова. Однако, учитывая значительно меньшую частоту упоминаний лидера «Справедливой России» (1,24 и 0,41% случаев соответственно), можно сказать, что похвала и критика в его адрес вряд ли вообще имели какой-то эффект. У остальных же кандидатов разница между «позитивом» и «негативом» не была столь существенной.

При этом обращают на себя внимание два весьма любопытных факта. Первый: единственным, в отношении кого негативный тон преобладал над позитивным, был Г. Зюганов. Второй: в отношении М. Прохорова мы не встретили ни единого случая использования «отрицательной» тональности. Позволим себе предположить, что это вовсе не случайно. Вполне может быть, что таким образом «Российская газета» намеренно пыталась, с одной стороны, «сыграть на понижение» в отношении кандидата-коммуниста, в котором она видела главного конкурента В. Путина, и, с другой стороны, преподнести в более выгодном свете «нового человека» в российской политике, М. Прохорова – в том числе и для того, чтобы отнять часть протестного электората у Г. Зюганова. Как бы там ни было, но выбор определенного тона при упоминании конкретного кандидата, на наш взгляд, является достаточно эффективным способом воздействия на аудиторию.

Подводя итог анализу освещения президентской кампании 2012 г. «Российской газетой», считаем необходимым оценить общий исследовательский потенциал функциональной теории В. Бенойта. Полагаем, что, как и у практически любой другой методологической конструкции, у нее есть свои достоинства и недостатки.

К первым, вне всяких сомнений, следует отнести возможность получения более объективных результатов. Использование механизма независимого кодирования элементов текстов позволяет значительно снизить влияние личностных предпочтений и установок ученого. При этом, представляется, что чем больше кодировщиков работают с текстом, тем более надежными получаются результаты. При условии, разумеется, что все кодировщики одинаково понимают условия оценки анализируемого материала.

Функциональная теория анализа медиа-текстов электоральной направленности дает также возможность вычленения единых показателей (темы, источника и тона тезисов) и тем самым – выработку общего алгоритма исследования. Как следствие, появляется возможность проведения «типовых» научных изысканий различными коллективами авторов, сравнения получаемых ими результатов и – в перспективе – совершенствования самой теории.

В отдельных случаях методологический подход В. Бенойта позволяет определить общую «политическую направленность» конкретного

средства массовой коммуникации – выявить политиков, которым издание симпатизирует или, напротив, склонно критиковать, вычленить особенности формируемой журналистами информационной повестки дня, сделать выводы относительно предпочитаемого ими способа изложения материала и используемого подстиля языка масс-медиа.

Вместе с тем, несмотря на все это, абсолютизировать данную теорию тоже нельзя. Прежде всего, она ориентирована только на тексты по выборной тематике. К тому же она чрезвычайно трудоемка. Как уже отмечалось, для получения объективных выводов необходимо задействовать нескольких (минимум трех) независимых кодировщиков. Предварительно с ними нужно провести подготовительную работу и осуществить пробное исследование. В дальнейшем для определения степени совпадений их оценок требуется использование математических расчетов коэффициентов совпадений (в нашем случае это была каппа Флейса, однако существуют и другие аналогичные каппы).

Более того, на наш взгляд, использование функциональной теории особенно оправданно в том случае, если анализу подвергаются либо несколько источников (тогда появляется возможность их сравнения между собой), либо одно издание, но в динамике – для выявления тенденций и фиксации закономерностей. Однако все это делает проведение исследования по данной методике еще более энерго- и ресурсозатратным.

Учитывая специфику российской политики, пришлось корректировать отдельные компоненты теории В. Бенойта. В частности, мы были вынуждены отказаться от тех «тем», которые практически не встречаются в отечественных электоральных кампаниях (или, по крайней мере, не находят своего отражения в прессе), и ввести отдельные корректировки, которые позволили бы выявить «склонность» или симпатию издания к тому или иному политику. Словом, в чем-то эту теорию приходится подстраивать под условия, отличные от тех, для анализа которых она изначально предназначалась.

Вместе с тем в целом, несмотря на определенные ограничения и издержки, мы убеждены в том, что функциональная теория анализа материалов масс-медиа может быть весьма эффективным механизмом получения нового знания о политике.

Примечания

- ¹ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K. A. New York Times' Coverage of American Presidential Primary Campaigns, 1952–2004 // Human Communication. A Publication of the Pacific and Asian Communication Association. 2010. Vol. 13, № 4. P. 259–280 ; Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J. New York Times' Coverage of Presidential Campaigns // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2005. Vol. 82, № 2. P. 356–376.*

- 2 Как правило, по объему это один абзац или – в случае если в нем содержится сразу несколько автономных идей – меньше.
- 3 На самом деле в своем оригинальной варианте функциональная теория В. Бенойта предполагает наличие не четырех, а восьми подблоков в рамках «предвыборной гонки»: помимо уже упомянутых, это «сбор средств на кампанию» (fund raising), «финансовые траты кандидатов» (spending), «определение избирателей со своим выбором» (vote choice) и «публичная поддержка» (endorsements). Однако, так как в отобранных статьях подобных сюжетов практически не было, мы решили вовсе не брать их в расчет.
- 4 Учитывая то, что 4 и 5 февраля, а также 3 и 4 марта пришлось на субботу и воскресенье – дни, когда «Российская газета» не выходит, анализируемый период оказался чуть меньше изначально планировавшегося одного месяца.
- 5 Эта статистическая величина показывает уровень согласия с учетом возможного случайного согласия. В качестве входных данных задается таблица с необходимым количеством тезисов (themes) и категорий, присваиваемых им. В итоге получаем данные, насколько наблюдаемый уро-

вень согласия превышает уровень, если бы все кодировщики обозначали все темы абсолютно случайным образом. Формула для вычисления каппы выглядит так:

$$K = \frac{\bar{P}_a - \bar{P}_c}{1 - \bar{P}_c}, \text{ где } 1 - \bar{P}_c \text{ показывает степень согласия, до-}$$

стижимую над случайным, а $\bar{P}_a - \bar{P}_c$ – реально достигнутой степени согласия над случайным уровнем.

- 6 См.: Landis J. R., Koch G. G. The measurement of observer agreement for categorical data // Biometrics. 1977. Vol. 33. P. 159–174.
- 7 См.: Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J. Op. cit.
- 8 См.: Официальные итоги выборов Президента РФ 4 марта 2012 г. // Центральная избирательная комиссия России : [офиц. сайт]. URL: http://www.vybor.yzbiirkom.ru/region/region/izbiirkom?action=show&root=1&tvd=100100031793509&vrn=100100031793505®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100031793509&type=226 (дата обращения: 23.05.2014).
- 9 На наш взгляд, сам факт того, что позиция кандидата или его сторонника приводится на страницах одного из ведущих изданий страны, вполне можно расценивать как позитивный для данного политика момент.

УДК 323.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НКО И ВЛАСТИ В ГОРОДЕ НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ (по материалам эмпирического исследования)

Г. Ю. Носаненко

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: gnosanenko@mail.ru

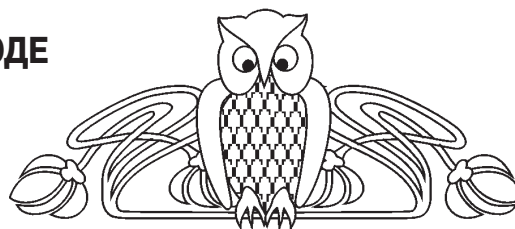
Статья представляет собой результат исследования третьего сектора Республики Татарстан, в частности города Набережные Челны. Особое внимание уделяется характеру, способам и моделям взаимодействия некоммерческих организаций (НКО) с органами власти. Выявлены основные характеристики НКО города: их немногочисленность, локальный характер, тесная связь с муниципальной властью. Определено, что взаимодействие НКО с органами власти соответствует патерналистской модели.

Ключевые слова: третий сектор, некоммерческая организация, власть, межсекторное социальное партнерство, муниципальная власть, патерналистская модель взаимодействия.

Interaction Between NGOs and the Authorities in the City of Naberezhnye Chelny (Based on Empirical Studies)

G. Yu. Nosanenko

The article is a study of the third sector of the Republic of Tatarstan, in particular the city of Naberezhnye Chelny. Special attention is paid to the nature, methods and models of interaction between NGOs and authorities. The basic characteristics of NGOs city: their low number, of local character, close communication with municipal authorities. Determined that the interaction between NGOs and the authorities corresponds to the paternalistic model

Key words: third sector, nonprofit organization, government, intersectoral social partnership, municipal authorities, paternalistic model of interaction.

Некоммерческий сектор в современном российском обществе начинает восприниматься в качестве эффективного поставщика услуг, способного оперативно реагировать на потребности жителей той или иной территории, что, несомненно, вызывает к нему все больший интерес как со стороны отдельных граждан, так и со стороны государства, пытающегося выстроить с ним определенные механизмы взаимодействия. Актуальность развития таких отношений нашла свое отражение в Концепции долгосрочного социально экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹. Однако говорить о сложившейся гибкой, демократической системе взаимодействия государства и НКО, построенной на взаимном доверии и реализации партнерских проектов, пока рано. В то же время необходимо отметить, что это взаимодействие осуществляется, с одной стороны, множеством муниципальных и государственных институтов,

с другой – целым спектром некоммерческих организаций, имеющих свою специфику и зависящих от общественно-политической ситуации как в стране в целом, так и в регионе и на местах. Поэтому России с ее разнообразными субъектами необходимо понять не только, какие модели сегодня используются, но и как сделать процедуру взаимодействия власти и НКО на местах более открытой, транспарентной и эффективной. Все это подогревает интерес к исследованиям на региональном и местном уровнях².

Для определения форм и моделей взаимодействия НКО и органов власти в Республике Татарстан центром политико-правовых исследований Нижнекамского филиала Института экономики, управления и права (г. Казань) при поддержке Общественной палаты Республики Татарстан в 2013 г. были проведены исследования некоммерческого сектора городов республики (по методике разработанной ГУ ВШЭ)³. Автор данной статьи руководил определением Индекса устойчивости НКО г. Набережные Челны, составлял список НКО города, устанавливал контакт с реально работающими организациями и проводил опрос их руководителей. Результаты этой работы и легли в основу статьи.

В современной России все большую роль в процессе решения общественных проблем начинает играть социальное межсекторное партнерство, суть которого раскрывается Лестером Саламоном в предложенной им модели происхождения третьего сектора (теория изъянов государства и рынка и теория доверия)⁴, работах зарубежных ученых, занимающихся кросс-секторным (мульти-секторным) партнерством, например М. Джоргенсена⁵, трудах российских ученых по межсекторному взаимодействию – Л. И. Никовской, В. Н. Якимца⁶ и др. В рамках данного подхода предполагается реализация следующих моделей взаимодействия НКО и власти: 1) партнерская модель, представленная «моделью садовника» и «моделью архитектора». Первая основана на том, что органы власти всех уровней создают правовые и организационные возможности для работы независимых НКО, всячески содействуют их развитию, последняя – предполагает, что НКО еще и формируют публичную политику; 2) патерналистская модель или модель «приводных ремней», основанная на доминировании власти.

Однако А. Ю. Сунгуров отмечает, что в России в последние годы отчетливо оформились две основные тенденции во взаимодействии Российского государства и гражданского общества. Часть организаций гражданского общества, рассматривая многие действия российского руководства как угрозу демократии как таковой, стали все больше дистанцироваться от властных структур. Другое направление представляют неправительственные организации, не желающие уходить в поле политической борьбы и готовые

взаимодействовать с властными структурами пусть и в рамках предлагаемых государством процедур⁷. Таким образом, добавляются еще две возможные модели взаимодействия НКО и власти: 1) модель конфронтации или «борьбы с противником»; 2) модель игнорирования – отсутствия взаимодействия.

Отметим, что все упомянутые модели предполагают различную степень вовлеченности НКО в политический процесс, которую Шерри Р. Арнштейн упрощенно представил в виде восьмиступенчатой лестницы типов участия, уровни которой объединены в три группы: неучастие, имитация участия и гражданское управление⁸, а российское законодательство предусматривает разнообразные формы взаимодействия, которые условно можно разделить на две группы: экономические, включающие различные материально-финансовые формы поддержки НКО со стороны власти, и неэкономические, предполагающие совместные действия – двухсторонние консультации, информационную поддержку и т. п.

Нашей задачей в процессе исследования было определение основных форм и моделей взаимодействия НКО и органов власти города Набережные Челны, а также предсказание возможных сценариев их дальнейшего развития.

Набережные Челны – это монопромышленный город, имеющий свою специфику, выражающуюся в отсутствии полноценной социокультурной среды. По данным Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, в городе и районе зарегистрировано 451 НКО, т. е. на тысячу человек приходится 0,8 организации. В процессе исследования выяснилось, что наиболее активными на сегодняшний момент являются НКО, созданные в период с 2006 по 2013 гг. (они составили 78% от всех «живых» НКО города), которые предоставляют услуги населению в самых разных направлениях жизнедеятельности, таких как: социальная поддержка и защита граждан, культурно-просветительная деятельность, содействие укреплению престижа семьи в обществе, духовное развитие личности, защита экономических и политических прав граждан, развитие гражданского общества и др.

Внутреннюю структуру сектора можно охарактеризовать как малочисленную: 43% НКО имеет от 1 до 5 штатных сотрудников; 17% – от 6 до 10; еще 17% – от 11 до 30; 4% – более 31 сотрудника; 17% НКО сотрудников не имеют. В то же время третий сектор города является достаточно сплоченным. Большинство руководителей набережночелнинских НКО подтвердили, что они активно взаимодействуют с другими организациями третьего сектора. Так, 48% руководителей заявили, что их организация взаимодействует с НКО, работающими в городе в той же сфере, что и они; 20% взаимодействует с НКО, функционирующими в республике в той же сфере, что и они; 20% руководителей сказали, что

их НКО взаимодействует с другими НКО, работающими в городе, но в другой (иной) сфере, чем они; еще 5% взаимодействуют с организациями, функционирующими в республике в иной сфере; 2% имеют контакты с НКО, функционирующими на территории других регионов, и только 3% не взаимодействует ни с какими другими некоммерческими организациями; 2% затруднились ответить. Основными формами взаимодействия организаций третьего сектора между собой стало взаимное информирование, информационная поддержка (32%), совместная организация мероприятий и участие в целевых программах (19%), взаимные консультации (11%), создание объединенных рабочих групп (10%), совместный поиск источников финансирования и участие в грантовых конкурсах (10%), совместное приобретение или использование оргтехники, транспортных средств и совместная оплата труда сотрудников (бухгалтера, программиста) (8%), совместное оказание консультаций (третьей стороне) (4%), совместное обращение в СМИ (4%), совместная работа по распределению товаров (продуктов) среди нуждающихся (4%).

Налажен контакт и с представителями власти. По данным руководителей некоммерческого сектора, с органами местного самоуправления «безусловно часто» (43%) и «скорее часто» (40%) взаимодействовало за последний год 83% НКО и еще 17% ответили, что взаимодействовали, но «скорее редко». Причем 91% опрошенных заявили, что довольны таким взаимодействием, 10% затруднились ответить. Самыми распространенными формами такого взаимодействия стали: взаимное предоставление и получение информации и аналитики – 40%; участие в совместных с органами власти рабочих группах, переговорных площадках, согласительных и конфликтных комиссиях, общественных (координационных) советах – 26%; имущественная поддержка от органов власти – 12%; взаимное получение и предоставление методической помощи – 10%; участие в реализации муниципальных программ (без социального заказа) – 4%; предоставление образовательных программ для муниципальных служащих – 4%; получение муниципальных грантов – 4%.

На вопрос о взаимодействии НКО с региональными органами государственной власти за последний год ответы респондентов распределились следующим образом: «безусловно часто» – 0%; «скорее часто» – 65%; «скорее редко» – 13%; «безусловно не часто» – 13%; «затрудняюсь ответить» – 9%. Остались довольны таким взаимодействием 74% руководителей, среди которых 9% отметили, что «безусловно довольны» и 65% – «скорее довольны». Основными формами взаимодействия НКО с органами власти на региональном уровне стали: взаимный обмен информацией (получение информации) – 38%; получение грантов – 21%; взаимная методическая

поддержка (получают методическую помощь) – 10%; участие в региональных программах без социального заказа – 7%; участие в совместных с органами власти общественных (координационных) советах – 5%; получение имущественной поддержки от власти – 5% и 14% отметили, что не взаимодействуют с региональными органами власти.

На аналогичный вопрос, только касающийся взаимодействия с федеральными органами власти, были получены следующие ответы. По поводу интенсивности взаимодействия: «безусловно часто» взаимодействуют с федеральной властью 0%; «скорее часто» – 9%; «скорее редко» – 26%; «безусловно не часто» – 35%; «затрудняюсь ответить» – 30%. Остались довольны таким взаимодействием – 13% (сразу оговоримся, что это те организации, которые получают от федеральной власти имущественную поддержку); 87% затруднились ответить. Основными формами взаимодействия НКО с органами власти на федеральном уровне стали: взаимный обмен информацией (получение информации) – 25%; получение имущественной поддержки – 13%; выполнение работы по контракту, не являющемуся социальным заказом, с органами власти, – 10%; участие в совместных с органами власти общественных (координационных) советах – 6% и 46% заявили, что не взаимодействуют.

Таким образом, мы видим, что наиболее интенсивным является взаимодействие некоммерческого сектора с органами местного самоуправления. И это не удивительно, так как 74% набережночелнинских НКО осуществляют свою деятельность на территории города и района и, соответственно, «заточены» в основном на решение местных проблем; 22% охватывают территорию одного субъекта и только 4% распространяют свою деятельность на территорию нескольких субъектов РФ в пределах одного федерального округа.

Опрос также показал, что большинство набережночелнинских руководителей третьего сектора лояльно настроены к властным структурам и считают, что они должны выстраивать партнерские отношения с органами власти. Так, 31% респондентов, отвечая на вопрос «С какими из приведенных высказываний по поводу взаимодействия органов власти и общественности Вы согласны?», выбрали следующие варианты: НКО и государственные учреждения – это партнеры, которые должны совместно решать проблемы граждан – 32%; НКО должны помогать государственным и муниципальным органам в их работе с населением – 26%; НКО могут брать на себя решение тех задач, на которые у государства не хватает финансовых ресурсов, – 11%; НКО могут участвовать в решении вопросов местного значения, если их затраты компенсируются со стороны органов власти, – 11%; НКО должны помогать населению в его конфликтах с государ-

ственными и муниципальными органами – 11%; НКО должны заниматься своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями, – 6%; НКО должны выступать в качестве подрядчика для реализации социальных программ, инициируемых властью, – 3%. Отметим и тот факт, что руководители, выбравшие последние два варианта ответов («не вступать в контакт с властями...») и «выступать в качестве подрядчика в социальных программах...»), на вопрос о том, встречались ли Вы со случаями неоправданного вмешательства государственных органов и органов местного самоуправления в деятельность НКО в городе за последние два года, в 9% утвердительно ответили на этот вопрос, 61% ответили «нет» и 30% затруднились ответить.

Аналогичным образом распределились и ответы на вопрос «Какую позицию, по Вашему мнению, по отношению к властям должны занимать НКО?». Так, 64% респондентов посчитали, что они должны совместно с властью выработать и реализовывать общественно важные программы; 16% ответили, что должны защищать интересы граждан перед органами власти; 8% – помогать власти в ее планах и начинаниях; 8% – использовать власть в решении своих задач; 4% – заниматься своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властью.

При этом ответы на вопрос «Какую позицию, по Вашему мнению, по отношению к властям занимает сейчас большинство НКО?» ответы распределились следующим образом: совместно с властью выработывают и реализуют общественно важные программы 30%; защищают интересы граждан перед органами власти 22%; занимаются своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями, 22%; помогают власти в ее планах и начинаниях 7%.

Можно предположить, что, несмотря на свою немногочисленность, набережночелнинский третий сектор уже вполне ясно осознает свою миссию и постепенно начинает претендовать на переход на более высокую «степень активности», соответствующей, по шкале Шерри Р. Арнштейн, ступеньке «партнерство». Таким образом, наиболее распространенные пока формы взаимодействия с властью, выраженные в обмене информацией и формальном участии в совместных слушаниях и консультациях, могут со временем перерасти во взаимодействие с реальным перераспределением полномочий.

Среди основных проблем НКО руководители выделили недостаток денежных, материальных средств – 38%, низкое качество финансового менеджмента в организации – 19%, недостаток информации, необходимой для работы, – 15%, проблемы доступа к СМИ – 8%, недостаток энтузиазма – 8%, проблемы со средствами связи, коммуникацией – 8%, и только 8% руководителей отметили, что проблем нет.

На вопрос «От кого в первую очередь Ваша организация ожидает реальной помощи или поддержки?» ответы распределились следующим образом: от местных (городских) властей – 49%, от коммерческих структур – 11%, от властей Республики Татарстан – 8%, от СМИ – 5%, от населения – 5%, от ученых, экспертного сообщества – 5%, от Общественной палаты РФ – 5%, от коллег – 5%. Ни от кого не ждут помощи 5% респондентов.

При этом большинство руководителей положительно оценили позицию, которую сейчас занимает государство в отношении НКО. На вопрос «Правильную ли позицию занимает государство в отношении НКО?» 7% ответили «да»; 57% – «скорее да»; 13% – «скорее нет»; 13% затруднились ответить. Однако необходимо помнить, что партнерские отношения между властью и гражданским обществом возможны только при условии реального разделения полномочий, добиться которого способны только сами граждане (НКО), так как власть, сколько бы она ни говорила о необходимости общественного контроля и т. д., добровольно свои позиции не отдаст. Поэтому НКО в этом вопросе следует проявить терпение и настойчивость, для чего необходимо добиться более высокой поддержки НКО со стороны активистов и улучшить финансовое положение для более свободного использования средств, в том числе и для оплаты нанятых собственных специалистов.

Степень интенсивности диалога между властью и гражданским обществом была оценена руководителями НКО следующим образом: 37% посчитали, что власть ведет диалог с довольно широким кругом организаций гражданского общества, но это организации, которые она предпочитает; 31% респондентов отметили, что созданы механизмы для обеспечения систематического диалога между государством и широким кругом самых разных организаций гражданского общества; 27% уверены, что власть устанавливает диалог только с малым кругом организаций гражданского общества и лишь в отдельных случаях; 4% сказали, что власть стремится вести широкий диалог, но это у нее не получается.

Со своей стороны для решения проблем третий сектор чаще всего предпринимал следующие действия: информировал граждан, СМИ или представителей органов власти по отдельным проблемам – 48%; формировал общественное мнение по отдельным проблемам – 9%; обеспечивал открытость и прозрачность власти – 9%; влиял на решения органов власти по отдельным проблемам – 4%; влиял на действия граждан и организаций – 4%; вовлекал общественность в непосредственную реализацию решений власти – 4%; никак не действовал – 13%; затруднились что-либо сказать по этому поводу 9%.

Основными формами, используемыми НКО для осуществления своих действий в этих целях,

были следующие: сбор подписей под обращениями депутатов и представителям исполнительной власти – 16%; участие в депутатских и общественных слушаниях – 10%; участие представителей организации в комиссиях и советах органов власти – 10%; отдельные публикации в СМИ – 10%; независимый мониторинг реализации актуальных решений властей, выявление фактов нарушения – 10%; пропаганда деятельности организации – 10%; издание и распространение информационных материалов, брошюр, газет, листовок, плакатов, социальной рекламы – 9%; проведение независимого анализа по отдельной проблеме, впоследствии предложенного общественности и властям, – 6%; организация общественных слушаний по проблемам – 3%; письма депутатам и представителям исполнительной власти с обращениями – 3%. И еще 13% НКО не используют никаких форм взаимодействия и не осуществляют никаких действий в этих целях.

Наиболее эффективными оказались усилия НКО по формированию общественного мнения, информирования граждан, СМИ или представителей органов власти и обеспечению открытости и прозрачности власти. На вопрос «Удалось ли Вашей организации добиться в итоге поставленной цели: формирования общественного мнения по обсуждаемой проблеме?» ответы распределились следующим образом: в целом да – 17%; скорее да, чем нет – 52%; скорее нет, чем да – 9%; совершенно не удалось – 0%; эту цель не преследовали – 17%; затрудняюсь ответить – 4%. В то же время достаточно большое количество руководителей отметило, что им не удалось или скорее не удалось добиться поставленных целей (от 9 до 31%), а часть респондентов посчитала, что их организация вообще не ставит перед собой цели влияния на органы власти и граждан либо их информирования.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что третий сектор города Набережные Челны сегодня развивается в основном за счет НКО, созданных после 2006 г. Реализуя социально значимые проекты, НКО становятся важными участниками политического процесса, поскольку оказываются вовлеченными в реализацию государственной социальной политики. Помимо соцслужб, огромные усилия некоммерческий сектор направляет на защиту интересов людей, распространение и развитие социокультурных ценностей общества, сохранение его самобытных традиций, развитие и поддержание общественных структур⁹.

Третий сектор Набережных Челнов активно взаимодействует с местными и региональными органами власти, активно участвует в грантовых конкурсах, создает новые рабочие места, реализует идею взаимопомощи, обучает молодежь гражданскому участию. Однако большинство НКО пока еще испытывает дефицит финансовой

и волонтерской составляющих и нуждается в повышении уровня доверия как со стороны жителей города, так и со стороны властей. Заметим, что, если городу удастся сделать работу в НКО привлекательной для молодежи, именно третий сектор способен стать основой формирования кадрового резерва республики.

В дальнейшем во взаимоотношениях между НКО и властью возможны следующие варианты развития. Позитивный сценарий предполагает, что власть будет прилагать еще большие усилия для создания условий для развития НКО, они совместно станут выстраивают «партнерскую модель» отношений. НКО возьмут на себя задачи по решению наиболее актуальных городских проблем (посильных для НКО), в том числе таких, как формирование социокультурной городской среды и становление человеческого капитала, что даст общий толчок для развития города. Умеренно негативный сценарий: власть и НКО продолжают формальное сотрудничество в рамках патерналистской модели, привлекая НКО лишь для легитимации своих решений. Ситуация практически не изменится, поэтому продолжится отток из города наиболее активных и квалифицированных кадров, не удовлетворенных существующим положением и неразвитой социокультурной средой. Негативный сценарий – власть и НКО, не сумев найти компромиссных решений, перейдут к модели взаимодействия под названием «борьба с противником».

Понятно, что перспективным и позитивным является только первый сценарий, третий вариант («негативный») объективно нереалистичен, однако второй сценарий («умеренно негативный») столь же реален, как и первый. Поэтому необходимо находить тот баланс во взаимоотношениях между НКО и властью, которые позволили бы совместно и более эффективно решать стоящие перед обществом и государством задачи.

Примечания

- ¹ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2553-р (действующая редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ² См.: *Вилков А.А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- ³ См.: *Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И.* Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
- ⁴ См.: *Salamon L. M., Anheier H. K.* Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-nationally // *Voluntas: International journal of Voluntary and Nonprofit organizations*. 1998. Vol. 9, № 3. P. 213–247.

- ⁵ См.: *Jorgensen M.* Evaluating Cross-Sectoral Partnerships : Working Paper Presented at the Conference «Public-private partnerships in the post wssd context». Copenhagen Business School, 2006.
- ⁶ См.: *Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А.* Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011.
- ⁷ См.: *Сунгуров А.Ю.* Гражданское общество и его развитие в России : учеб. пособие. СПб. : ЮТАС, 2007. С. 81–82.
- ⁸ См.: *Arnstein Sherry R.* A Ladder of Citizen Participation // JAIP. July 1969. Vol. 35, № 4. P. 216–224.
- ⁹ См.: Вдоль и поперек глобальных мифов. URL: <http://www.asi.org.ru/vdol-i-poperek-globalnyh-mifov/> (дата обращения: 14.07.2014).

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 32.019.5

ФЛЭШМОБ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Д. И. Каминченко

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

В статье рассматривается феномен политического флэшмоба с позиций некоторых современных концепций развития общества. Автор для достижения поставленной цели использует постулаты таких концепций, как общество риска и индивидуализированное общество. Он приходит к выводу о том, что флэшмоб может быть рассмотрен как один из символов общества риска. Кроме того, автор полагает, что флэшмоб представляет собой один из способов выражения интереса людей к политике.

Ключевые слова: флэшмоб, политика, коллективные действия, общество риска, индивидуализированное общество.

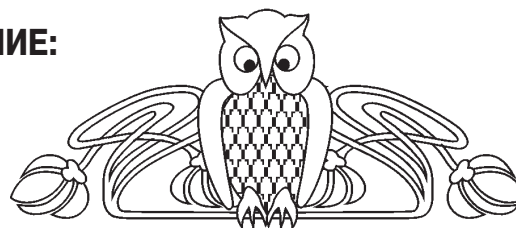
Flash Mob is as a Political Phenomenon: Theoretical Aspects

D. I. Kaminchenko

The author of the article considers political flash mob phenomenon from the positions of some modern concepts of society development. In order to achieve the goal the author uses postulates of such concepts as risk society and individualised society. He draws conclusion that flash mob may be considered as one of the symbols of risk society. In addition he supposes that flash mob presents one of the ways of people interest to politics expression.

Key words: flash mob, politics, collective actions, risk society, individualized society.

Политические институты и отношения находятся в тесной связи с происходящими в обществе процессами. Значимые общественные изменения способны мгновенно отражаться на существующих политических субъектах и отношениях между ними. Так, стремительное развитие в современном обществе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), оказывает влияние на различные политические изменения и процессы, например, способствуя появлению новых и определённым изменениям традиционных форм политического участия. Одна из форм подобного участия, появившаяся не так давно, – флэшмоб. Это явление требует

особого рассмотрения, в том числе в теоретической плоскости, с позиций существующих концептуальных воззрений на развитие общества, особенно учитывая его популярность и распространённость.

Следует заметить, что на протяжении последних лет флэшмоб стал весьма распространённой формой общественной и политической активности в различных странах. Главными темами флэшмобов становились различные вопросы как общественного, так и политического развития. Это и флэшмобы, посвящённые какому-то образу действия и поведения, информацию о котором участники хотели тем самым распространить в обществе. Это и флэшмобы, в которых поднимаются важные социально-политические вопросы, мероприятия, направленные на поддержку разных политических субъектов. Практическая новизна и значимость данной работы заключается в том, что в ней будет предпринята попытка теоретизирования и концептуального обоснования явления флэшмоба с позиций некоторых современных концепций развития общества. Непосредственно для политической науки значимость представляют выводы, которые могут быть сформулированы по результатам данной работы, связанным с политическим значением флэшмоба.

Необходимо отметить, что написано немало работ, посвящённых связанным с флэшмобом вопросам. Вместе с тем рассмотрению флэшмоба как политического явления (например как современной формы политического участия) с позиций современных концепций уделено ещё недостаточно внимания. На восполнение этого пробела и нацелена данная работа.

Основная цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть политическое значение флэшмоба с позиций некоторых современных концепций

развития общества. Для достижения поставленной цели представляется необходимым выполнение ряда задач: во-первых, следует определиться с понятийно-категориальным аппаратом и теми концепциями, которые будут задействованы в ходе проведения данной работы; во-вторых – рассмотреть флэшмоб с позиций отмеченных концепций; в-третьих – сформулировать выводы о политическом значении флэшмоба, основываясь на этих концепциях.

Вначале необходимо привести несколько определений флэшмоба. Р. Валкер отмечает, что флэшмоб есть «тип представления, который появился на улицах Нью-Йорка весной 2003 года»¹. В ряде работ, в которых рассматриваются связанные с флэшмобом вопросы, зачастую приводится дефиниция, которая представлена в Оксфордском словаре и согласно которой флэшмоб – это «общественное собрание (сбор) совершенно незнакомых людей, организованное через Интернет или с помощью мобильного телефона, которые выполняют бессмысленное действие, а затем – расходятся»². Это определение появилось в Оксфордском словаре в 2004 г., и, как отмечает Дж. Гор, данная трактовка, вероятно, вполне подходит для обозначения первых мероприятий, которые были названы флэшмобами и происходили в 2003 г. Однако с тех пор данное явление претерпело изменения с точки зрения многообразия формы представления³. А вот Л. Килтц замечает: «В целом, флэшмоб – это группы людей, которые собираются в общественных местах для совершения неожиданных (неподходящих для конкретной ситуации) действий и расходятся после короткого промежутка времени»⁴. Следует подчеркнуть, что немалую роль в явлении флэшмобов играют ИКТ и базирующиеся в большинстве случаев на них современные социальные медиа и «новые» СМИ, которым также посвящено уже немало работ⁵. Некоторые авторы рассматривают проблематику использования различных форм политического участия в контексте концепта «мягкой силы» и подготовки «цветных» революций⁶.

Для достижения поставленных в работе целей релевантным выглядит задействование в ней постулатов из концепций общества риска и индивидуализированного общества. Первую концепцию зачастую ассоциируют с именем Ульриха Бека и его работой «Общество риска. На пути к другому модерну», а вторую – с Зигмунтом Бауманом и его работой «Индивидуализированное общество». В данных концепциях отводится немалое внимание проблемам политического поля в современном обществе. Вероятно, в их ракурсе политическое значение флэшмоба будет выглядеть ещё более показательным.

Итак, перейдём непосредственно к рассмотрению политического значения флэшмоба. Начать следует с того, что, согласно У. Беку, общество риска есть «общество науки, коммуни-

кационных и информационных средств»⁷. Этим подчёркивается важнейшее место в обществе риска современных ИКТ. Велико значение информационных и коммуникационных технологий и для флэшмобов. Более того, в специфике флэшмоба, возможно, нашли своё отражение и важнейшие черты самих ИКТ и базирующихся на них «новых» и социальных СМИ. Всё это говорит не только о близости флэшмобов и общества риска, но, возможно, даже и о том, что в определённой степени флэшмоб может являться одним из символов общества риска.

У. Бек обращает внимание на то, что становятся всё более реальными формы новой политической культуры⁸, в которой растёт заинтересованность в участии⁹. Флэшмоб в таком случае может быть рассмотрен в качестве одного из элементов этой политической культуры, как одна из новых и широко распространённых форм участия. Объединение совершенно незнакомых людей вокруг идеи проведения и темы того или иного флэшмоба – это, возможно, непосредственный показатель заинтересованности людей в общественном и политическом участии. Люди выбирают эту форму участия, отличающуюся от сложившихся политических participatory практик (хотя она и имеет немало общего с такой формой участия, как, например, митинги или акции) и механизмов в рамках существующих политических институтов. Флэшмоб в таком случае в определённой степени может быть рассмотрен как некоторый сигнал (или сообщение), который отправляется его участниками. Это может быть сигнал как о недостаточной эффективности существующих политических практик, даже о возможном недоверии к ним со стороны участников, так, возможно, и о необходимости получения дополнительных возможностей для самовыражения. В любом случае флэшмоб следует рассматривать не просто как новую форму участия, но и как определённый показатель заинтересованности его участников в самой участии. Говоря об адресатах подобных сигналов и сообщений, можно отметить общественные и политические институты, в обход взаимодействия с которыми они могут проводиться. Как отмечает Бек, общественные институты «превращаются в охранителей социальной действительности, обречённой на быстрое исчезновение»¹⁰. Хотя и очевидно, что флэшмоб как форма участия может являться сигналом для существующих форм политического участия и институтов, в рамках которых они проводятся, это вовсе не означает исчезновения существующих форм участия и институтов или замену их новыми. Например, институт выборов как способ участия граждан в формировании органов власти не может быть заменён каким-то другим институтом, но, испытывая на себе влияние особенностей развития современного общества, в него могут быть

внесены некоторые изменения. Так, скажем, на выборах могут быть использованы современные средства наблюдения (например веб-камеры), с помощью которых их пользователи имеют возможность более активно наблюдать за ходом голосования. Это способствует большей открытости процесса голосования. В этом случае речь также идёт о заинтересованности в большей партиципации, как и в случае с флэшмобом. Ещё раз подчеркнём, что флэшмоб может быть рассмотрен как показатель роста заинтересованности людей в партиципации в рамках той формы новой политической культуры, о которой пишет Бек применительно к обществу риска. Флэшмоб в то же время представляет собой ещё и новую форму этого участия.

3. Бауман рассматривает современное общество как индивидуализированное. Он обращает внимание на то, что внутренний позыв личности распоряжаться по собственному усмотрению своей судьбой подталкивает людей к мысли о том, что коллективные согласованные действия не могут принести ему никакой пользы. Как итог, в современном обществе, считает Бауман, наблюдается снижение интереса людей к совместным и общим делам¹¹. Как в таком случае может быть интерпретировано значение флэшмоба в контексте данных выводов? С одной стороны, участник флэшмоба принимает самостоятельное решение принять участие в данном мероприятии. На его решение некоторое влияние могут оказывать и современные социальные медиа, играющие, как уже отмечалось, важную роль в флэшмобах. Однако участник, с большей долей вероятности основываясь, прежде всего, на собственных персональных интересах, принимает решение об участии в флэшмобе. Это его индивидуальное решение. С другой стороны, решение принять участие в флэшмобе означает, в первую очередь, решение об участии в общем коллективном действии. Есть ли тогда основания говорить о некотором противоречии между приводимыми Бауманом выводами и явлением флэшмоба? Вероятнее всего, ответ на подобный вопрос следует искать в плоскости специфики флэшмоба как современной формы совместного и общего дела.

Дело в том, что флэшмоб, в отличие от многих традиционных коллективных форм участия (в том числе общественного и политического), обладает определёнными чертами, в которых нашли отражение особенности современного общества. Речь идёт, например, о таких чертах, как скоротечность (флэшмоб не требует каких-либо подготовительных действий, репетиций, а зачастую предполагает лишь самостоятельное ознакомление с инструкцией действий, размещённой, например, в Интернете; флэшмоб длится непродолжительный период времени), отсутствие в целом активного контакта и взаимодействия между участниками (быстрота проведения самого мероприятия, после которого незнакомые друг

с другом участники расходятся в разные стороны) и т. д. Иными словами, флэшмоб является такой формой активности индивида, решение об участии в которой он принимает индивидуально и которая подразумевает осуществление общего и совместного дела, однако при этом между незнакомыми друг с другом участниками флэшмоба нет как такового активного взаимодействия в процессе подготовки мероприятия, а после непродолжительного действия/представления они расходятся. Правда, следует отметить, что возможно осуществление более активного контакта между участниками впоследствии онлайн-общения, например в социальных СМИ.

Помимо отношения людей к общим и совместным делам, Бауман обращает внимание ещё и на падение интереса к Политике с большой буквы (а именно к политическим движениям, партиям и т. д.), снижение масштаба повседневного участия в традиционно считающихся политическими мероприятиях¹². Говоря об интересе к Политике с большой буквы (применительно к флэшмобу как современной специфической форме политического участия) следует выделить несколько аспектов. Во-первых, если речь идёт о появлении новой формы политического участия (например флэшмоб), то одним из следствий может быть указание на недостаточность некоторых уже существующих форм участия и институтов, которые выполняют схожие функции. Например, флэшмоб может выполнять функцию выражения людьми своего мнения по тому или иному политическому вопросу или в поддержку того или иного политического движения. Хотя, например, митинги и акции призваны выполнять в том числе и данную функцию. А распространённость флэшмоба может говорить в таком случае о наличии у него как у формы политической активности и выражения интереса к политике определённых преимуществ. Во-вторых, политический флэшмоб есть представление, в которое заложены некоторые идеи и смыслы его участниками и организаторами. А зрителями этого представления, учитывая то, что для проведения флэшмобов выбираются общественные места, могут стать многие люди. Следовательно, применительно к флэшмобу можно в определённой степени говорить и о распространении перед зачастую немалой аудиторией политических идей и смыслов, заложенных в то или иное представление. Таким образом, флэшмоб может быть обозначен ещё и как специфический способ выражения интереса к политике в современном обществе, а также способ распространения политических идей и смыслов.

Говоря о кризисе гражданственности и недооценке потенциала политических действий, Бауман считает, что причиной этого является ощущение отсутствия механизмов, обеспечивающих коллективные эффективные действия, и путей возрождения данных механизмов и созда-

ния новых¹³. Можно ли рассматривать флэшмоб как эффективное коллективное действие? Ответ на данный вопрос следует искать, исходя из целей участников мероприятия. Если цель участников – выразить собственное мнение в форме представления в общественном месте и, соответственно, показать данное представление многим людям, находящимся в данном месте, то вполне допустим вывод об эффективности флэшмоба. Однако, если ставить другие цели (например повлиять на принимаемое политическое решение), то здесь эффективность может зависеть от многих других факторов. Вместе с тем флэшмоб является ещё одним показательным примером использования механизмов, которые могут быть задействованы в политических процессах (или уже задействованы) и которые связаны с современными социальными медиа и ИКТ в целом.

Итак, можно сформулировать ряд выводов по результатам рассмотрения политического значения флэшмобов с позиций современных концепции развития общества. Во-первых, флэшмоб может быть обозначен как один из символов общества риска, разрабатываемого У. Беком, ввиду того, что важнейшую роль во флэшмобе и в современном обществе риска играют информационные и коммуникационные технологии. Во-вторых, флэшмоб может характеризоваться и как показатель роста заинтересованности людей в партиципации в рамках отмеченной Бекем применительно к обществу риска формы новой политической культуры. В целом можно отметить, что флэшмоб есть новая форма партиципации. В-третьих, применительно к индивидуализированному обществу З. Баумана с кризисом и снижением интереса в нём к совместным и общим делам следует обозначить, что флэшмоб, решение об участии в котором людьми принимаются персонально, есть форма общего и коллективного дела, правда, со своей спецификой, определёнными особенностями развития современного общества. В-четвёртых, учитывая падение интереса людей в индивидуализированном обществе к Политике с большой буквы, флэшмоб в то же время может считаться одним из способов выражения этого интереса к Политике, а также распространения политических идей и смыслов. В-пятых, флэшмоб в определённой степени представляет собой довольно убедительный и во многом яркий пример наличия и возможных путей использования механизмов эффективных коллективных действий. Эти механизмы следует

искать в современных социальных СМИ и ИКТ в целом.

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Примечания

- ¹ Walker. R. A. Badgering Big Brother : Spectacle, Surveillance, and Politics in the Flash Mob // *Liminalities : A Journal of Performance Studies*. 2011. Vol. 7, № 2. P. 2. URL: <http://liminalities.net/7-2/flashmob.pdf> (дата обращения: 10.06.2014).
- ² Цит. по: Wasik B. My Crowd – Or, Phase 5 : A report from the inventor of the flash mob // *Harper's Magazine*. March 2006. P. 57.
- ³ См.: Gore G. Flash Mob Dance and the Territorialisation of Urban Movement // *Anthropological notebooks*. 2010. Vol. XVI, № 3. P. 126. URL: http://www.drustvo-antropologov.si/AN/PDF/2010_3/Anthropological_Notebooks_XVI_3_Gore.pdf (дата обращения: 10.06.2014).
- ⁴ Kiltz L. Flash Mobs : The Newest Threat to Local Government. URL: <http://webapps.icma.org/pm/9311/public/cover.cfm?author=Linda%20Kiltz&title=Flash%20Mobs%3A%20The%20Newest%20Threat%20to%20Local%20Governments&subtitle> (дата обращения: 10.06.2014).
- ⁵ См.: Балувев Д. Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // *Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society)*. 2013. Т. 16, № 2. С. 604–616 ; Каминченко Д. И. «Новые» СМИ и некоторые особенности политического сознания // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология*. 2014. № 2. С. 75–85.
- ⁶ См.: Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 68–69.
- ⁷ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну* / пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой. М. : Прогресс-Традиция. 2000. С. 56.
- ⁸ Там же. С. 293.
- ⁹ Там же. С. 304.
- ¹⁰ Там же. С. 144.
- ¹¹ См.: Бауман З. *Индивидуализированное общество* / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос. 2005.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.

УДК 323.212

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОССТАНОВЛЕНИИ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В. В. Кушнир

Российский государственный социальный университет, Москва
E-mail: kushvv@mail.ru

В статье рассматривается проблема участия органов местного самоуправления в становлении новой украинской государственности, урегулировании напряжённой ситуации в стране. Произведён анализ действующего законодательства Украины, касающегося вопросов организации и функционирования института местного самоуправления. На основе сравнительного анализа украинской модели разработан ряд возможных сценариев реформирования структуры местных органов власти в Украине.

Ключевые слова: местное самоуправление, Украина, реформирование, Российская Федерация, государственность.

Role of Local Government in Restoring of the Ukrainian Statehood

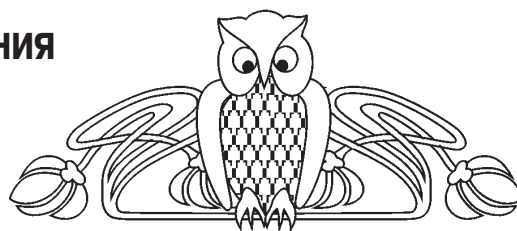
V. V. Kushnir

The article is devoted to problem of the participation of local governments in the development of the new Ukrainian statehood, resolving the tense situation in the country. The analysis of the current legislation of Ukraine concerning the organization and functioning of the institution of local government is produced. On the basis of the comparative analysis of the Ukrainian model a number of possible scenarios of reforming of structure of local authorities in Ukraine is developed.

Key words: local government, Ukraine, reform, Russian Federation, statehood.

Система органов местного самоуправления на Украине в данный момент переживает период «полураспада». Энтропия политической системы растёт вследствие происходящих социальных потрясений, в частности, силового захвата власти в Киеве представителями националистической организации «Правый сектор». Нелегитимные президентские выборы, очевидно, не помогут в полной мере разрешить назревшие проблемы в политической и социальной сферах. В этой связи представляется весьма актуальным исследовать роль органов местного самоуправления в процессе дальнейшего становления и развития новой украинской государственности.

Базовые принципы организации ОМС в Украине были закреплены в XI разделе Конституции (ст. 140–146) ещё в 1996 г.¹ В соответствии с ними местное самоуправление определяется как право территориальной громады (жителей села, города и т. д.) на самостоятельное решение вопросов местного значения, осуществляется через местные советы и их исполнительные ор-

ганы. В соответствии со ст. 5 Закона «О местном самоуправлении в Украине»² закрепляется следующая иерархичная система организации местного самоуправления:

- территориальная община;
- сельский, поселковый, городской совет;
- сельский, поселковый, городской голова;
- исполнительные органы сельского, поселкового, городского советов;
- районные и областные советы;
- органы самоорганизации населения.

Л. В. Козлова убеждена: «Для того чтобы административно-территориальное устройство отвечало интересам украинского народа, необходимо предоставить каждой отдельной части Украины право на самоуправление, которое бы в полной мере позволило обеспечить реализацию интересов и потребностей местного населения, тем самым комплексно демократизируя всю систему управления»³.

В Украине существует три звена разделения на территориальном уровне: область, сельский и городской район; пять звеньев на муниципальном уровне – село, посёлок, город районного, город областного и город государственного значения. Отдельное место занимала до недавнего времени Автономная Республика Крым. Законом предоставляется право на участие в деятельности органов местного самоуправления гражданам, представляющим соответствующие территориальные общины, – жителям, постоянно проживающим на определённой территории: села, посёлка, города, или добровольному объединению жителей нескольких сёл, имеющих единый административный центр. К ним могут относиться не только граждане Украины, но и иностранцы, апатриды, постоянно проживающие на территории административной единицы, пользующиеся конституционными правами и свободами.

Территориальная община в Украине – это основной носитель функций и полномочий местного самоуправления. Она наделена правом формирования соответствующих органов, проведения местных референдумов, управления местным бюджетом и коммунальной собственностью; осуществляет свои полномочия как непосредственно, так и через избираемые органы, которые в совокупности с общинами составляют систему местного самоуправления.

Представительные органы местного самоуправления, состоящие из выборных депутатов, наделяются правом представлять интересы территориальной общины и принимать решения от её имени. Делятся они на два автономных уровня:

1) местные советы (сельские, поселковые, городские советы);

2) районные, областные советы.

Местные советы – это выборные органы, состоящие из депутатов, избранных непосредственно территориальной общиной, они её единственные представительные органы. Советы представляют ближайший к гражданам уровень управления, аккумулируют их интересы.

В городах с районным делением по решению общин образуются районные советы, которые формируют местные администрации и избирают глав совета. Эти лица также выполняют функции председателя исполнительного комитета.

Областные и районные советы не являются представительными органами областных и районных общин, поскольку это не предусматривается Конституцией Украины. Данные органы представляют общие интересы местных общин в пределах полномочий, переданных им местными советами.

Исполнительные органы создаются местными советами для осуществления исполнительных функций и полномочий муниципалитета, реализации решений, принятых обществом. Исполнительный комитет совета образуется на срок полномочий совета, действует на основе установленного регламента.

Полномочия органов местного самоуправления в Украине подразделяются на следующие:

1) принятие стратегических решений исключительно на пленарных заседаниях советов;

2) исполнительные органы местных советов:

а) собственные;

б) делегированные;

3) сельские, поселковые, городские головы.⁴

Дальнейшее развитие системы организации и функционирования органов местного самоуправления отражено в законах «О выборах депутатов местных советов и сельских, поселковых, городских голов», «Об органах самоорганизации населения», «Об ассоциациях органов местного самоуправления».

Исходя из содержания обозначенных законов, становится вполне очевидным, что украинская модель организации деятельности ОМС по своим основным чертам во многом напоминает французскую. В доказательство этого утверждения следует отметить, что Украина и Франция унитарные государства. И, несмотря на институциональные различия в отношении устройства государственных и муниципальных органов власти, в обеих странах все уровни организации в той или иной мере пронизывает центральная власть. Украинская модель также учитывает опыт постсоциалистических стран (страны СНГ, Польша, Чехия и др.), ведь реформирование института ОМС в этих государствах происходило приблизительно в одних и тех же временных рамках. Отсюда преемственность характерных для этих систем проблем с финансовым обеспечением, отставанием бюджетной и налоговой реформ, нечёткостью делегирования полномочий на местный уровень.

В этой связи представляется необходимым провести сравнение существующих муниципальных образований в унитарных Франции и Украине и федеративной России (таблица).

Из данных таблицы следует, что основные единицы муниципальных образований Украины по своим масштабам скорее ближе к французским (типичная французская коммуна – около 5 тыс. жителей, примерно 15 км²), нежели к российским (типичный муниципальный район европейской части РФ – около 50 тыс. жителей, примерно 2 тыс. км²). Если в Российской Федерации представительные органы муниципальных образований и местные администрации действуют относительно самостоятельно, вы-

Классификация муниципальных образований во Франции, Украине, Российской Федерации

Показатели	Франция			Украина	РФ	
Основные единицы	Коммуна			Сёло, посёлок, город (районного, областного и государственного значения)	Муниципальный район	
					Городское поселение	Сельское поселение
Межмуниципальное сотрудничество	Одноцелевой межкоммунальный синдикат	Многоцелевой межкоммунальный синдикат		Ассоциация органов местного самоуправления	Совет муниципальных образований субъекта РФ	
	Сообщество коммун	Сообщество агломерации	Городское сообщество		Всероссийский совет местного самоуправления	
Иные виды образований	Департамент			Район	Внутригородские территории городов федерального значения	
	Регион (округ)			Область	Городской округ	

полняя лишь часть делегированных им государственными органами полномочий, к примеру, по выполнению ФЦП, то во Франции местные советы коммун полностью автономны (в рамках общего законодательства), но подотчётны префекту, а мэр в них выполняет функцию государственного представительства. В Украине на уровне сёл, посёлков и городов отсутствуют государственные администрации, но функционируют исполнительные органы местных советов и сельские, поселковые, городские головы. На уровне районов, областей, а также городов Киев и Севастополь (входивший ранее в состав Украины) функционируют местные государственные администрации, которые обладают бóльшим объёмом полномочий, чем исполнительные органы местного самоуправления.

Власть на уровне района в Украине носит некоторые черты региональной. На уровне области власть, без сомнения, следует считать региональной: она осуществляет контроль над органами местного самоуправления, принимает региональные программы и т. д. Это роднит её с региональной властью в РФ, а также с властями регионов (округов) во Франции. Однако в соответствии с действующим законодательством Украины региональной властью она не является.

Директор Восточнукраинского центра стратегических инициатив Р. А. Травин отмечает, что наиболее острые проблемы и противоречия, существующие между местными властями и центром, сосредоточены именно на региональном уровне: прежде всего это взаимоотношения между областными и районными администрациями и советами соответствующих уровней. Согласно ст. 44 Закона «О местном самоуправлении» районные и областные советы делегируют ряд полномочий администрациям. При этом согласно ч. 6 ст. 118 Конституции Украины местные государственные администрации «подотчётны и подконтрольны советам в части полномочий, делегированных им соответствующими районными или областными советами». В действительности такое «делегирование» является принудительным, а реальный контроль со стороны областных и районных советов практически невозможен, так как они лишены права напрямую влиять на кадровые решения в администрациях. Администрации на уровне районов и областей формируют назначенные государственной властью чиновники. Это обстоятельство приводит к острому антагонизму между руководителями администраций и советов⁵.

Разделение местных и региональных властей присуще не только федеративным европейским государствам, но и унитарным. Например, во Франции существует 22 региона (округа), во главе которых стоят советы, а их председатели осуществляют исполнительную власть в регионе. Такой подход характерен для Европы в

целом: существует особая структура, созданная в рамках Совета Европы, – Конгресс местных и региональных властей. В состав Конгресса входят две палаты: палата местных властей и палата регионов, что в полной мере соответствует современным принципам построения отношений между государственными и местными органами власти.

В свете последних событий в Украине принцип строгой централизации власти скомпрометировал себя, о чём свидетельствуют требования юго-восточных областей Украины о децентрализации власти и предоставлении большего объёма полномочий регионам. Кроме того, отсутствие чёткого разделения полномочий между местными и «региональными» органами власти в рамках действующей политической системы приводит к конфликту интересов, вследствие чего механизм реализации властных решений представляется недееспособным.

Контроль над исполнением полномочий органами власти осуществляется Центром (со стороны руководителей администраций), а на местном уровне (со стороны областных и районных советов) контроль в отношении деятельности государственных органов власти отсутствует. Это обстоятельство лишает возможности донести насущные проблемы, возникающие на уровне местных властей, до уровня администраций.

В зависимости от дальнейшего сценария развития событий в Украине органы местного самоуправления могут быть структурно реформированы или сохранить свою природную самобытность.

Возможные сценарии реформирования структуры местных органов власти в Украине:

I. *евроинтеграция*: включение государственных и муниципальных органов Украины в состав единой европейской системы, доведение структуры местных органов самоуправления до стандартов французской модели;

II. *независимость*: сохранение модели организации деятельности ОМС в современном формате, реформирование налогового и бюджетного законодательства как необходимая мера для повышения финансовой самостоятельности местных органов;

III. *федерализация*: преобразование существующей модели ОМС в Украине в соответствии с основными принципами федерализма, передача большего объёма полномочий на местный уровень;

IV. *«Крымский сюжет»*: присоединение административно-территориальных единиц Украины к РФ, основанное на волеизъявлении граждан по результатам проведённых референдумов и, как следствие, реформирование системы местного самоуправления по российскому шаблону.

При любом возможном сценарии развития событий властям Украины необходимо разрешить следующие проблемы, присущие системе

отношений между государственными органами власти и ОМС:

– государственные администрации на районном и областном уровнях имеют больший объём полномочий в сравнении с районными и областными советами: в соответствии с п. 7 ст. 9 Европейской хартии местного самоуправления⁶ требуется в полной мере реализовать принцип субсидиарности;

– отсутствие должной процедуры назначения исполнительных органов власти местными советами на районном и областном уровнях;

– ограниченное развитие межмуниципального сотрудничества;

– недостаток финансовой самостоятельности местных бюджетов, связанный напрямую с низкими процентами по налоговым сборам на местном уровне, а также высокой зависимостью от государственных субсидий (составляют порядка 70% от средств местных бюджетов примерно у половины ОМС в масштабах страны);

– решение о предоставлении государственных субсидий местным органам находится в прямой зависимости от руководителей государственных администраций;

– Бюджетный кодекс Украины не позволяет ОМС изыскивать средства из дополнительных источников финансирования;

– действующая система распределения фондов создаёт условия для злоупотреблений должностным положением, коррупции;

– негативное влияние на эффективность деятельности ОМС в Украине оказывает разделение руководителей государственных администраций и советов по партийному признаку.

Скорейшее разрешение обозначенных проблем будет способствовать стабилизации отношений между уровнями властных структур,

урегулированию кризисной ситуации в Украине. Курс на децентрализацию в сложившихся условиях представляется наиболее эффективным инструментом, при использовании которого будут обеспечены суверенитет и целостность государства. Роль ОМС в проведении местных референдумов, избрании народных представителей и артикуляции общественных интересов является ключевой. Предоставление большего объёма властных полномочий местному самоуправлению позволит осуществить переход на качественно новый уровень украинской государственности.

Примечания

¹ См.: Конституція України від 28 червня 1996 // Верховна Рада України : [офіц. веб-портал]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 26.04.2014).

² Про місцеве самоврядування в Україні : закон України від 21 травня 1997 № 280/97-ВР // Верховна Рада України : [офіц. веб-портал]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 26.04.2014).

³ Козлова Л. В. Місцеве самоврядування як фактор соціально-економічного розвитку регіону // Актуальні проблеми економіки. 2012. № 8. С. 233.

⁴ См.: *Ищенко О. М.* Місцеве самоврядування : світовий досвід та особливості української моделі. Київ : Ін-т законодавчих передбачень і правової експертизи, 2003.

⁵ См.: *Травин Р. А.* К вопросу о местном и региональном самоуправлении в Украине // Проблемы местного самоуправления : интернет-журнал. 2010. № 41.

⁶ См.: Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. // Инф.-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/2540485/> (дата обращения: 28.04.2014).

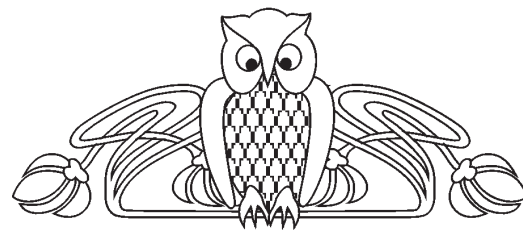
УДК 321.72

«ДЕМОКРАТИИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ» В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е. Н. Шитова

Институт Латинской Америки РАН, Москва
E-mail: yelena.schitova@gmail.com

Существует разрыв между формальными демократическими институтами и культурными, историческими, ценностными традициями, утвердившимися в определенных странах/социуме исторически. Явление демократий, соответствующих формальным, процедурным признакам, но вызывающих сомнения по поводу своей демократической сущности, в совокупности называются «демократии с прилагательными». В статье объясняется концепт «демократии с прилагательными», показано, в каком поле существует данное понятие, описаны основные этапы его становления, обозначены проблемные области, которые затронуты дискурсом о демократии.

Ключевые слова: «демократии с прилагательными», демократизация, политический режим.

Democracy with Adjectives' in the Discourse of the Political Science

Е. N. Shitova

There is a gap between formal democratic institutes and cultural, historical, traditional values in some countries/societies. The phenomenon of democracies that meet the formal and procedural grounds, but

raising doubts about its democratic nature, collectively called «democracies with adjectives». The article explains the concept «democracies with adjectives», indicates in which field exists this concept, describes the main stages of its formation, marks the problem areas that are under consideration by the discourse of democracy.

Key words: «democracy with adjectives», democratization, political regime.

В настоящее время существует большое количество определений демократии. Но современная политическая наука не выработала единой концепции демократии и процесса демократизации. И. Валлерстайн утверждает, что демократия превратилась в общепринятый слоган, лишенный какого-либо содержания¹. И это не удивительно: в настоящее время быть демократией выгодно, если не сказать модно. Демократия декларируется большинством правящих режимов единственно приемлемой формой правления. Никто не признает себя открыто диктатурой авторитарного типа. Еще больше ситуация осложняется отсутствием единого аппарата исследования демократий разного типа. Большинство единых индексов исходят из минимального набора характеристик для определения наличия демократии. Из-за этого многие оттенки просто остаются утерянными. Исследователи также создают огромное количество концептов, описывающих состояние демократий в мире. Отсутствие единого представления о демократии порождает огромное количество разнообразных концептов, пытающихся описать явление с разных сторон. Данное явление привлекло внимание исследователей еще в конце 80-х гг. XX в. И до сих пор описание всевозможных полу-, псевдо-, недемократий сегодня более чем востребовано: с каждым годом новых концептов становится все больше.

Особую почву для появления новых концептов дает незавершенность демократического транзита в ряде стран «третьей волны»² демократизации и постсоветского пространства. В первую очередь, это характеризуется тем, что формальные демократические институты подменяются неформальными демократическими практиками. Причина этого – отличие культуры, психологии населения и ценностей в данных странах от западных: имплантированные демократические практики не способны прижиться в политической культуре стран «третьей волны» (а теперь уже и постсоветского пространства и др.). Происходит разрыв между формальными демократическими институтами, которые трансплантировались с западных образцов демократии в страны «третьей волны», и культурными, историческими, ценностными традициями, утвердившимися в данном обществе исторически³: ценности и культура в данных странах отличны от западных, в то время как институты должны быть встроены в политическую культуру. В результате демократические институты оттор-

гаются, а в реальности действуют старые недемократические практики (феодалные, номенклатурные и т. д.), которые опираются на более широкое основание в виде культурных традиций и ценностей, утвердившихся в данном обществе.

Появление в научном дискурсе понятия «демократии с прилагательными»⁴

1980-е гг. XX в. породили по-настоящему эйфорию в рядах транзитологов. Политические процессы в Бразилии и других странах Латинской Америки, изменения, происходящие в Советском Союзе, давали надежду на то, что модель либеральной демократии победила как идеология и приход к ней остальных стран – это вопрос времени. Однако по прошествии двух десятилетий с уверенностью можно сказать, что восторги транзитологов были преждевременными: большинство стран (за редким исключением) вышло из точки А, но так и не пришло в точку Б. В ряде стран демократический транзит эмпирически ненаблюдаем – нет перехода к консолидированной демократии⁵. Есть не транзит, а трансформация: изменение режима с неясным исходом (от одного недемократического состояния к другому недемократическому состоянию)⁶. Данные изменения политического режима в странах с неконсолидированной демократией породили новый режим – гибридный, который уже нельзя назвать в полной мере авторитарным, но в то же время нельзя причислить и к демократическому. Поэтому режимы некоторых стран «третьей волны» демократизации, постсоветского пространства и других находятся где-то между демократическими и авторитарными. Такие режимы являются скорее гибридными. Данный феномен вызвал интерес большого числа ученых: практически каждый кейс гибридного режима получил собственное название, а также разные подходы к тому, как анализировать данные режимы и как их называть.

С одной стороны, есть демократия и ее описание (разные концепты), с другой стороны, есть авторитаризм. Одни говорят, что в странах «третьей волны» никакой транзит не завершился и они находятся в авторитарной стадии, только у них особого рода авторитаризм. И придумывают различные названия: новый, мягкий, корпоративный, государственный, капиталистический⁷. Другие говорят про что-то посередине. Придумывают различные гибридные режимы без упоминания слов «демократия» и «авторитаризм» (Зудин А.: полицентризм – моноцентризм⁸; Холодковский К. – плебисцитарно-бюрократический⁹). А третьи говорят, что в данном конкретном случае наблюдается демократия, но особого рода – неконсолидированная, и придумывают также свои определения (Петров, Липман – сверхуправляемая демократия¹⁰; Сурков

– суверенная демократия¹¹, Третьяков – управляемая демократия¹², O'Donnell – delegative¹³ и т. д.).

Однако наиболее распространенным в литературе решением данной исследовательской проблемы является производство новых концептов со словом «демократия» (так называемые демократии с прилагательными)¹⁴.

Одними из первых обратили внимание на новое явление – демократии, обладающие какими-то дополнительными признаками, – американские исследователи Дэвид Кольер и Стефан Левитски в своей работе «Демократия с прилагательными: концептуальная инновация в компаративистике»¹⁵, написанной в 1996 г. В своей работе они впервые обозначили примерное число всех «демократий с прилагательными», насчитав более 500 моделей. Однако подробного списка ими составлено не было, а обозначенные 500 моделей включали как развитые демократии (например парламентские, двухпартийные), так и проблемные (фасадные, псевдо и т. д.). Авторы также выделили пять концептуальных рамок для работы с демократиями (от выборного минимума до максимальной концептуализации) и определили области применения концептов к данным рамкам. Они же выделили подтипы «diminished» демократий, которые отличались от первого типа каким-то одним утерянным признаком и создали классификацию для них: недемократический режим, электоральный, процедурный минимум, расширенный процедурный минимум; впервые попробовали выделить концепты из работ, описывающих новые состояния демократии. Работа Кольера и Левитски – практически единственная, сосредоточенная именно на исследовании «демократий с прилагательными». В дальнейшем исследования проводились по смежным направлениям, часто пересекаясь. К таким направлениям можно отнести работы по гибридным режимам (часть про демократии) и дефектным демократиям.

Также были проведены исследования гибридных режимов и места «демократий с прилагательными» в них. В данном исследовательском направлении были написаны работы Амичаи Магена и Леонардо Морлино¹⁶, Лэрри Даймонда¹⁷, Матигса Богаардса¹⁸. Первым обратил внимание на гибридные режимы Лэрри Даймонд. Он обозначил такое явление как «псевдодемократия». Формально институты и процедуры могут быть демократическими. Однако на деле некоторые признаки демократии очень трудно проверить на функциональность. Наличие многопартийных выборов с небольшим элементом соревновательности не может быть гарантией демократии. Авторитаризм также может быть «электоральным». Даймонд разводит в своем исследовании понятия «электоральная демократия» и «электоральный авторитаризм». Принадлежность к демократии определяется наличием

свобод, включенности и подотчетности. Псевдодемократию демократией как таковой, даже с натяжкой, не считает.

Леонардо Морлино и Амичаи Маген также помещали гибридные режимы между электоральным авторитаризмом и электоральной демократией и говорили об их двусмысленном положении. Они обратили внимание на то, что гибридное состояние может затянуться надолго и стать стабильным, что процесс демократизации – это не движение в одном направлении, «демократии с прилагательными» способны стать реальностью, а не транзитом.

Матигс Богаардс также пытается классифицировать гибридные режимы, существующие в поле между авторитарными и демократическими. Он говорит о качестве демократии, а не об отсутствии каких-либо признаков и обозначает пространство между электоральным авторитаризмом и дефектными демократиями. Богаардс не дает точного числа дефектных демократий. В его исследовании дефектные демократии практически синонимичны «демократиям с прилагательными» проблемного типа.

Отдельную группу составляют авторы, которые сосредоточились на исследовании дефектных демократий как особого подтипа «демократий с прилагательными» проблемного типа. В данном направлении практически в одно время работали Юрген Пуле¹⁹, Вольфганг Меркель²⁰. Меркель сначала рассматривает концепт «встроенной» демократии, для которой выделяет несколько измерений: вертикальной легитимности, политических прав, либерализма и верховенства закона (права человека и горизонтальная подотчетность), эффективный контроль повестки дня. В зависимости от нарушений в одном из измерений он выделяет типы дефектов в демократии. Всего дефектных демократий, как и измерений, которым они соответствуют, четыре: эксклюзивная, доминирующая (доминирование невыборных корпоративных субъектов), нелиберальная, делегативная. Дефектные демократии, по Меркелю, нетранзитны и могут существовать на протяжении длительного времени благодаря поддержке как со стороны политической элиты, так и со стороны «среды». Пуле также акцентирует свое внимание на качестве демократии. Он практически повторяет исследование Меркеля. Новизна в исследовании Пуле – таблица распределения стран по типам дефектных демократий.

Еще одно исследование посвящено концептуализации и измерению демократий. Г. Мунк и Дж. Веркуйлен²¹ предложили проводить исследование демократического развития в три этапа: концептуализация, измерение, агрегация. На уровне концептуализации происходит идентификация признаков (выделение и обозначение), а затем их вертикальная организация. Получается иерархия признаков.

Подходы к исследованию «демократий с прилагательными»

Наибольший толчок для развития теории демократии дала «третья волна» демократизации. Она стала настоящим вызовом для исследователей, особенно к началу 1990-х гг., когда стало понятно, что западные либеральные демократии не обязательно «конечная точка» на демократическом пути, но только один из множества вариантов развития, не всегда демократического. Усложнение представления о демократии породило большое количество всевозможных концептов, описывающих разные ее виды.

Всего в настоящее время существует более 500 видов «демократий с прилагательными», т. е. больше, чем существует стран²².

В зависимости от степени реализации декларируемых принципов на практике выделялось огромное количество разновидностей демократий («демократии с прилагательными»), которые можно объединить в три группы²³: развитая либеральная демократия (свободная, консолидированная, полиархия); ограниченная демократия (формальная, несвободная, электоральная, делегированная, суверенная), допускающая конкурентную борьбу индивидов за голоса избирателей и минимальный набор свобод, благодаря которому состязательность и участие имеют хоть какой-то смысл, при этом государство чаще всего не в состоянии гарантировать в полной мере декларируемые права и свободы; псевдодемократия (авторитарная, гибридный режим, неоавторитаризм, квазидемократия и т. д.), внешне обладающая основными признаками электоральной демократии, однако ограничивающая возможности честного электорального соперничества, способного привести к смене власти²⁴. Псевдодемократия описывает политический порядок, который пытается выглядеть как демократический, но не стремится им стать. Псевдодемократия – это не откат от либеральной демократии, но шаг на пути к построению совсем другой демократии.

Первая группа просто уточняет понимание либеральной западной демократии, в то время как вторая и третья группы описывают более сложные, смешанные случаи. Мы сосредоточимся на последних двух группах «демократий с прилагательными».

Сосуществование, с одной стороны, демократических выборных процедур, а с другой стороны, нарушение гражданских и политических прав, высокий уровень преступности, коррупции и низкий уровень социального и экономического развития показывает, что необходимо исследовать не только электоральное измерение демократии. Необходимо понимать природу гибридных режимов.

«Демократии с прилагательными» – это часть гибридного режима. Между авторитарны-

ми и демократическими режимами размытого типа не существует четкой границы. Проведение границы субъективно. В данном исследовании такая граница проводится в соответствии с позициями авторов концептов и их назывательных стратегий.

Появление данных стратегий побуждается как объективными практиками, когда режим действительно уже не является авторитарным, но не может считаться демократическим в либерально-западном понимании этого слова, так и субъективными стратегиями отдельных акторов и экспертов. В одном случае появляются объяснительные концепты, нацеленные на разъяснение нового явления и имеющие в своей основе познавательную стратегию. В другом случае появление новых концептов обусловлено заинтересованностью отдельных игроков в создании нового дискурса о демократии и ее свойствах в отдельных странах. К таким типам можно отнести легитимирующие стратегии, стремящиеся оправдать существующие недемократические черты и объяснить их как особенность (культурную, страновую и т. д.) демократии нового типа и делегитимирующие стратегии (стремящиеся разоблачить авторитарные режимы, считающиеся демократическими, ссылаясь на отдельные свойства, не совместимые с демократиями, и называя их «псевдодемократиями»).

Исследователи, основывающие свое изыскание на познавательной стратегии, чаще всего работают в трех следующих направлениях: социологальном (права человека, достоинство и равенство); экономическом (распределение ресурсов в обществе); политическом (участие населения в процессе принятия решений)²⁵.

Классификация признаков, заключенных в отдельных концептах

Каждый отдельный концепт «демократии с прилагательными», имеет набор признаков, в большей или меньшей степени отличающий его от других концептов. Все встречающиеся признаки можно разделить на пять видов проблемных зон: во-первых, институциональные – нарушение принципа разделения властей/персонализм; политическая роль военных; во-вторых, процедурные – отсутствие консенсуса по поводу «правил игры»; каналов обратной связи; в-третьих, правовые – права меньшинств, гражданские права; в-четвертых, экономические – экономическая стагнация, рост внешнего долга; в-пятых, социальные – религиозный фактор, культурный, этнический: аполитичность населения, религиозная ориентированность.

Каждый признак уникален, потому что авторы «демократий с прилагательными» не стремятся обобщать отдельные явления. Очень мало теоретических работ с точки зрения обобщения.

Большинство концептов созданы ради одно-единственного признака. Такие признаки не имеют своего «облака» критериев, однако сами по себе очень информативны.

Практически все признаки имеют отношение к «процедурному минимуму». В числе проблем встречаются и такие факторы, как культурные, религиозные, экономические особенности различных стран, однако данные признаки влияют на другие, более существенные стороны демократического развития. В первую очередь деформации подвержены политические институты и процедуры. Именно поэтому такое большое внимание в текстах уделено проблемам институтов и взаимодействию между ними и средой.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Новое и относительно молодое явление демократий, отвечающих формальным, процедурным признакам, но вызывающих сомнение по поводу своей демократической сущности, породило и новые концепты для описания происходящих изменений. В самом деле, демократии с «определениями» или, как иногда говорят, «родимыми пятнами» показали, что не всегда имеют транзитную сущность и могут достаточно долго находиться в режиме равновесия, не гарантируя дальнейшего перехода к демократии более совершенного типа или отката назад. Многообразие концептов «демократий с прилагательными», появляющихся быстрее, чем меняются режимы в странах, строится чаще всего на описательном и познавательном принципе. Главная сложность состоит в том, что каждый новый концепт совершенно не опирается на предыдущий, однако, несмотря на это, во многом дублирует признаки, уже присвоенные другим концептам. Ряд концептов «демократий с прилагательным», изобретаемых, описываемых и используемых в политологическом дискурсе, взаимозаменяемы, так как данные концепты апеллируют к одному и тому же набору признаков. Это вызвано тем, что по поводу данного явления практически отсутствует единое мнение.

К сожалению, большое количество кейсов не только не дает общего представления о явлении, охватывая лишь какой-то один спектр проблемы, но и еще больше запутывает понимание того, что же такое демократия. В результате возникают неясность, путаность политологического дискурса о демократии, затрудняющие не только понимание феномена, но и путей дальнейшей демократизации такого режима.

Но, несмотря на всю запутанность дискурса, попытки с ним разобраться небезынтересны. Возникновение новых концептов и необходимость рано или поздно согласовывать его с предыдущими приведет к необходимости взаимодействия исследователей для выделения общих признаков, а не бесконечного образования новых концептов.

Примечания

- 1 Цит. по: Латинская Америка : испытания демократии. Векторы политической модернизации : в 2 ч. М. : ИЛА РАН, 2009. Ч. 1. С. 19.
- 2 Подробнее о термине см.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003.
- 3 См.: Материалы конференции ГУ-ВШЭ «Институты публичной политики: трансплантация или выращивание», 13 мая 2005. URL: <http://gpir.narod.ru/ve/661903.htm> (дата обращения: 05.06.2010).
- 4 В англоязычной литературе – «Democracy with adjectives».
- 5 См.: Puhle H. Democratic Consolidation and «Defective Democracies» // Universidad Autónoma de Madrid. Working Paper. 47/2005. P. 1–20.
- 6 См.: Croissanta A. From transition to defective democracy : mapping Asian democratization // Democratization. 2004. Vol. 11, № 5. P. 156–178.
- 7 См., например: Мусаев Б. Новый авторитаризм. 1991–1992. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1188852180> (дата обращения: 01.05.2014).
- 8 См.: Зудин А. Ю. Политический моноцентризм в России : от режима к системе // Пути России : существующие ограничения и возможные варианты : сб. / ред. Т. Е. Ворожейкина. М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2004. С. 86–96.
- 9 См.: Холодковский К. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2. С. 7–22.
- 10 См.: Petrov N., Lipman M., Hale H. E. Overmanaged Democracy in Russia : Governance Implications of Hybrid Regimes // Carnegie Endowment for International Peace Paper № 106. February 2010. Washington D.C.
- 11 См.: Surkov V. Nationalization of the Future : Paragraphs pro Sovereign Democracy // Russian Studies in Philosophy. 2009. Vol. 47, № 4. P. 8–21.
- 12 См.: Третьяков В. Диагноз : управляемая демократия // Независимая газ. 2000. 13 янв.
- 13 См.: O'Donnell G. Delegalive Democracy? URL: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/172.pdf> (дата обращения: 01.05.2014).
- 14 См.: Schmidt S. New kids on the block : embedded democracy, defective democracy and failing states : a discussion of concepts and typologies and etc. URL: http://edulibs.org/get_paper.php?id=27306318 (дата обращения: 01.05.2014).
- 15 См.: Collier D., Levitsky S. Democracy «with adjectives» : conceptual innovation in comparative research // Working paper № 230. 1996. August. P. 430–451.
- 16 См.: International Actors, Democratization and the Rule of Law : Anchoring Democracy? / ed. by A. Magen and L. Morlino. L. : Routledge, 2009. P. 224–258.
- 17 См.: Diamond L. Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy. 2002. № 2. P. 21–35.
- 18 См.: Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 2. P. 399–423.
- 19 См.: Puhle H. Op. cit.

- ²⁰ См.: *Merkel W.* Embedded and defective democracies // *Democratization*. 2004. Vol. 11, № 5. P. 33–58.
- ²¹ См.: *Munck G., Verkuilen J.* Conceptualizing and measuring democracy: evaluating alternative indices // *Comparative political studies*. 2002. № 1. P. 5–34.
- ²² См.: *Collier D., Levitsky S.* Op. cit. P. 432.

- ²³ См.: *Volpi F.* Pseudo-democracy in the Muslim World // *Third World Quarterly*. 2004. № 6. P. 1063.
- ²⁴ См.: *Латинская Америка: испытания демократии...* Ч. 1. С. 22–23.
- ²⁵ См.: *Wong J.* Deepening democracy in Taiwan // *Pacific Affairs*, University of British Columbia. 2003. № 2. P. 238–239.

УДК 94(510).093

РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В КИТАЕ

Е. С. Красанцов

Саратовский государственный университет
E-mail: krasancov.evgeny@gmail.com

В статье исследуется развитие возобновляемых источников энергии в Китае в XX–XXI вв. и рассматриваются проблемы, с которыми сталкивалась КНР на первых ступенях создания своей альтернативной энергетики. Особое внимание уделяется таким источникам, как энергия воды, солнца, ветра и атома. В заключение приводятся перспективы развития возобновляемой энергии на фоне развития углеводородной энергетики в КНР.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, энергетический комплекс, гидроэнергия, солнечная, ветряная, ядерная энергия.

Alternative Energy Sector Development in China

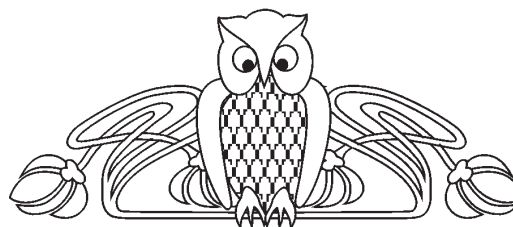
E. S. Krasantcov

This paper scrutinizes the development of renewable energy sources in China during the XX–XXIst centuries. Additionally this research analyzes the issues that the PRC was facing at the initial phase of its alternative energy development. The main attention is paid to water, solar, wind and nuclear energy. The study concludes with the perspectives of renewable energy development against the development of hydrocarbon energy in the PRC.

Key words: People's Republic of China, energy sector, hydro, solar, wind, nuclear energy.

Разработкой альтернативных источников энергии занимаются во всем мире, и Китай, будучи ныне самым энергопотребляющим государством, не является исключением. Начало развития альтернативной энергетики в Китае относит нас более чем на столетие назад. Страна вступила на этот прогрессивный путь в далеком 1910 г., когда решила построить первую в своей истории гидроэлектростанцию Шилонгба на реке Тхан-ланг Чхуан в провинции Юньнань. Уже в 1912 г. прибрежные жители впервые стали получать электроэнергию для своих нужд, производимую на гидроэлектростанции, которая работает и по сей день¹. Такой шаг был предпринят, чтобы показать колониальным державам, что Китай – это независимое государство, способное на самостоятельное развитие.

Таким образом, до середины XX в. Китай успел построить 22 крупных водохранилища.

Однако это был только первый шаг. После образования КНР в 1949 г. она столкнулась с серьезным дефицитом электроэнергии, в связи с чем правительство в период 1949–1960 гг. стимулировало строительство небольших и средних водохранилищ для их дальнейшего использования с целью выработки электроэнергии. Результатом стали десятки тысяч дамб, возведенных по всему Китаю².

В то же время некоторые проекты выделялись по уровню своей энергетической отдачи. Одним из таких проектов стала крупная ГЭС в водном резервуаре Син Ан Тианг, также известном как «озеро тысячи островов». Данный проект был прописан в первом пятилетнем плане (1953–1957) новообразованного государства, что говорило о высоком приоритете, отдаваемом развитию гидроэнергетики. После завершения строительства в 1956 г. правительство Чжоу Эньляя высказало большую признательность рабочим за проделанную работу, так как этот объект представлял собой большой прорыв в гидроэнергетической сфере страны. Уже в 1960 г. станция вошла в свою активную фазу, генерируя дополнительные мощности и регулируя водозабор для предотвращения наводнений³.

Тем не менее, несмотря на очевидный прогресс в строительстве гидроэлектростанций в КНР, большинство из них были мелкими проектами ввиду ограниченного количества специалистов, оборудования и технологий. Только с открытием внешнему миру в 1978 г. и с появлением необходимых зарубежных технологий Китай смог разрешить эту проблему, начав проектировать более крупные и технологически сложные ГЭС.

Таким образом, наиболее активный виток развития гидроэнергетики пришелся на конец XX – начало XXI в.⁴ Одним из крупномасштабных проектов, обозначивших рассвет данной сферы, стала ГЭС Ар Тхан на реке Я Лонг в провинции Сычуань, возведение которой началось в 1991 г. Ар Тхан стал крупнейшей гидроэлек-

тростанцией, построенной в Китае в XX в. Плюс ко всему это был первый проект такого рода, для участия в котором объявлялся международный тендер. В результате строительство объекта завершилось в 1999 г., а в его создании приняли участие более 700 технических специалистов из 47 стран⁵.

Апогеем же развития водной энергетики стал проект ГЭС «Три ущелья» (三峡 – Сан Ся). Первым, кто предложил строительство такого водного хранилища еще в начале XX в., был китайский революционер и основатель партии «Гоминьдан» Сунь Ятсен. Идею подхватили политические преемники – Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, проведя разведку в зоне Трех ущелий, хотя и без каких-либо практических последствий. Только в 1986 г. Министерство водных ресурсов КНР провело уже полноценную оценку экономической и энергетической привлекательности проекта. В 1992 г. на Седьмом Всекитайском собрании народных представителей был принят проект строительства, который стартовал в 1994 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь назвал проект «Три ущелья» основой всего социального развития Китая, который серьезно стимулирует экономическое развитие КНР⁶. Данный проект стал большим успехом Коммунистической партии страны, и по сегодняшний день ГЭС является самой крупной в мире.

В дальнейшем водная энергетика продолжала активно развиваться, и к началу XXI в. в КНР уже были десятки крупных ГЭС, такие как Силуоду⁷ и Гычжоуба. Большинство же из построенных в XXI в. ГЭС, например Лонг Тхан, Сяо Уан, Тин Пхинг 1 и Тин Пхинг 2, проектировались еще во второй половине XX в. В некоторых случаях проводилось даже предварительное строительство вспомогательных объектов: дорог, мостов, отводов рек. Однако, как указывалось ранее, создание самих ГЭС вынужденно откладывалось до появления необходимых технологических и финансовых условий. В итоге в практическом выражении производительность гидроэнергии в Китае выросла с 0,0005 ГВт в 1912 г. до 77 ГВт в 2000 г.⁸ После запуска ранее обозначенных крупнейших ГЭС в КНР к 2012 г. Китай вырабатывал уже 249 ГВт⁹ из возможных 542 ГВт¹⁰.

Наряду с водной энергетикой крайне перспективным направлением альтернативного развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) КНР также стала ветряная энергетика. До конца 1970-х гг. добыча энергии ветра осложнялась слабым технологическим потенциалом. С открытием же внешнему миру наметились серьезные перемены. Первые шаги были сделаны в 1980-х гг., когда метеорологическое бюро Китая провело анализ ветряных энергоресурсов на основе погодных отчетов с множества метеорологических станций. Получив необходимые

сведения, Государственный авиационный департамент КНР в 1986 г. построил первую ветроэлектрическую установку в провинции Шаньдун, что придало большой стимул развитию всей ветряной энергетики. Не останавливаясь на достигнутом, с каждым годом Китай все больше увеличивал мощность устанавливаемых турбин, а благодаря программе «863» по наращиванию внутреннего технологического потенциала КНР начинает производить больше собственных ветрогенераторов, постепенно отказываясь от их импорта. Наибольший скачок в производстве пришелся на начало XXI в., когда Комиссия по национальному развитию и реформам выпустила план по стимулированию внутреннего производства. Так, за короткий промежуток, 2004–2006 гг., КНР поднялась с 10-го на 6-е место в мире по производительным мощностям¹¹.

В 2012 г. Китай уже становится лидером в этой области, выйдя на производительную мощность в 63 млн кВт¹², где треть всех вводимых в мире ветряных энергогенерирующих установок пришлось именно на КНР¹³. У Поднебесной был хороший потенциал в области развития ветряной энергетики, учитывая ее географическое положение, где весомая часть границ пролегла вдоль морских широт. В данных условиях сеть ветряных мельниц вдоль береговой линии в южных провинциях станет хорошим подспорьем в разрешении дефицита энергии в той части страны. По этой причине к 2015 г. правительство планирует увеличить ветряные генерирующие мощности до 100 млн кВт¹⁴.

Возможности Китая в развитии альтернативного направления ТЭК этим не ограничивались. Наряду с ветром и водой большие перспективы также показывала и солнечная энергетика. Однако нужно отметить, что потенциал солнечной энергии только недавно всерьез привлек внимание китайских властей. В начале XXI в. добыча солнечной энергии была крайне незначительной. Но, несмотря на финансовый кризис того времени, правительственная антикризисная программа помогла справиться с падением числа заказов на солнечные панели, стимулировав внутренний спрос. Одной из таких антикризисных мер стала программа «Золотое солнце», инициированная в 2009 г. Государственным энергетическим управлением КНР, министерством финансов и министерством науки и техники. В программу было заложено оказание научной, технической и финансовой поддержки фотоэлектрической сфере¹⁵.

Так, в ходе развития солнечной энергетики в стране правительство задумало начать использование обширных пустынных территорий, которые покрывают большую часть запада, центра и севера Китая. Каждый год, начиная с 2008-го, солнечная энергетика показывала многократный рост¹⁶. За короткое время Китай настолько активизировался в этой области, что быстро занял

лидирующую позицию в мире по производству солнечных панелей. К 2012 г. фотогальваническая индустрия КНР произвела уже 40% всех солнечных панелей в мире¹⁷.

В дополнение к этому Пекин строил грандиозные планы на будущее по генерированию солнечной энергии для собственных нужд. Для обеспечения достаточных фотоэлектрических мощностей китайские власти за период 12-й пятилетки запланировали увеличение объемов генерации энергии с 7 до 35 млн кВт к 2015 г.¹⁸, для чего потребуются засеять солнечными панелями пустыни с общей площадью в 400 млн м². Основными солнечными «полигонами» для возведения внутрисетевых фотогальванических электростанций должны стать провинции Цинхай и Гансу, а также автономные районы Синьцзян и Внутренней Монголии¹⁹. Обозначенные территории имеют в своем распоряжении обширнейшие незадействованные земли с избыточным числом жарких солнечных дней в году.

Отталкиваясь от солнечной энергетики в развитии ТЭК, следует также назвать сектор биотоплива, который обладает огромным потенциалом, если брать в расчет размер населения КНР и объемы мусора, уходящего в утиль каждый день. Данное направление стало активно развиваться в начале XXI в. Инициировав политику «выхода за рубеж», правительство тем самым старалось интенсифицировать международное сотрудничество в этой области для заимствования иностранных инноваций, не забывая также совершенствовать отечественные технологии²⁰. Так, в том числе и благодаря проводимой государственной политике Китаю удалось запустить несколько крупных проектов, связанных с использованием биомассы и бытового мусора вблизи Пекина²¹ и Шанхая²².

Одним из самых ярких примеров в этой области стал совместный проект Шанхайского правительства и научного сообщества университета Тунцзи по использованию отработанного кухонного масла для производства биодизеля, предназначенного для общественного транспорта²³. Наряду с разработкой биотоплива следует также назвать некоторые перспективные направления ТЭК, над которыми работало китайское научное сообщество. Среди самых передовых технологий сбора возобновляемой энергии следует назвать геотермическую энергию, энергию волн, приливов, океанических подводных течений, а также энергию сухих горячих камней²⁴.

Следующий источник энергии сложно назвать возобновляемым, но его запасы и энергетическая отдача настолько велики, что его потенциал еще не скоро исчерпается. Речь идет о ядерной энергетике. Ядерная энергия относительно недавно стала использоваться человечеством себе на благо. Так, первая атомная электростанция была успешно запущена в Советском Союзе в 1954 г.

В то же время при виде успешного развития мирного атома в СССР Мао Цзэдун 14 января 1954 г. созвал расширенное совещание ЦК КПК на тему развития ядерной энергетики в Китае. С целью познать потенциал нового направления на открытии встречи Мао Цзэдун обратился к своим коллегам: «Сегодня мы претворимся учениками, пришедшими на урок по теме атомной энергии. Прошу вас начинать урок»²⁵. Одним из предполагаемых учителей выступил заместитель председателя Государственного совета КНР Лиу Тье, который поделился своими воспоминаниями о том заседании в книге «Современная атомная индустрия Китая». Само же собрание носило закрытый характер, посему не оставило после себя никаких официальных записей и фотографий. На следующий же день, 15 января 1954 г., было принято решение о строительстве необходимых атомных сооружений²⁶. Этот день можно назвать днем рождения атомной энергетики в Поднебесной.

Тогда в едином порыве все высшее руководство КНР указывало на необходимость развития ядерной энергии, включая первого премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. «Сегодня наступает атомная эра, и вне зависимости от того, в мирных или военных целях используется ядерная энергия, мы должны разбираться в этом вопросе»²⁷. И даже несмотря на возникший разлад в советско-китайских отношениях, а следовательно, и в атомном сотрудничестве, Китай продолжил работу в этом направлении и в конечном итоге успешно справился с задачей.

Об этом говорит и успех в военной сфере, так как спустя десять лет после первого заседания по ядерной тематике КНР испытала свою первую атомную бомбу 16 октября 1964 г.²⁸ Тем не менее прошло больше двадцати лет, прежде чем атомная энергетика Китая начала служить на благо общества.

Только в 80-х гг. XX в. вместе с началом строительства первых атомных электростанций Тьсин Шан и Да Я Уан стартовала программа мирного атома, что открыло для КНР мирную ядерную эпоху. В этой связи в 1988 г. Дэн Сяопин акцентировал внимание правительства на необходимости развития передовых технологий, что подразумевало и развитие мирного атома. «Если бы в 60-х годах Китай не обзавелся атомной и водородной бомбами, не запустил в космос спутник, Китай не имел бы права называться большим влиятельным государством и не обладал бы сегодняшним международным статусом»²⁹.

Таким образом, из военных стремлений стало возможным развитие мирного атома и нового направления энергетики. За два десятилетия в период конца XX – начала XXI в. Китай совершил в этой области большой «атомный скачок». К 2013 г. КНР насчитывала уже 17 реакторов с общей производительной мощностью почти 15 млн кВт³⁰. Пекин также вынашивал серьезные планы по дальнейшему развитию мирного

атома. Ядерная энергетика КНР в современной эпохе занимала всего 2% в топливно-энергетическом балансе при среднемировом уровне 14%. Однако к концу 12-й пятилетки в 2015 г. Китай планирует уже утроить мощность атомной энергии и довести ее до уровня 40 млн кВт³¹.

В более далекой перспективе Китай планирует построить дополнительно 29 реакторов в разных частях страны, что представляет собой 40% всех строящихся реакторов в мире. Ближайший преследователь по этому показателю – это Россия с 11 реакторами на стадии строительства. Ожидается также, что к 2035 г. китайский атомный сектор будет вырабатывать ядерную энергию, равную пятой части мирового объема³². Вместе с этим долгосрочная дорожная карта развития китайской ядерной энергетики выглядит следующим образом: 60–70 ГВт к 2020 г., 200 ГВт к 2030 г., 400–500 ГВт к 2050 г. и 1400 ГВт к 2100 г.³³ Единственной серьезной проблемой на пути такого крупномасштабного расширения, как замечает российский ученый-китаист Я. Бергер, является нехватка отечественного оборудования, также ограниченные запасы урана на территории КНР³⁴.

Подводя итог, мы можем утверждать, что возобновляемые источники энергии оказали огромное влияние на развитие топливно-энергетического комплекса Китая XX–XXI вв. За это время страна прошла длинный и во многом тернистый путь развития своей альтернативной энергетики. Резюмируя прогресс в этой сфере, к 2011 г., согласно Ли Тюнфенгу, заместителю директора Института энергетических исследований Национальной комиссии по развитию и реформам, доля неископаемых видов топлива составила 9,4% от общего числа энергоресурсов, используемых в Китае³⁵. Официальные власти также предрекают рост этого показателя до 11,4% к 2015 г. и 15% к 2020 г.³⁶ Более оптимистичные прогнозы китайских специалистов говорят о росте до 18% к 2020 г. и 30% к 2030 г.³⁷

Однако каждое из предложенных направлений альтернативной энергетики потребовало от правительства больших ресурсов и политической воли. В условиях же дефицита соответствующих специалистов ситуация еще больше усложнялась. Только с приходом новой эпохи открытости внешнему миру Китай смог совершить ощутимый прогресс в данной сфере. Однако, учитывая сегодняшние потребности в энергии в КНР и сокращающиеся запасы углеводородного топлива по всему миру, можно с уверенностью сказать, что возобновляемые источники и ядерная энергетика будут играть все более значимую роль для Китая в ближайшие десятилетия.

Примечания

¹ См.: 1st hydropower station remains in active use // China Daily, January 3, 2012. URL: <http://www.chinadaily.com>.

cn/business/2012-01/03/content_14372082.htm (дата обращения: 29.08.2013).

- ² См.: Hydro-Power and Hydro-Hegemony: China's Prolific Dam-Building // Chinafolio, October 16, 2012. URL: <http://www.chinafolio.com/hydro-power-and-hydro-hegemony/> (дата обращения: 02.07.2014).
- ³ См.: China's first hydropower station Xin'anjiang reservoir // CCTV, April 27, 2012. URL: <http://english.cntv.cn/program/newsupdate/20120427/115620.shtml> (дата обращения: 12.03.2014).
- ⁴ См.: Jie Cai. Hydropower in China // University of Gavle. September 2009, p. 12. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:276817/FULLTEXT01> (дата обращения: 15.03.2014).
- ⁵ См.: Ertan Hydropower Plant, Yalong River, China. Power Technology. URL: <http://www.power-technology.com/projects/ertan/> (дата обращения: 02.07.2014).
- ⁶ См.: 长江三峡工程. 中国网 2002年9月22日 (Проект «Три ущелья» на реке Янцзы // Интернет-издание «Китай», 22 сентября, 2002) 网址. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/zhuanti/207992.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
- ⁷ См.: Mu Xuequan. China's Second-Largest Hydropower Station Starts Operation // Xinhua, July 15, 2013. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-07/15/c_125012352.htm (дата обращения: 01.09.2013).
- ⁸ См.: Lu Youmei. Hydropower and Sustainable Development in China // United Nations Sustainable Development Edition, p. 4. URL: http://www.un.org/esa/sustdev/sdissues/energy/op/hydro_luyoumei.pdf (дата обращения: 18.07.2014).
- ⁹ См.: 中国绿色科技报告 2013 : 站在十字路口的中国. 《中国绿色科技报告》, 北京诺唯谛企业策划有限公司, 2013年. 第38页 (Отчет о зеленых технологиях Китая 2013 : Китай на перепутье. Компания Китайские зеленые технологии. Пекин : Novelty Marketing & Design Solution Co. Ltd, 2013. С. 38).
- ¹⁰ См.: 白皮书. 中国的能源政策(2012). 中华人民共和国国务院新闻办公室. 中央政府门户网站. 2012年10月24日 (Белая Книга. Энергетическая политика Китая (2012) // Информационный отдел государственного совета. Интернет-портал Центрального правительства Китая, 24 октября 2012). URL: http://www.gov.cn/jrzq/2012-10/24/content_2250377.htm (дата обращения: 09.07.2013).
- ¹¹ См.: Yun Zhou, Quanfeng Wang. Wind Power in China // University of Gavle. Department of Technology and Built Environment. June 2009. P. 2–17. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:225297/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 12.03.2014).
- ¹² См.: 作品. 前. 中国绿色科技报告 2013 : 站在十字路口的中国 (Отчет о зеленых технологиях Китая 2013...).
- ¹³ См.: British Petroleum Statistical Review of World Energy 2013. L. : BP, June 2013.
- ¹⁴ См.: 作品. 前. 白皮书. 中国的能源政策 (2012) (Белая Книга. Энергетическая политика Китая (2012)).
- ¹⁵ См.: Бергер Я. М. Энергетическая ориентация Китая. Аналитические записки. Январь-март 2010. URL: <http://analyticmsz.ru/?p=319> (дата обращения: 18.03.2014).

- ¹⁶ См.: Xu Honghua, Charlie Dou, Wang Sicheng, Lv Fang. China National Photovoltaics Status Report 2012. International Energy Agency // Co-operative Programme on Photovoltaic Power Systems. 2012. August 15. P. 26.
- ¹⁷ См.: 作品。前。白皮书。中国的能源政策 (2012) (Белая Книга. Энергетическая политика Китая (2012)).
- ¹⁸ См.: 作品。前。中国绿色科技报告 2013 : 站在十字路口的中国 (Отчет о зеленых технологиях Китая 2013...).
- ¹⁹ См.: 作品。前。白皮书。中国的能源政策 (2012) (Белая Книга. Энергетическая политика Китая (2012)).
- ²⁰ См.: Бергер Я. М. Указ. соч.
- ²¹ См.: Beijing Turns Garbage into Power // China Internet Information Center, July 18, 2012. URL: http://www.china.org.cn/environment/2012-07/18/content_25942218.htm (дата обращения: 18.07.2013).
- ²² См.: Shanghai Garbage Power Plant Built // China Internet Information Center, February 20, 2002. URL: <http://www.china.org.cn/english/2003/Feb/56309.htm> (дата обращения: 18.07.2013).
- ²³ См.: Shanghai Converts Used Cooking Oil to Fuel Buses // Michelin. Challenge Bibendum, May 29, 2013. URL: <http://www.michelinchallengebibendum.com/en/NEWS-AND-PUBLICATIONS/News/Shanghai-Converts-Used-Cooking-Oil-to-Fuel-Buses> (дата обращения: 31.08.2013).
- ²⁴ См.: 作品。前。白皮书。中国的能源政策(2012)(Белая Книга. Энергетическая политика Китая (2012)).
- ²⁵ 毛泽东与科技界。中共重庆市委科技工作委员会主办, 2011年4月15日。(Мао Цзэдун и научное сообщество // Муниципальный комитет науки и техники КПК в Чхонг Тьсинг, 15 апреля, 2011). URL: <http://cqkjdc.cstc.gov.cn/View.aspx?id=1662> (дата обращения: 03.03.2014).
- ²⁶ См.: 当代中国的核工业。北京, 中国社会科学出版社, 1987年1月 (Современная ядерная индустрия Китая. Пекин : Изд-во социальных наук Китая, 1987).
- ²⁷ 周恩来与中国核工业。人民日报社(Чжоу Эньлай и атомная индустрия. Жэньминь жибао). URL: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/8198/9405/34150/2543928.html> (дата обращения: 03.03.2014).
- ²⁸ См.: 李觉, 怀国模, 张开善, 我国第一颗原子弹爆炸中的十件大事。中华人民共和国国防部, 2009年10月14日 (Ли Тюэ, Хуай Гуо Мо, Джанг Кхай Шан. Десять событий, которые привели к первым испытаниям атомной бомбы в Китае // Министерство национальной обороны Китайской Народной Республики, 14 октября 2009). URL: http://www.mod.gov.cn/hist/2009-10/14/content_4095180.htm (дата обращения: 03.03.2014).
- ²⁹ 从毛泽东的远见到中国能源安全。农村能源网, 2005年1月19日 (От видения Мао Цзедун до энергетической безопасности Китая // Информационный портал «Агркультурная энергетика», 19 января 2005). URL: <http://nyt.zj.gov.cn/html/ncny/informationView/58169.html> (дата обращения: 03.03.2014).
- ³⁰ См.: 作品。前。中国绿色科技报告 2013 : 站在十字路口的中国 (Отчет о зеленых технологиях Китая 2013...).
- ³¹ См.: 中国能源发展报告。能源蓝皮书2009。社会科学文献出版社。北京, 2009, 第131页 (Энергетическое развитие Китая. Синяя книга энергии 2009. Пекин : Изд. дом общественных наук, 2009. С. 131).
- ³² См.: Larson C. China Wants Nuclear Reactors, and Lots of Them // Bloomberg Businessweek. Global Economics, February 21, 2013. URL: <http://www.businessweek.com/articles/2013-02-21/china-wants-nuclear-reactors-and-lots-of-them> (дата обращения: 01.08.2013).
- ³³ См.: Nuclear Power in China // World Nuclear Association, May 2012. URL: <http://www.world-nuclear.org/info/inf63.html> (дата обращения: 16.04.2013).
- ³⁴ См.: Бергер Я. М. Указ. соч.
- ³⁵ См.: Use of fossil fuels to decline // China Internet Information Center, February 10, 2012. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-02/10/content_24601666.htm (дата обращения: 14.04.2013).
- ³⁶ См.: 作品。前。白皮书。中国的能源政策(2012)(Белая Книга. Энергетическая политика Китая (2012)).
- ³⁷ См.: 中国能源安全现状及战略选择。凤凰新媒体, 2011年03月21日 (Энергетическая безопасность Китая и выбор стратегии // Финансово-новостной сайт Finance ifeng, 21 марта, 2011). URL: <http://finance.ifeng.com/news/20110321/3709424.shtml> (дата обращения: 01.07.2013).

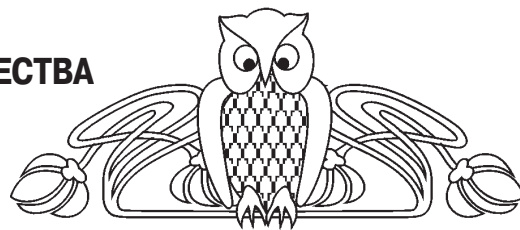
УДК 327

СТРАНЫ АЛБА И СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ИТОГИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Е. А. Виноградова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: vinogradovacatherine7@gmail.com

Политика в области общественной дипломатии стран АЛБА на Ближнем Востоке является одним из важнейших внешнеполитических ориентиров стран АЛБА в их асимметричном информационном противоборстве с США. В период 2006–2013 гг. страны АЛБА оказывали влияние на международные СМИ с целью формирования отрицательной репутации США. Укрепляющийся внешнеполитический диалог стран АЛБА с Сирией, объединяю-

щий два региона на базе платформы противостояния однополярному влиянию США, открывает дополнительные перспективы для формирования новых центров силы, противостоящих сложившейся в мире монополярности.

Ключевые слова: общественная дипломатия, информационное противоборство, АЛБА, Сирия, «новые медиа», США, стратегическое сотрудничество.

ALBA Countries and the Syrian Crisis: Results of Interregional Cooperation

E. A. Vinogradova

The policy in the field of Public Diplomacy of ALBA countries in the Middle East is one of the most important foreign policy guidelines of the ALBA countries in their asymmetric information confrontation with the United States. In the period of 2006–2013 ALBA countries had an impact on the international media in order to create a negative reputation of the United States. Strengthening foreign policy dialogue of the ALBA countries with Syria, uniting the two regions on a base of confrontation with unipolar influence of the United States, opens possibilities for the formation of new centers of power, opposed to the current unipolar world.

Key words: public diplomacy, information warfare, ALBA, Syria, «new media», U.S., strategic cooperation.

Сирия – торговый партнер и политический союзник

Сегодня приоритетным направлением во внешней политике стран АЛБА является укрепление стратегических отношений со странами Ближнего Востока, в частности с Ираном и Сирией. Общей задачей сближения двух регионов, по словам бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса, является «борьба с империалистическим безумием и ускорение темпов построения гармоничного и братского сотрудничества между Ираном и Венесуэлой, Азией и Латинской Америкой и среди народов третьего мира»¹.

Одним из направлений общественной дипломатии АЛБА в их политике на Ближнем Востоке является расширение торгово-экономических, социальных и политических взаимосвязей², способных ослабить экономическое и политическое давление США.

Важным стратегическим партнером стран АЛБА на Ближнем Востоке является Сирия³. С 2010 г. она имеет статус приглашенного члена АЛБА. В 2011 г. представителями стран АЛБА в Дамаске была проведена специальная встреча с президентом Сирии Башаром Асадом. Группа стран АЛБА резко осудила открытую политическую и информационную войну против Сирии, подтвердив, что эта антисирийская кампания – не что иное, как грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства и прямое нарушение норм международного права и Устава ООН. Председатель делегации Эквадора, представитель стран АЛБА на проходившем в Женеве заседании Совета ООН по правам человека, отметил, что страны «Боливарианского альянса» категорически отвергают любой вид иностранного вмешательства во внутренние дела Сирии⁴.

Говоря о торгово-экономическом сотрудничестве, необходимо отметить, что одним из главных партнеров Сирии на сегодняшний день является Венесуэла. Начиная с 2006 г. между странами подписан ряд соглашений в области

нефтяной промышленности, энергетики, культуры и обмена информацией. Во время визита Уго Чавеса в Сирию в октябре 2010 г. была подтверждена приверженность обеих сторон реализовать уже достигнутые соглашения о сотрудничестве общим объемом в 1 млрд долл. и подписаны новые соглашения по таможенному взаимодействию и сотрудничеству в области морского транспорта⁵.

Здесь надо отметить, что в условиях экономического эмбарго, наложенного странами НАТО на Сирию, Венесуэла в 2011–2012 гг., несмотря на резкую критику западных СМИ, доставила 35 000 тонн мазута в Сирию, нарушив односторонние торговые ограничения, введенные Западом.

Тесные торгово-экономические отношения связывают Сирию и Эквадор. Так, в марте 2011 г. на встрече президента Сирии Башара Асада с министром внешней торговли Эквадора Рикардо Патиньо Арока между странами был заключен ряд соглашений, направленных на расширение торговых взаимосвязей, развитие туризма, увеличение инвестиций, а также создание двухсторонних торгово-экономических комитетов, которые будут способствовать интеграции между двумя странами⁶.

Таким образом, еще в самом начале сирийского кризиса страны АЛБА заняли определенную позицию в отношении Сирии, направленную на ее поддержку как ассоциированного члена АЛБА и важного стратегического партнера.

Особенности общественной дипломатии стран АЛБА в сирийском вопросе

Политика стран АЛБА в области общественной дипломатии была направлена на формирование общественного мнения, отвечающего за репутацию стран АЛБА и Сирии в мире и отражение информационных атак со стороны США. Здесь следует отметить, что за последние несколько лет такие атаки способствовали установлению регулярной «войны в СМИ» между странами Ближнего Востока и АЛБА, с одной стороны, и США, с другой.

Используя опыт работы в социальных медиа, президенты стран АЛБА практически ежедневно комментировали ситуацию в Сирии, призывая США и другие страны-члены НАТО к мирному урегулированию ситуации в Сирии, не прибегая к «жестким методам» «мягкой силы», удачно апробированной в Ираке, Ливии и частично в Иране.

Исходя из данных контент-анализа, проведенного автором данного исследования, подобные действия со стороны латиноамериканских политиков⁷, несмотря на негативные комментарии американских и европейских СМИ, вызвали много положительных откликов у целевой

аудитории не только в латиноамериканских странах, но и в странах Ближнего Востока, ЕС и даже в США.

СМИ США и ЕС: в чем разница политических оценок?

Хотелось бы отметить, что страны ЕС, являющиеся стратегическими партнерами США в их агрессивной ближневосточной политике, опасаются, однако, поддерживать США в информационном противоборстве со странами АЛБА. Так, описывая визит в страны АЛБА еще одного «неудобного Западу» политика – иранского президента М. Ахмадинежада, европейские новостные СМИ⁸ не подвергали резкой критике лидеров стран АЛБА за расширение внешнеполитического диалога с Ираном. Все сообщения в основном состояли из цитат президентов стран АЛБА и Ирана, резко критикующих «империалистические» действия со стороны США, тогда как США накануне визита президента Ирана в ряд стран АЛБА, используя услуги своего информационного агентства CNN⁹, в очередной раз разожгли «скандал в СМИ», направленный на подрыв репутации Венесуэлы и Ирана в мире.

В официальном сообщении Госдепартамента США содержалась информация о высылке генерального консула Венесуэлы Ливии Акости Ногуэры за пределы Соединенных Штатов. Информационное агентство связало этот факт с подозрениями в причастности дипломата к планированию кибератак на правительственные системы США. Эти подозрения появились после выхода на испаноязычном канале Univision документального фильма «Иранская угроза», в котором были продемонстрированы записи бесед Ногуэры с кубинскими и иранскими дипломатами, интересовавшимися взломом сайтов Белого дома, ФБР и Пентагона. При этом официальный Вашингтон не сообщил причин высылки дипломата, сославшись на международные нормы, в соответствии с которыми объяснение подобных шагов не является обязательным, а сами события, показанные в фильме, относились к 2008 г., когда Ногуэра работала в венесуэльском посольстве в Мексике.

В то же время европейские СМИ ограничились констатацией фактов без развернутых комментариев, отметив при этом схожесть происходящих событий с голливудским фильмом¹⁰, чем еще раз продемонстрировали различие в подходах европейских и американских СМИ к освещению событий в латиноамериканском регионе. Подобную позицию они заняли и в комментариях по поводу сотрудничества АЛБА и Сирии.

Такое поведение продиктовано в первую очередь экономическими интересами ЕС, который является основным конкурентом США в борьбе за рынки сбыта своих товаров в Латинской Америке. Поэтому, несмотря центристскую

позицию ЕС по отношению к странам АЛБА, оба региона также развивают стратегическое сотрудничество, направленное на ослабление однополярного влияния США в мире.

Действия США в информационном противоборстве с блоком АЛБА направлены, главным образом, на обозначение таких внешних и внутренних угроз, которые могли бы дискредитировать правительства этих стран как перед европейскими партнерами, так и перед электоратом стран АЛБА.

В качестве внутренних угроз для стран АЛБА США отмечают такие проблемы, как снижение уровня жизни средних слоев населения, угроза частному бизнесу (контроль государства над нефтяными ресурсами), превращение страны в новый социалистический лагерь с постепенным обособлением от мирового сообщества и тотальным контролем за населением страны.

Внешней угрозой стран АЛБА, сформулированной США, является возобновление холодной войны под патронатом России, в которой страны АЛБА будут марионетками, угроза шовинизма со стороны АЛБА.

Как показывает опыт информационных противоборств США против стран АЛБА и ряда стран Ближнего Востока, информационными мишенями¹¹ в этих странах являются подразделения вооруженных сил, СМИ, органы государственной власти.

Каналы общественной дипломатии АЛБА как инструмент отражения информационных атак

Анализируя ситуацию в Ливии, Сирии, Ираке, латиноамериканские политики предприняли ряд мер, направленных на предотвращение подобной ситуации в своих странах, с помощью защиты своей информационной среды, используя средства «новых медиа». Так, с первых дней сирийского кризиса латиноамериканские новостные агентства не только публиковали комментарии политической элиты стран АЛБА, но и сами постоянно оценивали происходящие события как агрессивное вмешательство США и стран ЕС в дела другого государства и нарушение международных демократических норм.

Наиболее активную политику в этом направлении занял латиноамериканский канал TeleSur¹². Касаясь сирийского вопроса при освещении международных новостей, стратегические коммуникаторы TeleSur прибегали к анализу и комментариям известных экономических и политических аналитиков для доведения сообщений до целевых аудиторий в своих странах и через социальные сети для зарубежной целевой аудитории, что является подтверждением успешной работы в области информационной политики этих стран.

Ярким примером может послужить разъяснительная информация об использовании химического оружия Сирией, опубликованная и прокомментированная на официальной интернет-странице телеканала TeleSur.

«Сирийское правительство неоднократно становилось жертвой внешней дестабилизации, благодаря видеозаписям экстремистских группировок, которые пытались посеять хаос, показав убийства мирных демонстрантов <...> Эти записи и фотографии заняли первые места в СМИ стран ЕС и США, которые заявили, что красная линия была пересечена и для обеих сторон не избежать военных действий. На самом деле, это слишком поздно для игр в СМИ <...> Говоря о международном праве, следует отметить, что в свое время Сирия не подписала Конвенцию о запрещении химического оружия, следовательно, может использовать его свободно. В этой связи нет смысла придумывать историю, которая уже написана. Отвечая на вопросы по этой теме 23 июля 2012 года, представитель Сирийского МИД Джихад Макдиси заявил, что вполне возможно, что его страна обладает таким оружием, используя его исключительно для защиты от внешних врагов»¹³.

Подобное разъяснение благоприятным образом повлияло на восприятие сирийской проблемы латиноамериканским населением большинства стран-членов АЛБА. В результате работы новостных каналов, электронных СМИ, социальных сетей население латиноамериканских стран через полученную информацию могло не только самостоятельно анализировать события, но и изучить механизмы управления информационными операциями, проводимыми СМИ стран Запада и экстремистскими группировками сирийских повстанцев, которые подробным образом разбирались в латиноамериканских СМИ, со ссылками на прямой источник агрессивных сообщений.

Правда пробивает дорогу

Похожие информационные приемы также с успехом были использованы латиноамериканскими СМИ во время ливийского кризиса. С первых дней вторжения войск НАТО в Ливию латиноамериканские новостные агентства постоянно комментировали происходящие события как агрессивное вмешательство в дела другого государства. Так, известное венесуэльское агентство AVN опубликовало скандальную историю, связанную с взятием Зеленой Площади в Триполи и захватом одного из сыновей Каддафи, раскрытую российским информационным агентством Russia Today. Данная «история» была отснята западными спецслужбами в Катаре при участии профессиональных актеров, в котором роль сына Каддафи Саифа аль-Ислама также сыграл профессиональный актер. Подтверждением достоверности этой инфор-

мации стало более позднее телевизионное интервью находящегося на свободе Саифа аль-Ислама. В итоге медийная атака на Ливию, созданная для поднятия положительной репутации НАТО и обмана ливийских войск, сработала в обратную сторону¹⁴.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что политика в области общественной дипломатии стран АЛБА на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии является одним из важнейших внешнеполитических ориентиров стран АЛБА в их асимметричном информационном противоборстве с США.

В период 2007–2013 гг. страны АЛБА оказывали влияние на международные СМИ с целью формирования отрицательной репутации США, связанной с их агрессивными действиями, направленными против Сирии. Первоочередными задачами стран АЛБА в связи с обострением сирийской ситуации были: контринформация, воздействие на внутренние аудитории латиноамериканских стран с целью предупреждения подобных ситуаций в странах АЛБА; полный информационный отказ от принятия игры противника; контроль за информацией для ведения информационных атак на противника; создание международной репутации АЛБА как организации с миротворческой миссией и сторонника гуманистического подхода в решении международных конфликтов.

Укрепляющийся внешнеполитический диалог стран АЛБА с Сирией, объединяющий два региона на базе платформы противостояния однополярному влиянию США, открывает перспективы для формирования новых центров силы, противостоящих сложившейся в мире монополярности.

Формирование независимого внешнеполитического курса всегда имело коммуникационную составляющую, особенно важную в наши дни. В этой связи актуальной задачей для сирийского руководства на сегодняшний день является эффективное использование в своей общественной дипломатии «новых медиа», которые стали важным управленческим рычагом влияния на общественное мнение в XXI в.

Кроме того, странам АЛБА и Сирии необходимо развивать информационную политику, способную улучшить качество внешних связей между странами Ближнего Востока и Латинской Америки не только в области политического диалога, но и в бизнесе, что будет способствовать более широкому торгово-инвестиционному обмену между регионами и ослаблению экономического давления со стороны Вашингтона.

Примечания

¹ Официальный сайт президента Венесуэлы. URL: <http://www.chavez.org.ve/temas/noticias/presidente-chavez-recibe-miraflores-su-par-irani-mahmoud-ahmadineyad/> (дата обращения: 14.07.2013).

- ² Встречи на высшем уровне между странами АЛБА и Сирией получили регулярное развитие начиная с 2006 г.
- ³ На сегодняшний день тесные социально-экономические отношения с Сирией поддерживают Венесуэла и Эквадор. Сотрудничество осуществляется в таких областях, как сельское хозяйство, нефтедобыча, торговля, инвестиции.
- ⁴ См.: Страны АЛБА отвергают какое-либо иностранное вмешательство во внутренние дела Сирии // Сирийское арабское информационное агентство (САНА) : [сайт]. URL: <http://sana.sy/rus/326/2011/12/05/386102.htm> (дата обращения: 12.04.2014).
- ⁵ См.: Венесуэла : практика «Боливарианского проекта» (результаты и риски) / под ред. В. Давыдова. М. : ИЛА РАН, 2011. С. 55.
- ⁶ См.: SIRIA-ECUADOR : La importancia de continuar con la coordinación y el dialogo entre los países árabes y países de América del Sur. URL: <http://www.prensaislamica.com/nota6797.htmL> (дата обращения: 13.04.2014).
- ⁷ Наибольшую активность в социальных сетях, таких как Twitter и Facebook, занимают президенты Венесуэлы Николас Мадуро, Эквадора Рафаэль Корреа, Аргентины Кристина Киришнер. С 2011 г. на своих страничках и в микроблогах президенты этих стран неоднократно заявляли о своей позиции по поводу Сирии, призывая к мирному решению вопросов.
- ⁸ В данном исследовании были задействованы следующие европейские СМИ: французские периодические издания *Le figaro*, *Le parisien*, *Le monde*, *Humanite*; немецкие периодические издания *Welt*, *Faz*, *Stern*; британское периодическое издание *Guardian*; итальянское периодическое издание *Repubblica*; испанские периодические издания *El mundo*, *El Pais*, *Rebelion*.
- ⁹ См.: Американское информационное агентство CNN's. Rafael Fuenmayor, Jill Dougherty, Juan Carlos Lopez and Mariano Castillo contributed to this report. U.S. expels Venezuelan diplomat in Miami. (9.1.2012). URL: http://us.cnn.com/2012/01/08/us/venezuela-consul/index.html?hpt=hp_t3 (дата обращения: 05.02.2012).
- ¹⁰ См.: CCN info controlcapital.net. Presunta trama ciberterrorista Irán-Cuba-Venezuela contra EEUU. (01.01.2012) URL: <http://www.controlcapital.net/noticia/847/GLOBAL/presunta-trama-ciber-terrorista-ir%C3%A1n-cuba-venezuela-contra-eeuu-estados-unidos-eua-univision.html> (дата обращения: 05.02.2012).
- ¹¹ Информационная мишень – множество элементов информационной системы, принадлежащих или способных принадлежать сфере управления и имеющих потенциальные ресурсы для перепрограммирования на достижение целей, чуждых данной системе.
- ¹² Телевизионная компания TeleSUR (La Nueva Televisora del Sur) была создана при активном содействии Уго Чавеса 24 июля 2005 г., явившись первой и единственной телекомпанией, принадлежащей латиноамериканцам (кроме Венесуэлы, в финансировании компании принимают участие правительства других стран АЛБА, а также Аргентины, Уругвая, Колумбии, Парагвая, Перу). 250 млн зрителей во всей Латинской Америке, Европе, Северной Африке и Ближнем Востоке. Один из крупнейших наднациональных институтов стран АЛБА.
- ¹³ Thierry Meyssan. El gas sarin es tan volátil como las promesas de Washington. URL: <http://www.telesurtv.net/articulos/2013/06/17/el-gas-sarin-es-tan-volatil-como-las-promesas-de-washington-6873.html> (дата обращения: 17.03.2014).
- ¹⁴ См.: Presidente venezolano denuncia manipulación mediática contra Libia. URL: <http://www.avn.info.ve/node/74489> (дата обращения: 17.03.2014).

ХРОНИКА

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (обзор Международной конференции)

30 мая 2014 г. в Саратове состоялась Международная научно-практическая конференция «Политическая субъектность региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы», подготовленная кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Были представлены Российская Федерация, Украина, Республика Казахстан, Республика Молдова, Чешская Республика, Республика Ирак. Организаторами выступили Саратовское отделение Российского общества политологов, Саратовское отделение Российской ассоциации политической науки, Общенациональный научно-политический журнал «Власть».

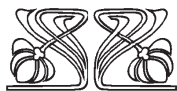
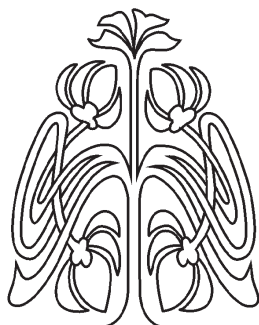
Всего было зарегистрировано свыше 90 участников, среди которых – более 20 докторов и 30 кандидатов наук, практические работники, студенты и аспиранты вузов Саратова и многих регионов России. Были представлены: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Армавирский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета; Белгородский государственный университет; Волгоградский государственный университет; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований; Кубанский государственный университет; Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева; Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ; Саратовская государственная юридическая академия; Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; Северо-Кавказский федеральный университет; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова; Сыктывкарский государственный университет; Тамбовский государственный технический университет; Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина; Ульяновский государственный университет; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва); Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ и др.

Основное внимание на конференции было уделено анализу политической субъектности региональных социумов и элит в различных системах координат.

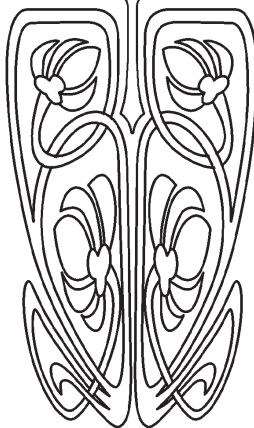
Докладчики отмечали многозначность понятия «регион» для выделения предметной сферы научного анализа. Особенно неопределенно его использование для анализа международных отношений и измерения соотношения политической субъектности межгосударственных союзов и суверенитета соответствующих государств. Для России эта тема чрезвычайно актуальна в силу подписанных недавно документов по созданию Евразийского экономического союза.

Важнейшей системой координат для анализа является измерение субъектности в рамках федеративных взаимоотношений по линии Центр – регионы и проблематики разграничения полномочий и ответственности, оптимального представительства интересов региона. Насколько важна эта тема, свидетельствует наглядный пример современных Украины и Крыма.

Однако большая часть докладов была посвящена проблематике политической субъектности внутри российских регионов. Конфигурация

ПРИЛОЖЕНИЯ

данной политической субъектности имеет множество измерений, часть которых во многом определяет степень демократичности данного региона и политической системы в целом. Этой теме была посвящена работа трех секций: 1) «Механизмы партийного строительства и элитобразования в регионах»; 2) «Власть и гражданское общество в регионах: проблемы межсубъектного взаимодействия»; 3) «Перспективные направления исследований региональной политической субъектности: теория и практика».

А. А. Вилков, д-р полит. наук, профессор СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в своем докладе рассмотрел наиболее распространенные научные подходы к анализу политической субъектности в отечественной политологии. Особый акцент был сделан на критике представителей постмодернистского подхода, которые проблему субъектности участников политической жизни подменяют проблемой ее соотношения с объективно существующей реальностью. Реальную политику (например региональную) в этом случае предлагают воспринимать, прежде всего, как то, что производится и вбрасывается субъектами политики в информационное пространство с помощью СМИ. Релятивистское понимание политической действительности приводит к тому, что она сводится к субъективизированному восприятию того, что есть «в головах» у индивидов в результате «знакового производства» в информационном пространстве политики. В этом случае политика, понимаемая только как относительно познаваемая совокупность имиджей и разнообразных символических знаковых систем, оказывается полностью оторванной от тех материальных основ общественной жизни, по поводу которых чаще всего и ведется конкурентная борьба различных субъектов политики. Однако эти ценности вполне верифицируемы, так как измеряются баррелями, тоннами, квадратными километрами, кубическими и погонными метрами, рублями, долларами и т. д. Поэтому именно прагматическая, материальная основа политики позволяет найти опору для анализа среди химер «знакового производства» и релятивизма манипулятивных имиджевых технологий и выявить более или менее адекватно смысл конкретных политических действий конкретных субъектов политики.

Д. С. Коротков, канд. полит. наук, доцент кафедры философии и политологии Харьковского национального экономического университета им. Смена Кузнеця (Украина), представил доклад «Институт выборов в Украине как механизм элитообразования». Он подчеркнул, что изучение политической элиты находится на пересечении сразу нескольких полемика в политологической науке. Главным образом, это дискуссии, которые ведутся в современном украинском политологическом дискурсе, о завершенности или незавершенности процесса институционализации украинской политической элиты, об основных

механизмах рекрутинга политической элиты, а также о характере ее структуризации. Характер, состав и ориентации правящей элиты – важнейший элемент политической системы, определяющий ее качество. Вопрос отбора элит является, по сути, одним из ключевых в процессе трансформации политической системы Украины. От этого зависит способность страны к реформам. В итоге исследователь констатировал, что институт выборов в Украине не является тем действенным механизмом, который помогает любому гражданину государства контролировать деятельность политической элиты, и политические партии в Украине не стали ключевым элементом электроального процесса, с помощью которого у любого гражданина в нашем государстве появляется возможность стать частью политической элиты.

Н. И. Шестов, д-р полит. наук, профессор СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в своем выступлении «Субъектность регионального социума: проблемы объекта и предмета политического исследования» обратил внимание на то, что в выборе региона как объекта изучения политологи вслед за специалистами по другим направлениям региональных исследований ориентируются преимущественно на административно-территориальные и пространственно-географические показатели, отчасти дополненные показателями экономического районирования. Предметное поле в этом случае обычно включает в себя электроальную проблематику, различные аспекты элитогенеза в регионе и функционирования элит, а также проблемы нормативных и организационно-управленческих изменений. Исследователь подчеркнул, что все перечисленные элементы предметного поля приобретают в структуре политического анализа специфически политологический смысл тогда, когда вводится дополнительный параметр – способность социума влиять на устойчивость либо неустойчивость протекания обозначенных процессов в контексте общего состояния российского политического процесса. Субъектность (что у человека, что у социума) есть тогда, когда есть возможность самоопределяться по отношению к окружающему миру и организовывать его «под себя». Для субъектности необходима способность влиять на устойчивость либо неустойчивость происходящих вокруг процессов и на этой границе устойчивости/неустойчивости формировать собственную оригинальную стратегию и тактику жизненного поведения.

Б. Н. Карипов, канд. ист. наук, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш. Ш. Уалиханова (Республика Казахстан), акцентировал внимание на том, что большинство либеральных российских мыслителей являлись сторонниками концепции равновесия и взаимодополнения в отношениях между гражданским обществом и государством, что позволяло сдерживать произвол последнего. Тем самым государству навязывались важные для его

эффективного функционирования ограничительные стандарты. К внутренним механизмам ограничения государственного произвола российские либеральные мыслители относили связанность государства правом – конституцией как средством формального ограничения пределов деятельности государства; установленными в конституции и других законах формами деятельности государственной власти; пределами, ограничениями, налагаемыми правовыми свободами.

А. С. Федотов, д-р полит. наук, профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова, в своем докладе обратился к двум мифологемам общественного сознания, которые непосредственно сказываются как на жизни страны, так и на жизни регионов. К ним выступающий отнес: широко распространенное убеждение о том, что либерализм как совокупность принципов организации общественной жизни обладает универсальными возможностями для развития; веру в то, что современная Россия обладает всем необходимым для эффективного развития; уверенность в определяющей роли мелкого бизнеса в экономическом развитии. Эти стереотипы не позволяют трезво взглянуть на существующее положение страны, а также большинства ее регионов. Второе обстоятельство выступающим было определено как современная повседневность жизни большинства регионов, детерминированная политикой федерального центра. По мнению автора, именно в результате данной политики большинство регионов России все глубже погружается в бедность, преодолеть которую невозможно без принципиального изменения отношений Центра и регионов. Без реиндустриализации страны, без восстановления традиционных российских мотиваций к труду и в целом трудового этоса Россия не только не сможет перейти к «модернизационному рынку», но даже достичь положения устойчивого развития.

М. В. Данилов, канд. полит. наук, доцент СГУ им. Н. Г. Чернышевского, выдвинул тезис о том, что важнейшим направлением политизации общественных отношений является процесс аффилирования гражданского общества политическим структурам. Поддержка гражданскими ассоциациями каких-либо политических проектов придает последним видимость общесоциальной значимости, неконъюнктурности и беспристрастности. Существенными отличиями, по сравнению с советским периодом, являются, во-первых, конкурентность этого процесса, а во-вторых, изменение природы цикличности политизации неполитических структур. В условиях постсоветской России цикличность политизации «третьего сектора» связана с электоральными циклами. Самый эффективный и масштабный проект политизации гражданского общества – Общероссийский народный фронт. Механизм реализации данного проек-

та, по мнению автора, имел два аспекта. Первый – организационный, направленный на широкое привлечение разного рода НКО и трудовых коллективов в состав Фронта, в том числе на основе коллективного членства. В качестве «награды» за членство в ОНФ предлагалась возможность участия в предварительных выборах (праймериз) для выдвижения кандидатов на депутатские мандаты. Второй аспект – идеологический, выразившийся в формировании так называемой «Народной программы». В заключение исследователь констатировал, что нарастание корпоративистских тенденций имеет волнообразный, циклический характер, что ведет к постепенной монополизации данного процесса находящейся у власти элитной группой.

О. В. Юров, канд. полит. наук, доцент Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова, директор департамента стратегического развития и качества г. Уральска (Республика Казахстан), в своем выступлении «Религиозная ситуация в Республике Казахстан (по результатам опросов студенческой молодежи Западно-Казахстанской области)» констатировал, что декларируемые цели по формированию гражданского общества в многонациональной республике еще далеко не достигнуты. Религиозная принадлежность в самоидентификации респондентов занимает одно из важных мест, об этом заявила почти половина опрошенных. В то же время подавляющее большинство опрошенных (82%), выражает желание жить в стране, в которой влияние религии ограничено, вмешательство религиозных организаций в деятельность государственных организаций недопустимо. Исследователем отмечен рост положительной оценки межконфессиональных отношений в казахстанском обществе (63%) и некоторый рост оптимизма, что эти отношения еще улучшатся или не изменятся.

Е. В. Ефанова, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Волгоградского государственного университета, обратила внимание на то, что среди определенной части радикально настроенной современной молодежи («сознательные радикалы») проявляются идеологические традиции русского радикализма, анархизма и «нечаевщины», переплетаясь с эмоциональными иррациональными установками и современной тематикой. Радикализм становится замещающим вариантом гражданско-политической активности молодежи, способом политической презентации, который является так же неэффективным, как и социальная пассивность, но может внести серьезные элементы политической дестабилизации. Действующие оппозиционные молодежные организации и движения, выступая как уличная протестная сила, пытаются вообразить себя либо лидерами будущих «оранжевых» революций, либо революционных путчей, что, несмотря на крайний популизм и «самоотверженность» ее участников, не приводит к мобилизации широких

масс молодежи, но может быть квалифицировано как внесистемный организационный радикализм.

Д. В. Покатов, д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии СГУ им. Н. Г. Чернышевского, сделал акцент на том, что в современной России произошел ряд изменений, способствовавших трансформации господствовавшей ранее системы отбора кандидатов в элиту. Так, если в прежней, легально-номенклатурной, модели обязательной была принадлежность к определенному слою, то в настоящее время появились возможности для рекрутинга в элиту лиц, принадлежащих к различным социальным слоям и группам. Значительно уменьшилось число формальных требований к претендентам, а некоторые из них (в том числе социальное происхождение, наличие значительного опыта административно-политической деятельности и др.) перестали быть доминирующими (хотя и не исчезли совсем). Не является сегодня обязательным и прохождение всех номенклатурных ступеней для попадания в элитную группу, что приводит к существенному ее «омоложению». Также в составе современной политической элиты наблюдаются частые персональные мобилизационные переходы как внутри элиты, так и между элитными группами, существенно меняющие ее облик.

А. В. Головченко, канд. полит. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии СГУ им. Н. Г. Чернышевского, отметил, что трансформация многопартийности в России в 2012–2014 гг. привела к тому, что в определенном смысле фактически была воспроизведена фрагментированность партийно-идеологического пространства периода 90-х гг. прошлого столетия. Во-первых, существенно возросло количество зарегистрированных партий либерального спектра, что привело к дальнейшей фрагментации данного сегмента политического пространства современной России. Соответственно возросла внутренняя конкуренция либеральных сил, претендующих на один и тот же электорат, что уменьшает шансы на успех новых партий и неизбежно ослабляет позиции «старых» партий данного спектра. Во-вторых, на региональном уровне такая фрагментация нередко приводит к ситуации, когда отделения партий существуют лишь номинально, не имея реальных сил для работы с населением не только в виде прямых контактов и агитационных мероприятий, но даже для фиксации своего присутствия в информационном интернет-пространстве. В-третьих, потенциал праволиберальных партий существенно снизился в связи с особой позицией их лидеров, которую они заняли по вопросу возвращения Крыма в состав Российской Федерации и в связи с трагическими событиями на Юго-Востоке Украины. В условиях обострения отношений России с США и их союзниками апелляция к общеевропейским либеральным ценностям и моделям демократии

не находит широкой поддержки у российского населения, особенно на региональном уровне. В-четвертых, попытки организационной консолидации либеральных сил в очередной раз не увенчались успехом, что еще более дискредитировало либерализм как политическое движение в современной России.

В. А. Труханов, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии, в своем докладе подчеркнул, что процесс формирования системы национальной безопасности не происходит спонтанно, что в основном он зависит от воли властвующей элиты. Организация модернизационных процессов в современной Российской Федерации предполагает не только развитие и реформирование технологической сферы и сферы экономики, но подразумевает также модернизацию системы национальной безопасности, так как без надежной системы национальной безопасности модернизация невозможна в принципе. Исследователь констатировал, что актуализация роли элиты в обеспечении национальной безопасности обусловлена, прежде всего, наличием огромного ресурсно-сырьевого потенциала на территории государства. Благодаря политической воле элиты Россия способна развивать уникальные технологии в авиации и космонавтике, лазерном производстве, атомной промышленности и судостроении. Это может послужить направлением развития страны в условиях глобализации, соответственно, и национальная безопасность государства будет адекватной современным угрозам.

И. И. Санжаревский, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления РАНХиГС (Тамбовский филиал), в своем выступлении ««Сервисное государство» как особая политическая форма организации публичной власти и взаимодействия с гражданами» констатировал, что сетевой принцип организационно-публичного и правового взаимодействия государства и граждан следует рассматривать как форму организации государственной и муниципальной управленческой деятельности, позволяющую существенно снизить издержки традиционной политико-правовой регламентации общественных процессов, обеспечить более мобильное взаимодействие с общественными институтами и структурами, вскрыть системные пороки и оперативно решать практические проблемы взаимодействия государства и общества при сохраняющихся традиционных формах и технологиях управления.

А. Ю. Цаплин, канд. полит. наук, доцент СГУ им. Н. Г. Чернышевского, критически оценил результативность внедрения программы «электронного государства» (e-Government). По его мнению, это новая, красочная, бросающаяся в глаза «электронная упаковка» традиционных институтов государственной власти. Характер власти остается прежними. Новые ИКТ позволя-

ют не столько создать новую, сколько оптимизировать старую систему управления. Электронное государство (e-Government) подобно Двухлицому Янусу: информатизация властных отношений, призванная сделать их более открытыми и прозрачными, оборачивается новыми возможностями для манипуляции, новыми вызовами для государственного управления.

Б. Г. Койбаев, д-р полит. наук, зав. кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, констатировал, что можно выделить следующие особенности элитогенеза в Северной Осетии, оказывающие непосредственное влияние на его институциональное и функциональное своеобразие: отсутствие прямой электоральной процедуры по выборам главы республики в связи с угрозой политической и национальной дестабилизации в случае всенародного голосования; основной элитообразующий вектор – формирование и циркуляция политических элит региона по этническому, родственному и клановому признаку; андроцентристский характер состава политических элит, связанный с особенностями традиционного уклада осетинского и других народов республики; преобладание руководителей производственных и торговых предприятий, госслужащих, выходцев из других институтов власти и управления, имеющих большой опыт управленческой работы и достаточные финансовые ресурсы для обеспечения победы на выборах в органы законодательной власти республики; увеличение количества «профессиональных» депутатов в составе органов законодательной власти, имеющих опыт парламентской работы и реальные возможности для дальнейшего продвижения внутри системы государственных органов; повышение роли политических партий, связанное с новыми требованиями политической модернизации.

С. И. Морозов, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Волгоградского государственного университета, и студентка ВГУ **Е. К. Костина** обратили внимание на возможности публичной власти и интернет-пространства как эффективных инструментов антикоррупционной политики. По их мнению, открытость и публичность деятельности институтов государственной и муниципальной власти, а также широкая доступность отчетов и результатов их деятельности в сети Интернет являются не только фактором, повышающим степень добросовестности и подотчетности власти населению. Важна также и все более распространяющаяся практика гражданского контроля и широкого общественного наблюдения за «чистотой и прозрачностью» принимаемых решений, осуществляемых госзакупок, иных разрешительных/запретительных административных практик в деятельности государственной и муниципальной власти.

А. А. Казаков, канд. полит. наук, доцент СГУ им. Н. Г. Чернышевского, и студенты СГУ **А. Савинов** и **Б. Шестов** остановились на исследовательских возможностях функциональной теории анализа сообщений масс-медиа В. Бенюта. По их мнению, данная теория дает возможность вычленения единых показателей (темы, источника и тона тезисов) и тем самым – выработки общего алгоритма исследования. Как следствие, появляется возможность проведения «типовых» научных изысканий различными коллективами авторов, сравнения получаемых ими результатов и – в перспективе – совершенствования самой теории. Более того, иногда методологический подход В. Бенюта позволяет определить общую «политическую направленность» конкретного СМК – выявить политиков, которым издание симпатизирует или, напротив, склонно критиковать, вычленив особенности формируемой журналистами информационной повестки дня, сделать выводы относительно предпочитаемого ими способа изложения материала и используемого подстиля языка масс-медиа.

С. Г. Сергеев, канд. полит. наук, профессор кафедры философии и политологии Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова, рассмотрев особенности взаимодействия федеральных и региональных уполномоченных по защите отдельных категорий граждан, пришел к выводу, что изначально не властный и не политический по своей природе институт в Российской Федерации в ходе своего становления и развития воспринял многие свойства и качества отечественных политических институтов. В различных сегментах и уровнях этот постоянно разрастающийся и усложняющийся сложносоставный институт демонстрирует ряд тенденций, которые вполне органично укладываются в логику российского политического процесса. Во-первых, происходит упорядочение функционирования его уровней и сегментов. Во-вторых, заметна институциональная универсализация, выражающаяся в «изготовлении по лекалам» отдельных элементов сложносоставного института. В третьих, оформляется внутрисегментная вертикальная интегрированность. И, наконец, в-четвертых, отмечается политизация института.

Л. В. Кубанова, канд. полит. наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических проблем Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, отметила, что отсутствие реального сектора экономики в КЧР лишает ее возможности обеспечения устойчивого и поступательного развития. Преобладание в экономике Карачаево-Черкесии сферы услуг и ее значительная нерыночная часть, низкий уровень развития инфраструктуры не позволяют сформировать в экономике республики основу современного опережающего экономического роста. В совокупности кумулятивное действие указанных факторов придает экономике Карачаево-Черкес-

ской Республики неустойчивый характер и задает ее инерционную динамику. В целом же это отражается на качестве жизни населения, воспроизводстве и развитии человеческого капитала.

Г. М. Барашков, канд. полит. наук, доцент СГУ им. Н. Г. Чернышевского, сделал акцент на особенностях функционирования институтов гражданского общества в современной России на региональном уровне (на примере Саратовской области). По его мнению, активно реализуются государственные программы по поддержке НКО, развивается сетевой принцип взаимодействия общественных объединений области. У населения области, общественных организаций, помимо предусмотренных законами форм коммуникации с чиновниками, появился и такой эффективно действующий механизм привлечения общественности к решению тех или иных проблем, как использование различных площадок для диалога власти и общества.

В. А. Ковалёв, д-р полит. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета, актуализировал вопрос о перспективах модернизации в современной России. Он констатировал, что те, кто контролирует сейчас российскую политическую систему, просто не могут (в силу императива собственного сохранения, комфорта власти и доступа к сверхдоходам) пойти на усложнение системы. Исследователь подчеркнул, что нынешние квазиполитические акторы, привыкшие к командам сверху и разнообразным спонсорам, во многом автономны от населения, лишены реальной возможности выбора, в силу своей природы просто неспособны в критической ситуации осознать, выразить и защитить общий интерес, как общегосударственный, так и общенациональный. Особенно тяжелыми следствия такого положения дел могут быть именно для региональных социумов в РФ, если действующие институты для выражения их интересов так и будут созданы.

А. В. Богданов, канд. полит. наук, ассистент кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, подчеркнул, что в современном российском обществе растет потребность в социальной защите своих прав, но адекватной, адаптивной системы социальных институтов, контролирующей процесс, не сформировано. Это объясняется отчасти и особенностями российской политической культуры, и спецификой функционирования самих НКО – отсутствие специалистов по связям с общественностью, недостаточное использование информационных технологий (особенно интернет-пространства) и профилактически-пропагандистских методов по увеличению активности граждан в выражении и отстаивании своей позиции и интересов легальными методами в рамках правового поля.

С. И. Кузина, д-р полит. наук, профессор, зам. декана факультета политологии Южно-Рос-

сийского института управления РАНХиГС при Президенте РФ, и магистрант этого института **А. В. Ткачев** констатировали, что гражданское общество в демократическом государстве является центральным элементом всех изменений, а его модернизация – одним из приоритетов государственной политики. Для реализации этой задачи необходимо не декларативное, а реальное обеспечение гражданам свободы выбора, новых форм самоорганизации граждан. Любое коллективное действие изначально строится на доверии. Построение гражданского общества только на основе развития социальной активности населения без государственного участия будет малоэффективным. Слабое государство не может формировать сильное гражданское общество.

О. А. Луценко, соискатель кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в своем выступлении акцент сделала на том, что этнический конфликт, являющийся тормозом в решении вопросов общественной жизни людей различных национальностей, представляет собой крайне нежелательное явление в жизни любого общества. К последствиям этнических конфликтов можно отнести нестабильную экономическую ситуацию, следствием которой становится возрастающая безработица, прежде всего среди молодежи, люмпенизация значительной части населения. Полностью нейтрализовать этнические конфликты достаточно сложно, однако возможно сгладить их негативные проявления путем осуществления государством комплекса мероприятий, направленных на улучшение социально-экономического положения этнических групп, проведением взвешенной миграционной политики, а также внутренней политики, ориентированной на поддержание конструктивных межэтнических и межнациональных связей.

С. А. Никоненко, канд. полит. наук, преподаватель Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, отметил, что политические партии и гражданское общество в современной России движутся по разным параллельным векторам развития. Данный процесс характеризуется отторжением обществом существующих партий, население не видит в них гаранта защиты, выражения социальных чаяний и нужд. Партии нуждаются в обществе в период федеральных и региональных выборов, поэтому они вынуждены работать с населением в период электоральных циклов, возвращаться к общественно-значимым проектам и нуждам только в выборный период.

А. В. Поляков, канд. полит. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Армавирского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, проанализировав основные подходы к определению источников социального капитала, констатировал, что государственно-центрический подход является сугубо теоретическим и отличается недостаточностью эмпирических

данных, а институционально-структуральный подход оставляет за рамками исследования вопросы о том, какие именно институты и каким образом участвуют в создании социального капитала.

А. В. Россошанский, канд. полит. наук, доцент, зав. кафедрой электронных СМИ и коммуникации СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в своем выступлении акцентировал внимание на некоторых особенностях политической субъектности региональных СМИ. Например, они в меньшей степени, чем федеральные, обеспечены финансовыми ресурсами, что накладывает отпечаток на их деятельность. В поисках финансирования они нередко становятся участниками информационно-психологических противоборств между различными политическими силами, публикуя заказные материалы. Это же обстоятельство приводит к большей зависимости местных СМИ от финансово-промышленных групп. Более того, нередко они становятся проводниками их интересов. Именно в регионах более распространенным является явление, когда тот или иной популярный информационный ресурс финансируется и, соответственно, контролируется разными представителями политической или экономической элиты.

М. В. Савва, д-р полит. наук, директор грантовых программ Краснодарской региональной общественной организации «Южный региональный ресурсный центр», **Е. В. Савва**, канд. филос. наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, подчеркнули, что наиболее ярким примером модели протестной гражданской культуры являются некоторые республики Северного Кавказа. Для протестной гражданской культуры типична готовность многих людей к использованию насилия по отношению к власти и ее представителям. Это – гражданская культура активного сопротивления, признающая возможность незаконных методов взаимодействия с властью. Рост популярности салафитии (фундаменталистского ислама) также можно рассматривать как ответную реакцию некоторой части общества на деятельность власти. Этот рост продолжается, поскольку у него есть объективная база – высокий уровень относительной депривации. «Дрожжи», на которых вырастает салафия, – массовое чувство несправедливости. Конечно, далеко не все носители протестной гражданской культуры и далеко не всегда готовы использовать незаконные методы в своем диалоге с властью. Но даже в тех случаях, когда выбираются легальные способы, граждане исходят из того, что эту власть нужно сменить.

З. М. Дыльнова, д-р социол. наук, профессор кафедры социологии регионов СГУ им. Н. Г. Чернышевского, **Ю. А. Семенова**, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии коммуникаций и управления СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в своем докладе «Развитие институтов предпринимательства в регионе (на примере Саратовской

области)» заключили, что для преодоления препятствий развитию предпринимательства в Саратовской области нужно предпринять конкретные меры, которые должны включать: создание стабильного хозяйственного законодательства; образование государственно-общественных инвестиционных, страховых и информационных фондов для содействия предпринимателям; построение региональной рыночной инфраструктуры (учебные, консультационные, сертификатные центры); введение соответствующего налогового, валютно-ценового и антимонопольного регулирования; активизацию деятельности самих предпринимателей и др.

И. С. Сайфулин, аспирант кафедры «Связи с общественностью» Юридического института Тамбовского государственного технического университета, пришел к выводу, что для противодействия деструктивным политическим технологиям необходимо акцентировать внимание общества и государства на исследовании стратегий, базирующихся на использовании в подрывных целях военно-политической, социальной, экономической нестабильности и турбулентности, которые формируются за счет искусственно создаваемой хаотизации обстановки в отдельных странах и регионах. Основопологающими факторами безопасности внутри страны и недопущения «цветных революций» являются формирование сознательного общественного мнения, выработка этнической, правовой, гражданской идентичности, обеспечение достойных условий для жизни населения, создание механизмов регулирования использования технологий управляемого хаоса.

А. С. Солдатова, мл. науч. сотр. кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса, НОЦ «Политический анализ территориальных систем» МГУ им. Н. П. Огарева (Саранск), заключила, что политическая сфера современной России представлена целым блоком стейкхолдеров. Сюда можно отнести правозащитные организации, гражданские сообщества, СМИ, НКО. Особую роль выполняют региональные отделения политических партий. Функционально политические партии в России регионально не ориентированы. Возникновение и развитие региональных партий запрещено российским законодательством. Действия российских политических партий не подразумевают содействие решению проблем культурно-национальных автономий и представительства национальных меньшинств. Это, в свою очередь, означает отсутствие полноценного учета в правительственной политике интереса соответствующих этносов, что порождает формирование иных каналов, которые провоцируют предпочтения отдельным национальным республикам.

Д. П. Соснин, канд. полит. наук, зам. директора Ульяновского областного государственного казенного учреждения «Аналитика», оценивая

вектор развития городских элит в условиях реализации нового этапа реформы местного самоуправления, констатировал наличие противоречивых тенденций. С одной стороны, можно прогнозировать в той или иной степени ослабление политического влияния существующих городских элит под воздействием факторов внутригородской децентрализации. С другой стороны, необходимо отметить высокую вероятность появления новых каналов вертикальной мобильности (через выборные районные органы местной власти), что будет способствовать притоку в состав городской элиты новой волны политиков, получивших мандат доверия напрямую от населения и не связанных с местными олигархическими и административными кланами.

М. А. Трофимова, соискатель кафедры политологии Волгоградского государственного университета, заключила, что на территории Волгоградского региона политическая элита в лице губернатора перестала должным образом выполнять свои функции; за последние годы в области не произошло улучшения форм и видов сотрудничества власти и общества; региональная элита так и не стала полноценным актором политической модернизации. Причина данных процессов видится автору в том, что большинство в региональных политических элитах рассматривают модернизацию только как поле реализации собственных интересов.

А. Л. Тютюнников (Республика Молдова, Российский центр науки и культуры в Молдове), аспирант кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, в своем докладе рассмотрел особенности приграничного взаимодействия Саратовской и Западно-Казахстанской областей в контексте евразийской интеграции и констатировал, что два приграничных региона динамично сотрудничают в реализации совместных гуманитарных и образовательных проектов. Вузы Саратова обеспечивают подготовку квалифицированных специалистов для Казахстана. В рамках программ взаимодействия между высшими учебными заведениями осуществляется обмен преподавателями и лекторами, ведется подготовка квалифицированных рабочих кадров в сфере дополнительного профессионального образования.

Н. С. Черных, ассистент кафедры политологии Волгоградского государственного университета, подчеркнула, что разработка новых идентификационных стратегий молодежной группы с учетом устоявшихся политико-культурных традиций необходима как для предотвращения угрозы ее девиантного поведения, так и для того, чтобы направить молодежь, обладающую инновационным потенциалом, не по пути деструкции, а в русло созидания и позитивных модернизационных преобразований.

Н. А. Шеховцова, канд. социол. наук, доцент кафедры политологии Волгоградского го-

сударственного университета, **О. О. Барышева**, **Н. И. Кривошеева**, студентки ВГУ, акцентировали внимание на том, что эффективность согласования интересов в публичной политике определяется не только институциональными и процедурными факторами, но и готовностью участников процесса согласования к диалогу, т. е. понимать друг друга и искать компромисс. Следовательно, можно выстроить следующую понятийную цепочку: информационная открытость – доверие – толерантность – социальное партнерство – объединение усилий – эффективное решение проблем – устойчивое развитие.

Обсуждение на конференции различных аспектов политического развития российских регионов выявило некоторые тенденции в исследовательских подходах к определению состояния политической субъектности современных российских регионов.

Выступавшие специалисты в большинстве своем рассматривали регион в качестве политического субъекта, имеющего значительный внутренний потенциал прогресса и столь же значительные трудности в реализации этого потенциала. При этом источник трудностей исследователи находили преимущественно вне регионального пространства, в разнообразных объективных свойствах тех процессов, из которых сегодня складывается общероссийская политика. В формировании субъективного консенсуса между региональными и федеральными властными элитами исследователи отметили положительную динамику на уровне поиска и принятия согласованных стратегий общегосударственного и регионального развития. Объективный же источник трудностей для регионального развития заключается во множественности тех «первоочередных» задач, на решение которых должны быть мобилизованы обычно небольшие по российским условиям внутренние ресурсы регионов, и во множественности рисков, связанных с такими внутрирегиональными мобилизациями.

В выступлениях специалистов обнаружилось стремление к расширению и реструктурированию в соответствии с новыми актуальными проблемами общероссийской политической жизни, предметного поля региональных политических исследований. Это отразилось и на заявленных в выступлениях на конференции методологических подходах, общим свойством которых является исследовательское видение региона как гибкой (гораздо более гибкой, чем политическая система современной России в целом) и активно мутирующей под влиянием внутренних и внешних факторов социально-политической системы с реальными перспективами наращивания модернизационной динамики.

А. А. Вилков, Н. И. Шестов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айтчисон Б. — докторант Лондонской школы экономики и политических наук. E-mail: B.Aitchison@lse.ac.uk

Аникин Л. С. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникации и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: anikinls@rambler.ru

Бегинин В. И. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Саратовский государственный аграрный университет. E-mail: Begininaia@info.sgu.ru

Вилков А. А. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Виноградова Е. А. — магистр истории, соискатель политологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: vinogradovacatherine7@gmail.com

Восканян Э. С. — младший научный сотрудник кафедры социологии международных отношений, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Иванова И. Н. — доктор социологических наук, профессор кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа», Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: irinaivan@list.ru

Казаков А. А. — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: champru@yandex.ru

Калинникова М. В. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Каминченко Д. И. — аспирант кафедры прикладного политического анализа и моделирования, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Климов В. А. — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: Klimov-VA1946@mail.ru

Кравченко Н. Ю. — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Красанцов Е. С. — аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский государственный университет. E-mail: krasancov.evgeny@gmail.com

Кушнир В. В. — аспирант, ассистент кафедры политологии и социальной политики, Российский государственный социальный университет, Москва. E-mail: kushvv@mail.ru

Монтаев А. Б. — аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: elim_menim@mail.ru

Немерюк Е. Е. — доктор социологических наук, профессор

кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Носаненко Г. Ю. — кандидат политических наук, докторант кафедры «Конфликтология», Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: gnosanenko@mail.ru

Петрова Ж. В. — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа», Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Покатов Д. В. — доктор социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: dvpokатов@gmail.ru

Савинов А. В. — студент юридического факультета, Саратовский государственный университет. E-mail: champru@yandex.ru

Ситникова С. В. — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский государственный университет. E-mail: skareva@yandex.ru

Ставропольский Ю. В. — кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. E-mail: StJulius@yandex.ru

Сунарчина М. М. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа. E-mail: aniram.m@mail.ru

Тадтаев Х. Б. — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Саратовский государственный аграрный университет. E-mail: Tadtaew@info.sgau.ru

Шабанов В. Л. — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: vic35@inbox.ru

Шавров А. В. — аспирант, кафедра социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: softgreen777@mail.ru

Шарова О. Л. — магистр социальной работы, аспирант, кафедра «Социология, социальная антропология и социальная работа», Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: olga_sharova_sar@mail.ru

Шестов Б. Н. — студент факультета нелинейных процессов, Саратовский государственный университет. E-mail: champru@yandex.ru

Шестов Н. И. — доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: nikshestov@mail.ru

Шитова Е. Н. — аспирант, Институт Латинской Америки Российской академии наук, Москва. E-mail: yelena.schitova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aitchison B. – PhD candidate in political science, London school of economics and political science. E-mail: B.Aitchison@lse.ac.uk

Anikin L. S. – doctor of sociology, professor of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: anikinls@rambler.ru

Beginin V. I. – doctor of philosophy, professor, head of the Chair of social sciences and humanities, Saratov State Agrarian University. E-mail: Begininaia@info.sgu.ru

Ivanova I. N. – doctor of sociology, Chair of Sociology, Social Anthropology and Social Work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: irinaivan@list.ru

Kalinnikova M. V. – doctor of sociology, professor, Chair of regional sociology, Saratov State University. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Kaminchenko D. I. – postgraduate student of the Chair of applied political analysis and modeling, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Kazakov A. A. – candidate of political science, associate professor, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: champy@yandex.ru

Klimov V. A. – PhD of philosophy, assistant professor of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: Klimov-VA1946@mail.ru

Krasantcov E. S. – postgraduate student of the Chair of international relations and foreign policy of Russia, Saratov State University. E-mail: krasantcov.evgeny@gmail.com

Kravchenko N. Yu. – PhD of sociology, associate professor, Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Kushnir V. V. – postgraduate student, assistant of the Chair of political science and social policy, Russian State Social University, Moscow. E-mail: kushvv@mail.ru

Montaev A. B. – graduate student, Chair of applied sociology's professorial, Saratov State University. E-mail: elim_menim@mail.ru

Nemeryuk E. E. – doctor of sociology, professor of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Nosanenko G. – PhD of political science, doctoral student on the Chair of conflict studies, Institute for Socio-philosophy of Sciences and Mass Communications of Kazan Federal University. E-mail: gnosanenko@mail.ru

Petrova G. V. – PhD of sociology, associate professor, Chair «Sociology, Social Anthropology and Social Work», Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Pokatov D. V. – doctor of sociology, associate professor, Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: dvpokatov@gmail.ru

Sitnikova S. V. – candidate of sociology, assistant professor, Chair of social informatics, Saratov State University. E-mail: skareva@yandex.ru

Stavropolsky Yu. V. – candidate of sociology, assistant professor, Chair of humanities, Engels' Technological Institute (branch) of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: StJulius@yandex.ru

Sunarchina M. M. – PhD of sociology, associate professor of the Chair of philosophy, sociology and pedagogy, Bashkir State Agrarian University, Ufa. E-mail aniram.m@mail.ru

Savinov A. V. – student of the Law Department, Saratov State University. E-mail: champy@yandex.ru

Shabanov V. L. – candidate of science, associate professor, senior staff scientist, Institute of Agricultural Problems RAS, Saratov. E-mail: vic35@inbox.ru

Shavrov A. V. – graduate student, Chair of sociology regions, Saratov State University E-mail: softgreen777@mail.ru

Sharova O. L. – master of social work, graduate student, Chair «Sociology, Social Anthropology and Social Work», Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: olga_sharova_sar@mail.ru

Shestov B. N. – student of the Department of Nonlinear Processes, Saratov State University. E-mail: champy@yandex.ru

Shestov N. I. – doctor of political science, professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

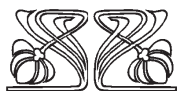
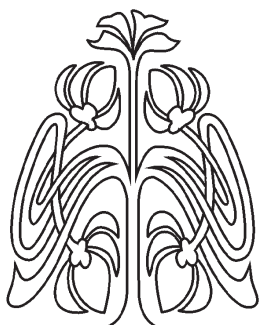
Shitova E. N. – postgraduate student, Institute of Latin America of Russian Academy of Science, Moscow. E-mail: yelena.schitova@gmail.com

Tadtaev H. B. – PhD of philosophy, assistant professor of the Chair of social sciences and humanities, Saratov State Agrarian University. E-mail: Tadtaew@info.sgau.ru

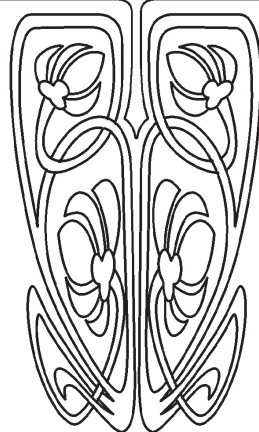
Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Vinogradova E.A. – master of history, postgraduate student of the Political science department, Lomonosov Moscow State University. E-mail: vinogradovacatherine7@gmail.com

Voskanyan E. S. – junior researcher, Chair of Sociology, International Relations, Lomonosov Moscow State University. E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».
Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: BegininalA@info.sgu.ru